

Приложение С

Предшествующие замечания по делам, рассматривавшимся Европейским Судом

Настоящее приложение содержит образцы различных видов письменных замечаний и устных выступлений, которые рассматривались Европейским Судом по правам человека.

(i) Русланова и другие против России

Настоящий текст представляет собой подлинную жалобу, направленную в Европейский Суд, однако в целях защиты заявителей их имена были изменены. Жалоба была подана в Суд неправительственной организацией «Правовая инициатива по России», которая представляет интересы заявителей в этом деле.

Дело касается задержания и последующей внесудебной казни родственников заявителей российскими федеральными силами в Чечне в 2000 г. В жалобе также утверждается, что погибшие подверглись бесчеловечному обращению во время содержания под стражей, а ответственные власти не провели надлежащего расследования этих фактов.

Заявители жаловались на нарушение статей 2, 3, 5, 6, 13 и 14 Европейской Конвенции.

(ii) Новоселов против России (№ 66460/01)

Письменные замечания, направленные в Суд после вынесения решения о приемлемости в ответ на аргументы правительства в связи с делом, касавшимся плохих условий содержания в тюрьме.

В замечаниях содержатся ссылки на стандарты, установленные Европейским Комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (см. www.cpt.coe.int/russian.htm). Также в них приводятся данные из доклада, подготовленного одной из российских региональных НПО, которые относятся к условиям содержания в конкретной тюрьме, рассматривавшейся в деле.

В решении по этому делу от 2 июня 2005 г. Европейский Суд установил нарушение ст. 3. Суд назначил заявителю компенсацию материального ущерба в размере 3 тыс. евро, наряду с судебными издержками, понесенными в ходе разбирательства в национальных судах и Европейском Суде, в размере 12 тыс. рублей и 1 300 евро.

(iii) Фадеева против России (№ 55723/00)

Замечания от имени заявительницы, подготовленные после принятия решения о приемлемости. В этих замечаниях содержатся ответы на ряд вопросов, поставленных Европейским Судом, а также на доводы правительства. Данное дело касалось неблагоприятного воздействия загрязнения окружающей среды на заявительницу, проживающую в Череповце вблизи от металлургического комбината. В них содержатся ссылки на заключение экологической экспертизы, на которое опирается заявительница (текст этого заключения не опубликован в Приложении, однако с ним можно ознакомиться по адресу: <http://www.elaw.org/assets/word/FadeyevaHealthAssessment.doc>).

В решении по этому делу от 9 июня 2005 г. Европейский Суд установил нарушение ст. 8. Он присудил заявительнице компенсацию нематериального ущерба в размере 6 тыс. евро, наряду с судебными издержками в размере 4 768 евро и 5 540 фунтов стерлингов.

(iv) Исаева и другие против России (№№ 57947-9/00)

Замечания заявителей, подготовленные в ответ на замечания правительства после вынесения Судом решения о приемлемости в деле, касающемся бомбардировки российскими военно-воздушными силами колонны гражданских автомобилей, покидавших столицу Чечни Грозный в 1999 г. В тексте замечаний достаточно подробно рассматривается вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты в условиях конфликта в Чечне.

В решении по этому делу от 24 февраля 2005 г. Европейский Суд установил нарушение ст. 2, 3 и ст. 1 Протокола 1. Трем заявительницам была присуждена компенсация ущерба общей суммой в 57 тыс. евро наряду с возмещением судебных издержек в размере 10 926 евро.

(v) Жданока против Латвии (№ 58278/00)

Текст устного выступления представителя заявительницы на слушании в первой секции Суда 15 мая 2003 г. Дело касалось запрета заявительнице выдвигать свою кандидатуру на выборах в Парламент Латвии.

В решении палаты по этому делу от 17 июня 2004 г. Европейский Суд установил нарушение ст. 3 Протокола 1 и ст. 11. Он присудил заявительнице компенсацию материального ущерба в размере 2 236,5 латвийских латов, нематериального ущерба в размере 10 тыс. евро и судебных издержек в 10 тыс. евро.

На момент публикации книги дело ожидает пересмотра в Большой Палате Суда.

Жалоба по делу «Русланова и другие против Российской Федерации»*

I. СТОРОНЫ

1. Фамилии заявителей

1. Русланов
2. Заремов
3. Дагмарова
4. Заремова

(Данная жалоба подана от имени Русланова А., Заремова Х., Дагмаровой Л. и Заремовой Н. и их погибших родственников Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С.)

2. Имя, отчество, пол

1. Алу, —, мужской
2. Хамид, Умалтович, мужской
3. Лули, Мурадовна, женский
4. Нуришат, женский

3. Гражданство

1. российское
2. российское
3. российское
4. российское

4. Род занятий

У сотрудников SCJI есть все данные заявителей.

5. Дата и место рождения

У сотрудников SCJI есть все данные заявителей.

6. Постоянный адрес

1. Чеченская Республика, 2. 3. Чеченская Республика,

* Это первоначальная жалоба в том виде, как она была подана в Суд «Правовой инициативой по России», представляющей интересы заявителей в этом деле. Имена заявителей и название дела были изменены.

7. Номер телефона

Нет телефона.

8. Адрес места, где проживает в данный момент

1. Чеченская Республика, 2. Чеченская Республика, 4. Чеченская Республика.

9. Имя представителей

Stichting Chechnya Justice Initiative

Ежова Елена, Мальцева Анастасия, Николаев Андрей

(см. Приложение 1, «Процедурные документы», п.п. 1-4 – Доверенности)

10. Род занятий представителя

Сотрудники неправительственной организации, предоставляющей юридическую помощь жертвам грубых нарушений прав человека в Чечне.

11. Адрес представителя

Россия, Москва, 111555, а/я 11

12. Номер телефона представителя

Телефон: (095) 252 07 92

Факс: (095) 250 68 53

Б. Высокая Договаривающаяся Сторона

13. Российская Федерация

ВСТУПИТЕЛЬНЫЙ ПАРАГРАФ

Русланов А., Дагмарова Л. и Заремов Х. и Заремова Н. (далее «заявители») обратились в Европейский суд по правам человека по поводу задержания и убийства своих родственников.

10 декабря 2000 года они были задержаны в районе села Радужное, Чеченской Республики.

21 февраля 2001 года их трупы с явными признаками насильственной смерти были обнаружены в дачном поселке «Здоровье», недалеко от военной базы в поселке Ханкала. Все обстоятельства дела по данной жалобе свидетельствуют о том, что Канта Русланов, Ахмат

Заремов и Саид Дагмаров были задержаны и убиты представителями федеральных сил. Однако, никакого эффективного расследования со стороны федеральных властей проведено не было.

В своей жалобе заявители говорят о следующих предполагаемых нарушениях статей Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод:

Нарушения Статьи 2.

Во-первых, вне разумных сомнений, что Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. были задержаны представителями федеральных сил и в дальнейшем погибли от их рук.

Во-вторых, правительство не выполнило свое позитивное обязательство по защите жизни родственников Русланова А. Дагмаровой Л. и Заремова Х.

В-третьих, власти не провели должного расследования их гибели.

Нарушения Статьи 3.

Во-первых, заявители не без серьезных оснований предполагают, что их родственники после задержания подвергались дурному обращению, подпадающему под нарушения Статьи 3.

Во-вторых, правительство не выполнило своего обязательства по расследованию потенциально обоснованного заявления о применении к Русланову К., Заремову А. и Дагмарову С. жестокого обращения.

В-третьих, заявители испытывают сильные душевные страдания из-за задержания и последующего убийства Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., а также из-за нежелания или несостоятельности правительства расследовать это дело.

Нарушения Статьи 5.

Задержание Русланова К., Заремова А. И Дагмарова С. было проведено не в соответствии с нормами российского законодательства и положениями Европейской Конвенции.

Нарушения Статьи 6(1).

У заявителей не было доступа к эффективной судебной защите.

Нарушение Статьи 13 в связи с другими Статьями.

У заявителей не оказалось эффективных средств для установления местонахождения родственников и расследования их убийства,

не было эффективных средств правовой защиты от нарушений Статей 2,3,5 Европейской Конвенции.

Нарушение Статьи 14 в связи с другими Статьями.

Расследование в ЧР не производилось должным образом в отношении заявителей, что само по себе является дискриминацией.

II. ИЗЛОЖЕНИЕ ФАКТОВ

14.1. В следующих параграфах изложены события, воссозданные на основании обращений заявителей, свидетельских показаний, собранных заявителями, статей из газет и материалов других правозащитных организаций. Ссылки на все материалы указаны дальше по тексту. Отсутствие в тексте некоторых фамилий свидетелей объясняется тем, что эти люди испытали на себе давление со стороны правоохранительных органов и не верят в эффективность защиты их прав, но тем не менее, готовы давать показания в Европейском суде по правам человека.

14.2. 10 декабря 2000 года между 18:00 и 21:00 в населенных пунктах Чеченской Республики: Радужное, Побединское и Долинский проводилась спецоперация федеральных сил, в которой участвовало от 60 до 70 вооруженных людей в масках и военной форме, передвигавшихся на БТР и военных грузовиках без опознавательных знаков. Села Радужное, Побединское и Долинский находятся недалеко друг от друга по одной дороге на северо-запад от Грозного (примерно в 25 километрах от города). В тот вечер из этих сел было задержано в общей сложности 21 человек, в том числе Канта Русланов, Ахмат Заремов и Саид Дагмаров.

Задержание Канта Русланова (См. Приложение 1, Документы, удостоверяющие личность, пункт 7, фото 2 и 3).

14.3. 10 декабря 2000 года с 19:00 до 20:00 Канта Русланова возвращался домой в село Надтеречное вместе со своим родственником Амиром от бабушки на машине УАЗ-469 «Б».

14.4. На окраине села Надтеречное машину остановили военные в камуфляжной форме на двух БТР. Обоих посадили в машину «УРАЛ» и увезли. В статье газеты «Вашингтон Пост», от 13 апреля 2001 года говорится: *«...когда Кант и его двоюродный брат, Амиф намеревались посетить бабушку Ловакиева, они оставили паспорта дома, посчитав, что они не понадобятся им в дороге, это 10 минут на машине. Они не уезжали от*

нее до 8:30 вечера, задержались на полчаса после начала комендантского часа. Два солдата, которые остановили машину Ловакиева, надели на них наручники и положили лицом вниз в грузовой отсек военного автомобиля» (См. Приложение 1, Разное, п.16).

14.5. В свидетельских показаниях Амира Ловакиева (задержанного вместе с Кантом Руслановым и отпущенного позднее) содержится информация относительно задержания¹: «Ехали мы с Гунюшек. На трассе нас остановили. Это было около девяти часов вечера. Меня остановили военные. Приказали потушить свет, выйти из машины, ключи положить на капот. Все проверили, приказали заглушить машину. Документов у меня с собой не было. Потом нас закинули в Урал. Там уже лежало несколько человек. Нас положили друг на друга, по дороге были военные в масках, которые находились в кузове. Руки у нас были связаны сзади туго. Везли по трассе, по дороге стреляли, одного ранили. Потом нас еще долго куда-то везли, останавливались, поворачивали то направо, то налево. Стояли, по-моему, и на 36-ом участке полчаса или час. Всю ночь мы ездили, машина остановилась на рассвете. Высадили из машины. Это была Ханкала. Глаза нам завязали, шарфами, у кого были, другим шапки на глаза натянули. Потом нас посадили в две ямы, глубиной 3-4 метра... В одну 10 человек, в другую 11. Там было тесно. Мы могли стоять свободно, но присесть всем одновременно было невозможно. Было холодно. Сверху был положен лист железа и деревянная крышка. Ее задвигали и сверху что-то клали. <...> Мы переночевали в яме, а к обеду отпустили двоих из нас, которых забрали из Первомайской. <...> Потом забрали еще двоих или троих. Нас вызывали на допросы... У меня спросили: «Ты тоже боевиков не знаешь? Зачем с собой пацана возишь? Сам минируешь, а его для прикрытия?» Это они говорили о ... Русланове Канте» (см. Приложение 1, «Разное», п.2).

14.6. Родители К. Русланова не волновались по поводу того, что сын не вернулся вечером, так как думали, что он останется ночевать у родственников. Только на следующий день они узнали по слухам, что их сын был задержан вместе со своим двоюродным братом.

Задержание Заремова Ахмата (См. Приложение 1, «Документы, удостоверяющие личность», п.1 (фото)).

14.7. Вечером 10 декабря 2000 года Ахмат Заремов и его двое знакомых возвращались на машине домой в село Новошедринское. Они

¹ Свидетельские показания собраны сотрудниками ПЦ «Мемориал» 28 февраля 2001 года в селе Радужное, Грозненскосельского района (см. на сайте ПЦ «Мемориал» www.memo.ru).

были остановлены солдатами, стоявшими у БТР на перекрестке между селами Радужное и Побединское.

14.8. Люди, которые ехали с Ахматом Заремовым в машине, рассказали после их освобождения заявителям в середине декабря 2000 года, что сначала они приняли БТР за дислоцированный в селе уфимский ОМОН, с которым у жителей не было никаких конфликтов.

14.9. Когда машина, в которой находились Ахмат Заремов и его знакомые, поравнялась с БТР, солдаты остановили их, выволокли из машины и увезли на автомобиле «УРАЛ».

14.10. По свидетельствам заявителей, два человека, освобожденных впоследствии, рассказывали им, что их сначала отвезли в Грозный, а затем на Ханкалу, причем по боковым, а не главным дорогам.

Задержание Саида Дагмарова (См. Приложение 1, «Документы, удостоверяющие личность», п.6).

14.11. Дагмаров Саид был сотрудником милиции Старопромысловского района. Вечером 10 декабря 2000 года Саид Дагмаров находился у себя дома вместе с матерью.

14.12. В это время колонна из двух БТР и четырех УРАЛов проходила через село Радужное. Военные из этой колонны забирали людей, которые задержались на улице. В тумане какая-то легковая машина наткнулась прямо на колонну. Потом развернулась и поехала в сторону домов. Ей вслед со стороны колонны стали стрелять, и водителя автомобиля тяжело ранило. Машина, потеряв управление, въехала в ворота дома, который стоял рядом с домом Дагмаровых. Дагмаров, услышал шум, и, решив узнать в чем дело, перескочил через ограду к соседям. Военные, увидев, что раненого забрать невозможно, так как он был в тяжелом состоянии, забрали Магомеда и увезли в сторону шоссе (См. Приложение 2, п.15).

14.13. По словам матери Саида Дагмарова, последний был схвачен вооруженными людьми в масках и в униформе, во дворе у соседей сразу же, как только там оказался.

Задержание других жителей Побединского, Радужного и Долинского

Все нижеизложенные обстоятельства (п.п. 14.14 – 14.18) почерпнуты из следующих документов: Приложение 1, «Разное», п. 2; «Доказательства», п.п. 1, 10.

14.14. 10 декабря 2000 года были задержаны всего 21 человек из сел Побединское, Радужное, Долинское. После того, как их освободили, они рассказывали, что между селами идет дорога на Гунюшки (населенный пункт). На дороге находится заправка. Около этой заправки, по двум сторонам от дороги, военные на 2 БТР и на 4 УРА-Лах, численностью примерно 70 человек, заняли позицию. Проверяли всех, кто проезжал в этот вечер на машинах. Не задерживали только тех, у кого был пропуск на работу в город Грозный, от которых в тот вечер и стало известно, что на дороге окопались военные в камуфляжной форме и масках. Причем, по словам свидетелей, вначале они приехали в село Побединское для проведения адресной зачистки, но из-за сильного тумана военные заняли позицию на дороге.

14.15. Всех задержанных всю ночь возили по бездорожью, где именно, они не могут точно сказать. Только под утро, когда начало светать, они смогли через дырки в тенте УРАЛа разглядеть дорогу, по которой их везут. Один из задержанных узнал место, где они ехали, так как до войны у его дяди там были торговые склады, так называемые склады Энгиноева. Склады находились как раз около военной базы российских войск на Ханкале.

14.16. Как только их привезли на Ханкалу, им сразу надели повязки на глаза, у кого были шапки, их натягивали на лицо. Как выяснилось, их разместили в 2 ямы, в одну 10 человек, в другую 11 человек. Ямы были тесные (диаметр примерно полтора метра) и глубокие (примерно три метра). Сверху ямы покрывали металлическим листом.

14.17. Каждого из задержанных по очереди водили на допросы, которые сопровождались избиениями. Когда кого-нибудь доставали из ямы, ему сразу надевали повязку на глаза.

14.18. В частности, Руслана, задержанного вместе с Дагмаровым С.Р.М. обвиняли в установке мин и в том, что он использовал Саид-Рахмана в качестве приманки. «Мы повесим мальчика и убьем тебя», — обещал военный служащий.

Период 10 декабря по 19 декабря 2000 года

14.19. После 10 декабря 2000 года, заявители и семьи других задержанных пытались установить местонахождение своих родственников. Известия о том, где находились задержанные и в каких условиях они содержатся, начали поступать после того, как федеральные вой-

ска начали отпускать других задержанных.

14.20. 13 декабря 2000 года были освобождены 11 человек из 21 задержанного. Их вывезли с военной базы на автомобиле «УРАЛ», всю дорогу их охраняли солдаты с собаками. Колонна остановилась около заброшенного дома, куда солдаты отвели всех 11 человек. Приказали оставаться в доме, пока они не уедут. Как только военная колонна удалилась, освобожденные начали развязывать друг другу руки, ноги и глаза. Заброшенный дом оказался недалеко от села Новый Центарой. Жители села оставили освобожденных на ночь у себя. На следующее утро за ними приехали работники комендатуры и Глава Администрации Грозненского района, и отвезли по домам (см. Приложение 1, «Доказательства», п. 10)

14.21. 17 декабря 2000 года были отпущены еще пятеро задержанных федеральными силами.

14.22. 19 декабря 2000 года освободили еще двух человек, выбросив их в селе Гикало.

14.23. Эти свидетели рассказывали заявителям, что их держали на военной базе российских войск недалеко от Ханкалы в глубоких ямах, над которыми стоял палатки, также они рассказывали о жестоких побоях.

14.24. Освобожденные 19 декабря 2000 года подтвердили, что на базе еще оставались К. Русланов, А. Заремов и С. Дагмаров.

14.25. Один из освобожденных 13 декабря 2000 года (фамилия не указывается) получил сквозное ранение, когда его вместе с другими задержанным везли в заброшенный дом, упомянутый в п. 14.20 (См. Приложение 1, Доказательства, п. 1).

14.26. Почти все освобожденные были допрошены при проведении расследования в связи с их задержанием. Но эти свидетельские показания не доступны. К тому же, почти все допрошенные в ходе следствия подвергались угрозам со стороны органов, проводящих расследование по факту задержания этих людей.

14.27. С 10 декабря 2000 года с момента исчезновения родственников, в течение более двух месяцев семьи Русланова, Заремова и Дагмарова не имели никаких дальнейших сведений об их судьбе и местонахождении, несмотря на активные попытки установить их местонахождение.

14.28. В ходе поисков Русланова, Заремова и Дагмарова их родственники обращались с заявлениями в:

* Грозненский ВОВД и УВД ЧР,

- * Органы ФСБ ЧР и г. Грозного,
- * Прокуратуру Чеченской Республики,
- * Администрацию Чеченской Республики.

К сожалению, у заявителей не сохранились копии этих заявлений, но факт подачи этих заявлений подтверждается ответами из указанных учреждений (см. пункт 14.29 и подробнее Приложении 1, «Исчерпание внутренних средств», п.п. 1-8).

14.29. Несмотря на все многочисленные устные и письменные обращения, уголовное дело было возбуждено лишь 19 февраля 2001 года, (см. пункт 14.30) за несколько дней до того как заявители обнаружили тела своих родственников. В основном заявители получили формальные письма, не содержащие информации по существу дела:

* 31 декабря 2000 года из прокуратуры Чеченской Республики пришло уведомление, что их заявление для организации проверки направляется в прокуратуру Грозненского района. (см. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п.п. 1-3).

* 11 января 2001 года заявление в прокуратуру г. Грозного было передано через прокуратуру Грозненского района в Грозненский ВОВД (См. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п.п. 4, 5).

* 23 января 2001 года заявление из Администрации Чеченской республики было передано заместителем Главы Администрации в Военную прокуратуру в/ч 20102, Ханкала (См. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п. 6).

* 2 февраля 2001 года из Управления ФСБ России по Чеченской Республике Грозненского сельского района пришло уведомление о том, что материалы проверки по их заявлению направлены в военную прокуратуру ЧР (См. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п.п. 7, 8).

14.30. 19 февраля 2001 года по признакам преступления, предусмотренного ст. 127 УК РФ (См. Приложение 2, пункт 1) прокуратурой Грозненского района ЧР было возбуждено уголовное дело № 19012, о чем было сообщено письмом из прокуратуры Грозненского сельского района (См. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п.п. 9, 10).

14.31. Дагмарова Зарина (мать Дагмарова С.), Русланова Е. (мать Русланова К.) и Заремова М. (мать Заремова А.) обратились к специальному представителю Президента РФ Каламанову В.А (дата обращения неизвестна).

Обнаружение тел

14.32. В начале февраля сестра дагмаровой З. приехала к ней домой и рассказала, что одна женщина из Шалинского района также ищет своего сына. Дагмарова З. встретилась с ней, эта женщина сказала, что 19 февраля 2001 года она поедет в дачный поселок «Здоровье», в котором были обнаружены чьи-то тела. Эта женщина добилась военного сопровождения и ей выдали пропуск на определенное количество людей для предъявления на блок посту, поэтому вместе с ней нельзя было поехать в этот поселок. Но Дагмарова З. дала ей описание вещей, в которые был одет Дагмаров Саид в день задержания. 19 февраля 2001 года, после посещения дачного поселка, эта женщина сообщила, что видела там тело, которое по описаниям очень походит на сына Дагмаровой З.

14.33. 20 февраля 2001 года заявители встретились с представителями администрации, договорились, что им дадут двух провожатых из комендатуры. Брат Заремова, который работает заместителем Главы администрации, договорился с мурманским ОМОНОм (10 человек) по поводу сопровождения. Им выделили машину УАЗ – 452. Вся дорога до Ханкалы заблокирована, и без такого сопровождения проехать там невозможно, причем даже военным приходилось регистрировать свой транспорт на каждом посту.

14.34. 21 февраля 2001 года, заявители поехали в Дачный поселок «Здоровье». В этот день поиски тел были затруднены тем, что выпавший накануне снег полностью скрыл их.

14.35. Сразу около дороги Русланов А. заметил тело, припорошенное снегом. Они решили посмотреть, кто это. Но сотрудники ОМОНа не сразу подпустили их к телу. Они сначала посмотрели, не заминировано ли оно. Под снегом, как оказалось, было скрыто 2 тела: Русланова К. и Заремова А. После этого Русланов А. подошел к телам, но уже с расстояния 5-6 метров узнал своего сына по одежде. Он был в свитере, красных шерстяных штанах. Лежал он лицом вниз. Сверху Русланова К. лежал Заремов Х. Заявители развернули тела. На глаза Русланова К. и Заремова Х. были натянуты шапки, и поверх шапки была повязка. Руки были очень сильно перетянуты жгутом. У Заремова Х. не было двух глаз, не было кожи на лице, будто ее аккуратно сняли ножом.

14.36. Потом заявители решили отправиться на поиски Дагмарова С. и зайти в поселок поглубже. Военные, которые сопровождали их, боялись идти вглубь поселка, опасаясь мин, которые могли быть в

трупах. Однако, заявители решили на свой страх и риск все-таки зайти вглубь. Тело Дагмарова С. было найдено в полуразвалившемся дачном домике на крыльце. Тело положили на одеяло, и за концы потащили на дорогу. Тело несли очень осторожно, потому что кости были все сломаны и сильно трескались.

14.37. Тела всех троих: Заремова А., Дагмарова С. и Русланова К., были доставлены в села, и в тот же день заявители обратились в прокуратуру и сообщили о своей находке.

14.38. На телах родственников заявителей имелись следы внесудебной казни, их руки были связаны за спиной, их глаза завязаны, и на них были следы от огнестрельных ранений.

Тело Дагмарова Саида

14.39. 16 марта 2001 года родственникам Дагмарова С. было выдано медицинское свидетельство о смерти, в котором в качестве непосредственной причины смерти указаны «множественные огнестрельные и ножевые ранения туловища и головы». Дата смерти указана на 21 февраля 2001 года, т.е. тот день, когда был найден труп. Свидетельство подписано врачом Долинской врачебной амбулатории Мустапаевой З.Х. В свидетельстве о смерти, выданном 28 марта 2001 года, дата смерти указана также 21 февраля 2001 года (см. Приложение 1, «Доказательства», п. 5).

14.40. У Дагмарова было:

- * Огнестрельные и ножевые ранения туловища и головы;
- * На пальце одной руки отсутствовали две фаланги;
- * Отсутствовало ухо, предположительно оно было отрезано при жизни, так как все лицо было в крови;
- * Несколько ножевых ран на теле;
- * Огнестрельное ранение в затылочную часть головы;
- * Множественные переломы костей.

Подробнее об этом смотри во врачебном свидетельстве и в показаниях свидетелей и заявителей (Приложение 1, «Доказательства», п. 4; «Разное», п. 2)

Тело Русланова Канта.

14.41. Тело Русланова К. было найдено 21 февраля 2001 года. Медицинское свидетельство было сделано в тот же день, в котором в качестве непосредственной причины смерти указаны «множественные огнестрельные и ножевые ранения туловища и головы». Свидетель-

ство подписано врачом Долинской врачебной амбулатории Мустапаевой З.Х. Свидетельство о смерти было выдано 8 ноября 2001 года (см. Приложение 1, «Доказательства», п.п. 7, 8).

14.42. У Русланова К. было:

- * Сквозное огнестрельное ранение затылочной части головы с выходом в теменной области;

- * Огнестрельное ранение грудной клетки, сердца и правого легкого;

- * Резаные раны в области живота;

- * Множественные переломы костей.

Отец Русланова К. предполагает, что сына убили примерно на третий день, так как у него не успела еще отрасти борода. Подробнее об этом смотри во врачебном свидетельстве и в показаниях свидетелей и заявителей (Приложение 1, «Доказательства», п. 6, «Разное», п. 2).

Тело Заремова Ахмата

14.43. Свидетельство о смерти выдано 3 декабря 2001 года (см. Приложение 1, «Разное», п. 9). Врачебное свидетельство родственники не смогли получить.

14.44. У Заремова А.:

- * Были выколоты оба глаза;

- * Была срезана кожа с лица в области подбородка;

- * Были множественные переломы костей.

Подробнее об этом смотри в показаниях свидетелей и заявителей (Приложение 1, «Разное», п. 2).

14.45. У заявителей нет фотографий тел их родственников после обнаружения их в массовом захоронении, так как тела были сразу же захоронены по религиозным обычаям. По мнению очевидцев, побывавших в дачном поселке, трупы были в очень плохом состоянии, так же, как и другие тела, обнаруженные в дачном поселке. Фотографии других тел сделали сотрудники центра «Мемориал» (См. Приложение 1, «Разное», п. 4).

Расследование

14.46. Сразу после обнаружения тел своих родственников, 21 февраля 2001 года, заявители обратились в районную прокуратуру.

14.47. На следующий день, т.е. 22 февраля 2001 года всех заявителей и освобожденных допросили следователи из ВОВД. Также приезжали следователи из прокуратуры Грозненского района, прокура-

туры Чеченской Республики. Каждого допрашивали в отдельности. Односельчане рассказывали заявителям, что были случаи побоев и запугивания со стороны правоохранительных органов.

14.48. 23 февраля 2001 года следователи прокуратуры приезжали еще раз. Допросы и угрозы в адрес отпущенных повторились.

14.49. До сих пор освобожденные боятся давать свидетельские показания или интервью, опасаясь повторения преследований со стороны представителей федеральной власти. Стараются не вспоминать о происходившем на Ханкале.

14.50. 24 февраля 2001 года к Русланову К. приехали сотрудники Старопромысловского ВОВД. Ему сообщили, что его вызывают на допрос в качестве очевидца. Его попросили показать, где он нашел трупы Русланова К. Заремова А. И Дагмарова С. Алу Русланов, отец Канта Русланова, посетил поселок «Здоровье» недалеко от Ханкалы еще раз. На этот раз вместе с прокурором Чечни В. Чернов, сотрудниками республиканского УВД и другими официальными лицами. В. Чернов делал видеосъемку места (подробнее см. фотографию Приложение 1, «Доказательства», п. 3. На фотографии В. Чернов с видеокамерой в районе дачного поселка.).

14.51. 4 марта 2001 года заявитель Русланов А. был признан потерпевшим по данному уголовному делу, о чем следователем районной прокуратуры было вынесено постановление (см. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п. 1).

14.52. 30 марта 2001 года из военной прокуратуры Северо-Кавказского военного округа поступила информация, что им было передано заявление, адресованное Каламанову, и что в прокуратуре ЧР расследуется уголовное дело № 19012 по преступлению, предусмотренному статьей 127. После того, как тела были найдены, уголовное дело не было переквалифицировано (См. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п.п. 12, 13).

14.53. 23 августа 2001 года Дагмарова Л. и Русланов Алу. обратились с заявлением к главе группы содействия ОБСЕ в Чечне Александру Корне с просьбой ускорить расследование уголовного дела № 19012 (См. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п.п. 14, 15).

14.54. 16 декабря 2002 года Stichting Chechnya Justice Initiative в качестве представителей заявителей обратилась в прокуратуру Грозненского района с просьбой сообщить о ходе уголовного дела № 19012, но ответа не последовало (см. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п. 16).

14.55. **25 декабря 2002 года** Русланов А. обратился к и.о. прокурора Грозненского района ЧР с просьбой провести дальнейшее расследование по факту убийства Дагмарова С., Заремова А. и Русланова К.. (см. Приложение 1, «Исчерпание внутренних средств», п. 17).

III. ИЗЛОЖЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ НАРУШЕНИЙ ПОЛОЖЕНИЙ КОНВЕНЦИИ И ПРИВЕДЕНИЕ СООТВЕТСТВУЮЩИХ АРГУМЕНТОВ.

ПРИЕМЛЕМОСТЬ

А. Принятие права на подачу индивидуальной петиции

15.1. 5 мая 1998 г. Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского Суда по правам человека путем депонирования в Страсбурге ратификационных жалоб, тем самым признавая полномочия Европейского Суда принимать от физических лиц жалобы на нарушение властями норм Конвенции (согласно Ст. 25 (сейчас статья 34) Конвенции).

Б. Жертва

15.2. Заявители подают в Суд эту жалобу от своего имени, как жертвы жестокого обращения властей с ними, а также в качестве ближайших родственников незаконно задержанных и убитых Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С.

15.3. Практика Европейского Суда показывает, что «приемлемыми могут быть признаны не только жалобы от лиц, чьи права, закрепленные в Конвенции, нарушены государством, но и жалобы от их близких родственников, и от тех, кому нарушение прав другого лица также наносит ущерб...» (решение по делу *X v Federal Republic of Germany*).

15.4. Заявители считают, что они, как самые близкие родственники убитых, имеют право на подачу жалобы.

В. Заявление в связи со Статьей 35(1) Конвенции

15.5. Заявитель заявляет, что данная жалоба была подана в Европейский суд в соответствии с требованиями Статьи 35(1). Как аргументируется ниже в пунктах 18.1 – 18.10, заявители сделали всё, что можно было в рамках разумного от них ожидать, чтобы исчерпать внутренние средства правовой защиты, но они оказались недостаточными, неэффективными или иллюзорными. Заявители подали

данную жалобу в течение шести месяцев с того момента, когда убедились в неэффективности внутренних средств.

СУЩЕСТВО ДЕЛА

15.6. Заявители предполагают, что в отношении их родственников (Русланова, Заремова и Дагмарова) были нарушены следующие Статьи Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод:

Статья 2,

Статья 3,

Статья 5,

Статья 6(1),

Статья 13 в связи со Статьями 2, 3, 5 и

Статья 14 в связи со Статьями 2, 3, 5 и 6(1).

И в отношении самих заявителей: Статьи 3 и 13 (в связи со Статьей 3).

Статья 2

Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Статья 2 гласит:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

а) для защиты любого лица от противоправного насилия,

б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях,

в) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.»

15.7. Европейский Суд неоднократно подчеркивал, что Статья 2 Европейской Конвенции в сочетании со Статьей 3 «гарантирует одну из основных ценностей демократических обществ, создавших Совет Европы» (решение по делу *McCann and others v the UK* от 27 сентября 1995 года, п. 147; решение по делу *Soering v the UK* от 7 июля 1989 года, п. 88), и что это является правом, которое не может никоим об-

разом ограничиваться (кроме допускаемой в Статье 15(2) гибели в результате правомерных военных действий). Статья 2 должна толковаться таким образом, чтобы сделать гарантии права на жизнь и конкретными, и эффективными (решение по делу *McCann and others v the UK* от 27 сентября 1995 года, п. 146).

15.8. Статья 2 налагает на государство позитивное обязательство сохранять жизни людей, находящихся в пределах его юрисдикции, а также негативное обязательство воздерживаться от намеренного и незаконного лишения жизни (решение по делу *L.S.B. v the UK* от 9 июня 1998 года, п. 36; решение по делу *X v the UK* от 8 июля 1987 года).

15.9. Статья 2 «...излагает обстоятельства, при которых лишение жизни может быть юридически оправдано. Они должны быть строго разъяснены, ввиду фундаментального характера права и невозможности его ограничения в условиях мирного времени» (решение по делу *McCann and others v the UK* от 27 сентября 1995 года, п.147; решение по делу *Soering v the UK* от 7 июля 1989 года, п. 88). Статья 2(2) дает исчерпывающий список из 3 ситуаций, когда допускается применение силы, приводящее к лишению жизни, и применение силы должно быть, не больше, чем «абсолютно необходимым».

15.10. С точки зрения практики Европейского Суда «обязанность охранять право на жизнь, содержащаяся в этой норме (Статья 2), рассматриваемая в сочетании с общей обязанностью государств, согласно Статье 1 Конвенции, «обеспечивать каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции», подразумевает необходимость иметь в той или иной форме возможность провести эффективное официальное расследование в случаях гибели в результате применения силы, в том числе лицами, действующими от имени государства» (решение по делу *McCann and others v the UK* от 27 сентября 1995 года, п. 161; решение по делу *Kaya v Turkey* от 19 февраля 1998 года, п. 86).

15.11. Таким образом, Европейский Суд признает нарушение Статьи 2 Конвенции по трем позициям:

- * Нарушение самого права на жизнь,
- * Нарушение обязательства расследовать возможные нарушения права на жизнь,
- * Нарушение позитивного обязательства защищать жизнь.

Применимое внутреннее законодательство в целом по России и частности на территории Чеченской Республики.

15.12. Российское законодательство гарантирует право на жизнь и содержит положения, направленные на предупреждение и пресечение действий, создающих угрозу жизни человека. Например, ст. 20 Конституции гласит: «Каждый имеет право на жизнь», Уголовный Кодекс РФ включает в себя целую главу «Преступления против жизни и здоровья» (См. Приложение 2, п.п. 5, 6). В этом российское право соответствует важному принципу, который Европейский Суд сформулировал в решении по делу *Osman v the UK* от 28 октября 1998 года: «Обязанность государства в соответствии со Статьей 2 имеет более широкое значение, чем обязанность создания эффективных норм уголовного права для недопущения совершения нарушений, — это также обязанность создания механизмов поддержания правопорядка с целью предотвращения, пресечения, а также наказания за нарушение этих положений».

15.13. В Чечне, в момент исчезновения Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., шел военный конфликт немеждународного характера между российскими федеральными войсками и чеченскими боевиками. Все пропавшие были задержаны 10 декабря 2000 года представителями российских федеральных войск. Деятельность военных должна строго соответствовать Конституции РФ и иным нормативным актам. Действия разных войск и милицейских подразделений, которые входят в федеральные войска детально регулируются специальными нормативными актами, которые содержат гарантии соблюдения прав человека, в том числе основного права — права на жизнь. Согласно этим нормам, произвольное, умышленное лишение жизни человека не допускается (См. Приложение 2, п.п. 7 – 11).

15.14. Как было сказано выше, отступлений от положений Статьи 2 Конвенции возможно лишь в «результате правомерных военных действий (согласно Статье 15 Европейской Конвенции). Несмотря на существование военного конфликта немеждународного характера в Чечне на момент задержания Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., в данном случае это положение не может применяться, так как Россия не объявляла об отступлениях от положений Статьи 2 в связи с проводимой операцией в Чечне и не информировала Совет Европы о причинах таких отступлений, как того требует Статья 15(3) Конвенции.

Нарушения статьи 2 в отношении Русланова Канта, Заремова Ахмата и Дагмарова Саида.

15.15. Заявители полагают, что в отношении Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. имели место следующие нарушения Статьи 2 Конвенции:

i) Обстоятельства задержания Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. и факт обнаружения их трупов в массовом захоронении не оставляют разумных сомнений в их убийстве федеральными силами.

ii) Государство не выполнило свое позитивное обязательство в соответствии со Статьей 2 защищать право на жизнь Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., не проводя адекватное расследование их гибели.

i) Обстоятельства задержания Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. и факт обнаружения их трупов в массовом захоронении не оставляют разумных сомнений в их убийстве федеральными силами.

15.16. Во врачебных свидетельствах о смерти Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. (выданы и подписаны судмедэкспертом Долинской врачебной амбулатории Мустапаевой З.Х.) подтверждаются факты смерти от множественных огнестрельных и ножевых ранений туловища и головы, т.е. убийства родственников заявителей (см. пункты 14.39 – 14.44).

15.17. Факты этого дела не оставляют никаких разумных сомнений в том, что родственники заявителей были убиты российскими федеральными силами.

15.18. Во-первых, Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. были задержаны федеральными войсками 10 декабря 2000 года (Подробное обоснование задержания Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. представителями федеральных войск см. пункт 14.3 – 14.18).

15.19. Во-вторых, люди, которые были задержаны вместе с Руслановым К., Заремовым А. и Дагмаровым С., рассказали заявителям после освобождения, что они все вместе находились в глубоких ямах на российской военной базе в п. Ханкала. Эти люди говорили, что в момент их освобождения, в ямах, где они находились, оставались Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. (см. пункты 14.15 – 14.18, 14.23 – 14.24, Приложение 1, «Доказательства», п.п. 1, 10, «Разное», п. 2).

15.20. В-третьих, их трупы были найдены вместе и в непосредственной близости от военной базы в п. Ханкала. Как установила международная правозащитная организация Human Rights Watch,

доступ к поселку имели почти исключительно военные. Гражданским людям проникнуть на территорию поселка возможно лишь по специальным пропускам или в сопровождении военных (см. п.п. 14.32 и 14.33). В докладе «Зарытые улики: Белые нитки в расследовании массового захоронения в Чечне», изданный в мае 2001 года (См. Приложение 2, п 15) организация написала:

«С декабря 1999 года дачный поселок оставался фактически заброшенным, и военные могли чувствовать себя там совершенно свободно. Расположенный прямо на окраине Грозного по соседству с пос. Мичурина к востоку от города, поселок занимает полосу длиной около 2 километров по южной стороне шоссе Грозный-Аргун. Его площадь составляет несколько квадратных километров, с южной стороны территория поселка выходит на шоссе в Старые Атаги.

Территория поселка и прилегающие районы перешли под контроль федеральных сил в декабре 1999 года, в период окружения Грозного. 25 января 2000 года к северу от шоссе на Аргун, примерно в километре от поселка, была развернута военная база в Ханкале, которая до настоящего времени остается главным объектом федеральных сил. С дороги видны вертолеты, палатки и караульные вышки. По словам одного из свидетелей, дорога на Аргун вообще использовалась практически исключительно военными. Сотрудник одной из гуманитарных организаций, периодически проезжавший по этой дороге в 2000 году, сообщал, что не видел там почти никаких гражданских машин и что большинство жителей предпочитали объезжать базу, чтобы избежать прохождения жесткого контроля на блокпостах. Наиболее трудным для прохода, как представляется, был 105-й пост на западной окраине дачного поселка: гражданских лиц через него не пропускали.

До войны в поселке проводили выходные жители чеченской столицы, имевшие там летние домики, огороды и небольшие сады. Судя по всему, из-за разрушений и трудностей с проездом поселок был заброшен. Побывавшие там в поисках родственников рассказывали представителям Хьюман Райтс Вотч о разрушенных домах и заброшенных участках. Так по словам «Вахи Рубаева», когда он искал тело сына, он видел в основном «разрушенные дома, дикие кусты и фруктовые деревья... печальное место».

Близость военной базы и многочисленные блокпосты затрудняли доступ гражданских лиц на шоссе Грозный-Аргун и, соответственно, в дачный поселок. При этом следы БТР и других военных машин дают основание полагать, что туда регулярно наведывались федеральные военнослужащие. «В. Рубаев», в феврале 2001 года искавший в поселке «пропавшего» родственника, говорил представителям Хьюман Райтс Вотч о «следах протекторов –

грузовиков или БТРов». Такие следы действительно можно различить на фотографии 24 февраля 2001 года, где прокурор Чеченской Республики В. Чернов стоит на дороге, ведущей с шоссе Грозный-Аргун в дачный поселок» (См. Приложение 1, Доказательства, п. 3).

15.21. В-четвертых, многие другие трупы найденные вместе с телами родственников заявителей принадлежали людям, которые были задержаны федеральными силами и впоследствии пропали безвести (Подробнее см.: Доклады Хьюман Райтс Вотч «Зарытые улики: «Белые нитки» в расследовании массового захоронения в Чечне», «Грязная война»: исчезновения, пытки и внесудебные расправы», а также Жалоба № 69480/01 *Лулуев против Российской Федерации* от 23 мая 2001 года).

15.22. Заявители также обращают внимание Суда на многочисленные факты, задокументированные правозащитными организациями, когда в Чечне были найдены трупы людей, которые раньше были задержаны федеральными силами. В частности, заявители ссылаются на доклад международной неправительственной организации Хьюман Райтс Вотч «Грязная война: исчезновения, пытки и внесудебные расправы», март 2001 года, в котором эта организация утверждает: «Находки изуверченных трупов некоторых из пропавших дают дополнительные основания полагать, что они становятся жертвами пыток и внесудебных расправ» (См. Приложение 2, п. 14). Заявители также ссылаются на доклады Хьюман Райтс Вотч «Зарытые улики: Белые нитки в расследовании массового захоронения в Чечне», май 2001 года (См. Приложение 2, п. 15),

15.23. Кроме того, заявители ссылаются и на многочисленные случаи, зафиксированные Правозащитным центром «Мемориал» и другие статьи в прессе (См. Приложение 1, «Разное», п.п. 1 – 14, 16 – 17, www.memo.ru).

Например, на фотографиях, сделанных ПЦ «Мемориал», сразу после обнаружения массового захоронения, можно увидеть примерно в каком состоянии были найдены тела. Наиболее типичные фотографии (см. Приложение 1, Разное, п. 4):

* На снимке 1 (7е) видны отчетливые глубокие параллельные резаные раны шеи с ровными краями, оставленные острым оружием или оружием. Эти раны не могли быть нанесены зубами или когтями диких животных, водящихся в регионе.

* На снимке 2 (4е) видно «резаное скальпирующее ранение головы, нанесенное неоднократным применением острого оружия или

оружия с неровным сохранившимся краем, при котором режущая кромка двигалась рывками».

* На снимке 3 (033е) видно, что «у некоторых из убитых были завязаны глаза».

* На снимке 4 (43е) и ряде других видно, что «узлы на веревках завязаны сложными узлами, которые не используются при похоронах или транспортировке трупов волоком. Можно предположить, что руки покойных были связаны, часть веревок была затем перерезана или оборвана».

* На снимке 3 (1е) видны многие тела, после обнаружения массового захоронения.

ii) Государство не выполнило свое позитивное обязательство в соответствии со Статьей 2 защищать право на жизнь Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., не проводя адекватное расследование их гибели.

15.24. По делу *Cyprus v Turkey* (решение Суда от 10 мая 2001 года), Суд утверждал, позитивное обязательство охранять жизнь возникает в случаях, когда имеется «потенциально обоснованное заявление о том, что человек, которого последний раз видели в руках представителей власти, исчез при обстоятельствах, которые могут считаться угрожающими для жизни» (пункт 132).

15.25. Относительно данного случая, заявители утверждают, что существовал угроза жизни Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. по следующим причинам:

А: Угроза праву на жизнь присуща любому случаю насильственного исчезновения;

Б: Существуют основания полагать, что исчезновения людей на территории Чечни составляют серьезную угрозу для их жизни;

В: Обстоятельства данного случая дают основания полагать, что жизнь Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. находилась под угрозой после задержания.

А: Угроза праву на жизнь присуща любому случаю насильственного исчезновения.

15.26. Заявители ссылаются на статью 1 Декларации ООН по защите всех людей от насильственного исчезновения, которая гласит, в частности, что «любой случай насильственного исчезновения... нарушает право на жизнь или составляет ему серьезную угрозу».

15.27. Заявители также ссылаются на решение Межамериканско-

го Суда по правам Человека по делу *Velasquez Rodriguez*, в котором Суд признал, что «практика исчезновений часто скрывает в себе тайные казни без суда, сопровождаемые укрыванием тела, чтобы устранить любые вещественные доказательства преступления и гарантировать безнаказанность виновных. Это грубое нарушение права на жизнь...» (п.157).

Б: Существуют основания полагать, что исчезновения людей на территории Чечни составляют серьезную угрозу для их жизни.

15.28. Заявители утверждают, что события текущей войны в Чечне очевидно демонстрируют, что люди, которые исчезли в руках российских федеральных сил, оказались в ситуации серьезной угрозы из жизни. Заявители ссылаются на десятки, если не сотни случаев, зафиксированных правозащитными организациями, когда жители Чечни были арестованы представителями российских федеральных сил и потом исчезали, и чьи мертвые тела были позже найдены в безымянных могилах или брошены вдоль дорог.

15.29. В частности, Заявители ссылаются на доклады организации Хьюман Райтс Вотч и на многочисленные случаи, зафиксированные Правозащитным центром «Мемориал» (см. Приложение 1, «Разное», п.п. 2, 4, 9, Приложение 2, п.п. 14, 15).

В: Обстоятельства данного случая дают основания полагать, что жизни Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. находились под угрозой после задержания.

15.30. Заявители утверждают, что обстоятельства данного случая свидетельствуют о том, что жизни Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. находились под угрозой после незаконного задержания. После их задержания заявители неоднократно говорили со свидетелями, которые были задержаны вместе с ним и позднее отпущены на свободу. Они говорили, что российские солдаты отвезли их на военную базу недалеко от Ханкалы и подвергали побоям и жестокому обращению (см. п.п. 14.14 – 14.18, Приложение 1, «Доказательства», п.п.1, 10). Несмотря на очевидный факт, что жизни Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. были под угрозой, и родственники неоднократно сообщали об этом в правоохранительные органы, ни милиция, ни прокуратура, ни другие органы государственной власти и должностные лица Российской Федерации не предпринимали соответствующие меры, чтобы установить местонахождение пропавших,

и сообщить родственникам. По мнению заявителей наиболее показательным признаком этого бездействия является тот факт, что уголовное дело по факту незаконного лишения свободы Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. было возбуждено только 19 февраля 2001 года, т.е. спустя два с лишним месяца после их незаконного задержания и исчезновения, несмотря на активные обращения заявителей.

15.31. Заявители утверждают, что имело место нарушение Статьи 2 в связи с невыполнением государством адекватного и эффективного расследования обстоятельств исчезновения Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. в течение полутора лет. Достоверно установлено, что обязательство по Статье 2 защищать жизнь, рассматриваемое вместе со Статьей 1, «требует эффективного официального расследования всех случаев, когда человек был убит в результате применения силы» (решение по *McCann and others v the UK* от 27 сентября 1995 года, п.161; решение по делу *Kaya v Turkey* от 19 февраля 1998 года, п.п 78 и 86; и в контексте исчезновений: решение по делу *Tas против Турции* от 14 ноября 2000 года, п. 68; решение по делу *Timurtas v Turkey* от 13 июня 2000 года, п. 87; решение по делу *Cicek v Turkey* от 27 февраля 2001 года, п.148). Это обязательство не ограничивается только убийствами, совершенными представителями государства (решение по делу *Yasa v Turkey* от 2 сентября 1998 года, п. 100). На самом деле, знание властей об убийстве само по себе вызывает *ipso facto* обязательство по Статье 2 относительно проведения эффективного расследования обстоятельств этой смерти (решение по делу *Ergi v Turkey* от 28 июля 1998 года, п.82). Расследование должно быть способно привести к выявлению и наказанию виновных (решение по делу *Yasa v Turkey* от 2 сентября 1998 года, п. 98; решение по делу *Ogur* от 20 мая 1999 года, п.88; решение по делу *Assenov and others v Bulgaria* от 28 октября 1998 года, сообщения 1998 года, п. 102). Заявителю также должен быть предоставлен эффективный доступ к процедуре расследования (решение по делу *Ogur* от 20 мая 1999 года, п.92).

15.32. Заявители утверждают, что для того, чтобы расследование было эффективным, официальные лица должны: выслушать свидетельства всех возможных свидетелей (решение по делу *Ergi v Turkey* от 20 мая 1997 года, пп. 136 и 151); обеспечить заявителям возможность изложить свои случаи, допросить свидетелей и быть представленными правовыми консультантами; предоставить заявителям соответствующую информацию и доказательства; также расследование должно проводиться независимым, непредвзятым судом; и его результаты должны быть обнародованы.

15.33. Заявителям не известно точно, что было сделано прокуратурой в ходе расследования, так как их об этом не информировали в полном объеме. Это само по себе является нарушением требований Статьи 2 Конвенции. В этой связи, заявители просят Суд в соответствии с Правилем 42 Регламента Европейского Суда истребовать у российского государства копии всех материалов расследования по факту похищения и убийства Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., а также просят Суд предоставить им копии этих материалов. Заявители считают, что только таким образом, возможно, будет установить точно, как прокуратура вела расследование. Также, истребовав материалы расследования и представив их заявителям, Суд помог бы обеспечить заявителям эффективный доступ к расследованию, на который они имеют право.

15.34. Однако, по мнению заявителей, из информации, которой они располагают, можно сделать вывод о том, что государство провело расследование обстоятельств задержания неэффективно:

15.35. Уголовное дело было возбуждено только 19 февраля 2001 года, хотя заявители обратились в официальные органы, включая прокуратуру, как только им стало известно о задержании своих родственников (подробнее об этом смотри п.п. 14.27 – 14.29).

15.36. Общий срок расследования на данное время составляет уже два года, но никакого прогресса в расследовании не намечается.

15.37. Во время допросов в адрес заявителей и других людей, выпущенных из плена, поступали угрозы от представителей официальных структур (см. п. 14.26).

15.38. Заявители в ходе поисков неоднократно представляли различные ходатайства о проведении следственных действий, которые могли бы подтвердить обстоятельства задержания и последующего обращения с Руслановым К., Заремовым А. и Дагмаровым С. Ни на одно из таких обращений заявители не получили ответ по существу. Многие обращения остались без ответа, на другие были получены документы, не содержащие информации по существу (см. п. 14.29).

15.39. По мнению заявителей, расследование обстоятельств убийства также ведется неэффективно с момента обнаружения трупов в поселке Здорье:

* Прокуратура до настоящего времени не установила лиц, виновных в убийстве Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С.

* После обнаружения трупов в дачном поселке, включая Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., не было проведено полной судеб-

но-медицинской экспертизы, с помощью которой можно было бы установить дополнительные обстоятельства гибели этих людей. Было сделано лишь судебно-медицинское заключение по факту гибели (см. Приложение 1, «Доказательства», п.п. 4, 6).

* После обнаружения трупов Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. и других лиц, не были сохранены вещественные доказательства (одежда, пули и др.), исследовав которые можно было бы установить дополнительные обстоятельства гибели.

15.40. В этой связи, заявители также ссылаются на специальное расследование по недостаткам расследования массового захоронения, которое проводила организация Хьюман Райтс Вотч. В своем докладе «Зарытые улики: Белые нитки в расследовании массового захоронения в Чечне», май 2001 года (См. Приложение 2, п. 15) она написала:

«Расследование российскими властями обстоятельств гибели этих людей не выдерживает никакой критики. Федеральные органы не предоставили для опознания ни достаточного времени, ни информации, так что родственники погибших зачастую не знали, что могут осмотреть тела, или узнавали об идущем опознании только по слухам. При проведении расследования не были также приняты меры к сохранению важнейших улик, которые могли бы привести к установлению виновных в пытках и внесудебных расправах в отношении более 50 человек, чьи трупы были найдены в поселке. Ход следствия стал еще одним свидетельством нежелания России выявлять и привлекать к ответственности представителей федеральных сил, виновных в совершении серьезных нарушений прав человека».

«В соответствии с международным законодательством в области прав человека Россия обязана эффективно расследовать факты внесудебных расправ и пыток, доказательства которых обнаружены в поселке «Здоровье». Действия российских властей в этом направлении представляются совершенно недостаточными, особенно с точки зрения стандартов, установленных двумя документами ООН. В мае 1989 года Экономический и социальный совет рекомендовал к соблюдению Принципы эффективного предупреждения и расследования незаконных, произвольных и суммарных казней (Принципы 1989 года), которые предусматривают комплексный подход к этому вопросу. Подробная процедура расследования внесудебных казней была разработана в Руководстве по эффективному предупреждению и расследованию незаконных, произвольных и суммарных казней (Руководство 1991 года), изданном в мае 1991 года Отделом предупреждения преступности и уголовной юстиции Центра социального развития и гуманитарных проблем ООН».

«Среди прочего, Принципы 1989 года предусматривают проведение тщательного, оперативного и беспристрастного расследования всех случаев внесудебных казней. Такое расследование проводится с целью определить причину, характер и время наступления смерти, виновных лиц, а также выявить возможное существование системы или практики, которая могла привести к смерти в результате внесудебной расправы. Такое расследование должно проводиться с надлежащим вскрытием, сбором и анализом всех вещественных и документальных доказательств и показаний свидетелей. В случае неадекватности существующих процедур расследование должно проводиться независимой комиссией или в иных аналогичных рамках».

Судебно-медицинская экспертиза

По меньшей мере по 60 % найденных в дачном поселке трупов судмедэкспертиза должным образом не проводилась; необходимые для этого средства не были обеспечены российским правительством. Судмедэксперт не проводил полного внешнего обследования каждого тела, не снимал одежду для осмотра родственниками и отделял от тел веревки, проволоку и пули для дальнейшего использования в качестве доказательств. На момент написания настоящего доклада полная оценка результатов экспертизы не представляется возможной, поскольку протоколы остаются недоступными.

Осмотр места происшествия

Руководство 1991 г. содержит полный перечень последовательных шагов при проведении базовой судебно-медицинской экспертизы. На месте преступления экспертам рекомендовано, в том числе, сфотографировать тело как до его перемещения, так и после, зафиксировать состояние и положение тела, осмотреть место на предмет наличия крови и поместить тело под охрану в условиях низкой температуры.

Очевидно, что после доставки из дачного поселка трупы не охлаждались, поскольку должностные лица сами сетовали на отсутствие необходимого оборудования. Представители прокуратуры говорили журналистам, что при извлечении тел проводилась их фото- и видеосъемка и что в операции принимал участие судмедэксперт, однако неясно, делалось ли что-либо (и если да, то что именно) для анализа и сохранения потенциально важных улик с места массового захоронения. Один из участников этого процесса в беседе с представителями ПЦ «Мемориал» отмечал отсутствие необходимых для этого технических средств и говорил, что имевшаяся у него фото- и видеотехника не позволяла провести съемку всех трупов надлежащим образом.

Вскрытие

При проведении вскрытия ни судмедэксперт, ни следователи не выполнили основных рекомендаций Руководства 1991 г., в том числе в части необходимости осторожного отделения одежды и других «инородных предметов» и сохранения их для дальнейшего использования в качестве доказательств, а также в том, что касается тщательного внешнего осмотра. На данном этапе полная оценка экспертизы не представляется возможной из-за недостатка информации и непредоставления следствием до настоящего времени протоколов вскрытия родственникам опознанных, как того требует Руководство.

Фотографии 34 неопознанных трупов, сделанные 10 марта 2001 г., свидетельствуют, что практически на всех была оставлена одежда, а у некоторых даже после экспертизы руки были по-прежнему связаны. Из этого следует, что ни одежда, ни «инородные предметы» (веревки и проволока) от трупов не отделяли. Прокурорские работники на базе МЧС говорили представителям ПЦ «Мемориал» 28 февраля 2001 г., что пули также не извлекались. Адекватность внешнего осмотра тел представляется, поэтому, весьма сомнительной.

Остается неясным, насколько тщательно судмедэкспертом осматривались одежда и открытые или легко доступные части тела. Какое-либо рентгеновское обследование трупов, скорее всего, не проводилось, поскольку сам судмедэксперт говорил об отсутствии у него необходимого оборудования.

Отсутствие необходимых условий

Российские власти не обеспечили следствие достаточным числом экспертов и технических средств для проведения должной экспертизы каждого трупа. В интервью представителям ПЦ «Мемориал» один из участников следствия отмечал, что все 48 тел пришлось осматривать единственному специалисту. Принимая во внимание объем работы, он, разумеется, не располагал достаточным временем для каждой экспертизы. Более того, по его словам, судмедэксперт не имел в своем распоряжении ничего, кроме резиновых перчаток и скальпеля; отсутствовали и технические средства для охлаждения трупов.

15.41. Эти обстоятельства подтверждают отсутствие действительно официального расследования со стороны государственных органов Российской Федерации факта задержания и убийства Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С.

Статья 3

Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Статья 3 гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечным и унижающим достоинство обращению и наказанию.»

15.42. Европейский Суд в своей практике неоднократно отмечал, что «Статья 3 охраняет одну из основных ценностей демократического общества. Даже в наиболее сложных обстоятельствах, таких как борьба против организованного терроризма или преступности, Конвенция совершенно четко запрещает пытки или бесчеловечное, или унижающее достоинство обращение или наказание. Ст. 3 не предусматривает исключений и не разрешается ее частичная отмена» (решение по делу *Aksoy v Turkey* от 18 декабря 1996 года, п. 62, решение по делу *Soering v the UK* от 7 июля 1989 года, п. 88, решение по делу *Chahal v the UK* от 15 ноября 1996 года, п. 79, решение по делу *Republic of Ireland v the UK* от 18 января 1978 года, п. 88).

15.43. Европейский Суд признает фактом нарушения Статьи 3 не только случай непосредственного применения пыток, бесчеловечного обращения, но и случай, если государство не обеспечило достаточно полное, тщательное и эффективное расследование жалобы на дурное обращение со стороны лиц, состоящих в официальной должности.

Нарушения Статьи 3 в отношении Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. и заявителей.

15.44. Заявители утверждают, что имели место три отдельных нарушения Статьи 3:

i) Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. подвергались дурному обращению, подпадающему под нарушения Статьи 3, в момент задержания и позднее.

ii) Государство не выполнило свое обязательство расследовать потенциально обоснованные заявления о применении дурного обращения по отношению к Русланову К., Заремову А. и Дагмарову С.

iii) Заявители в результате боли и душевного страдания, перенесенных в связи с безразличием, которое проявляет российское государство к судьбе пропавших, сами подвергались обращению, подпадающему под нарушения Статьи 3.

и) Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. подвергались дурному обращению, подпадающему под нарушения Статьи 3, в момент задержания и позднее.

15.45. В решении по делу *Ribitch v Austria* от 4 декабря 1995 года, Суд заявил, что «...любое использование физической силы в отношении лица, лишённого свободы, не вызванное необходимостью, порожденной поведением этого лица, унижает человеческое достоинство и принципиально нарушает право, гарантированное Статьей 3 Конвенции».

15.46. На бесчеловечное обращение со стороны федеральных сил по отношению к Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. указывают следующие факты:

В отношении Дагмарова Саида:

15.47. Обстоятельства незаконного задержания не могли не вызвать очень серьезные душевные волнения у Дагмарова С. Он был задержан вооруженными людьми в масках, которые не представились и не объяснили причины задержания, завязали глаза и насильно посадили в БТР (подробнее об обстоятельствах задержания см. п.п.14.7 – 14.10).

15.48. По свидетельствам очевидцев, задержанных вместе с Дагмаровым, но отпущенных позднее, их держали в ямах на Ханкале, часто избивая.

15.49. Из врачебного свидетельства о смерти Дагмарова С. видно, что смерть произошла от убийства. Вместе с ним в тот же день были убиты, по крайней мере, еще два человека (Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С.). В этой связи можно предположить, что Дагмаров С. ощущал приближение момента собственной смерти, что должно было вызвать сильные душевные страдания.

15.50. Возможно, что многие раны были нанесены еще при жизни, поэтому можно предположить, что Дагмаров С. испытывал сильную физическую боль.

В отношении Русланова Канта:

15.51. Обстоятельства незаконного задержания не могли не вызвать очень серьезные душевные волнения у Русланова К. Он был задержан военными в камуфлированной форме на двух БТР. Они завязали глаза Русланову К. и его родственнику, который ехал вместе с ним на машине. Затем военные посадили обоих насильно в машину

и увезли (подробнее об обстоятельствах задержания см. п.п. 14.3 – 14.6).

15.52. По свидетельству родственника Русланова Алу, которого отпустили впоследствии, их привезли на военную базу в Ханкале. Посадили по 10-11 человек в глубокие ямы, в которых было очень тесно. И каждый день выводили по одному и избивали (подробнее об обстоятельствах задержания см. Приложение 1, «Доказательства», п.2).

15.53. Из врачебного свидетельства о смерти Русланова К. видно, что смерть произошла от убийства. Вместе с ним в тот же день были убиты, по крайней мере, еще два человека (Дагмаров С. и Заремов А.). В этой связи можно предположить, что Русланов К. ощущал приближение момента собственной смерти, что должно было вызвать сильные душевные страдания.

15.54. Возможно, что многие раны были нанесены еще при жизни, поэтому можно предположить, что Русланов К. испытывал сильную физическую боль.

В отношении Заремова Ахмата

15.55. Обстоятельства незаконного задержания не могли не вызвать очень серьезные душевные волнения у Заремова А. Он был задержан вооруженными людьми, передвигающимися на двух БТР и четырех «Уралах». Его затолкали в машину и увезли на Ханкалу (подробнее об обстоятельствах задержания см. п.14.11 – 14.13).

15.56. По свидетельствам очевидцев, задержанных вместе с Дагмаровым С., но отпущенных позднее, их держали в ямах на Ханкале, часто избивая.

15.57. По состоянию трупа Заремова А. видно, что смерть произошла от убийства. Вместе с ним в тот же день были убиты, по крайней мере, еще два человека (Дагмаров С. и Русланов К.). В этой связи можно предположить, что Дагмаров С. ощущал приближение момента собственной смерти, что должно было вызвать сильные душевные страдания.

15.58. Также можно предположить, что Заремову А. были нанесены телесные повреждения еще при жизни, при этом Заремову А. возможно испытывал сильную физическую боль.

15.59. По утверждениям двоих задержанных (на данный момент они просили не раскрывать свои фамилии), отпущенных на свободу 19 февраля 2001 года, на базе в ямах оставались Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С.

15.60. Факты того, что многие задержанные в Чечне подвергаются пыткам и бесчеловечному отношению, отражены в докладах правозащитных организаций, занимающихся мониторингом соблюдения прав граждан в Чечне – «Мемориал», Хьюман Райтс Вотч (см. www.memo.ru, www.hrw.org). Это обстоятельство укрепляет и без того существенные доводы заявителей о том, что Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. испытали по отношению к себе бесчеловечное отношение в нарушение Статьи 3.

ii) Государство не выполнило свое обязательство расследовать потенциально обоснованные заявления о применении дурного обращения по отношению к Русланову К., Заремову А. и Дагмарову С.

15.61. В деле *Assenov and others v Bulgaria*, решение от 28 октября 1998 года, Суд указал: «Если то или иное лицо предъявляет потенциально обоснованное обвинение в дурном обращении со стороны полиции или иных представителей власти, составляющем нарушение законности и положений Статьи 3, то эти положения, толкуемые в их связи с общим обязательством государств в рамках Статьи 1 Конвенции обеспечивать каждому человеку, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы определенные в ...настоящей Конвенции» требует по своему смыслу действенного официального расследования. Такое расследование должно быть достаточно исчерпывающим для выявления и наказания виновных, если это не сделано, то общий предусмотренный законом запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, вопреки его фундаментальной важности, окажется практически не осуществимым. В отдельных случаях может появиться возможность практически безнаказанного нарушения со стороны представителей государств прав тех, кто находится под их контролем».

15.62. В том же деле, Суд установил, что основные критерии расследования применения пыток и жестокого и бесчеловечного обращения являются:

- * быстрота,
- * тщательность,
- * эффективность,
- * беспристрастность,
- * доступ жертвы к расследованию.

15.63. Заявители, разыскивая пропавших, обращались в правоохранительные органы с потенциально обоснованными жалобами на

применение бесчеловечного и жестокого обращения по отношению к Русланову К., Заремову А. и Дагмарову С. Однако заявителям не известно точно, что было сделано прокуратурой в ходе расследования, так как их об этом не информировали в полном объеме. Это само по себе является нарушением требований Статьи 3 Конвенции. В этой связи заявители просят Суд истребовать у российского государства все материалы расследования и предоставить их им.

15.64. По мнению заявителей, информация, которой они располагают, подтверждает нарушение следственными органами Российской Федерации вышеперечисленных принципов расследования и, соответственно, отсутствие действенного официального расследования государственными органами Российской Федерации факта бесчеловечного обращения по отношению к Русланову К., Заремову А. и Дагмарову С. со стороны представителей российских федеральных сил.

iii) Заявители в результате боли и душевного страдания, перенесенных в связи с безразличием, которое проявляет российское государство к исчезновению Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., сами подвергались обращению, подпадающему под нарушения Статьи 3.

15.65. Европейский Суд в деле *Kurt v Turkey* установил, что близкие родственники пропавшего без вести лица сами могут быть признаны жертвами бесчеловечного и унижающего достоинство обращения в смысле Статьи 3 Конвенции (решение по делу *Kurt v Turkey*, 25.05.1998, п. п.131, 134). Однако, в деле *Cicek v Turkey*, Суд определил что «нет общего принципа, что родственник пропавшего без вести человека является, таким образом, жертвой обращения, нарушающего Статью 3.» Суд уточнил, что существование специальных факторов может вызвать страдание у родственника пропавшего человека, «измерение и характер которых отличные от эмоционального стресса, которое, как представляется, неизбежно у близкого родственника жертвы серьезного нарушения прав человека» (решение от 08.07.1999, п. 98). В этом же решении Суд сказал, что в определении того, существуют ли такие специальные обстоятельства, могут играть роль следующие элементы:

- * Близость родственных отношений.
- * Специфические обстоятельства родственных отношений.
- * Степень, в которой родственник был свидетелем рассматриваемого события.

* Активность члена семьи в попытках получить информацию относительно исчезнувшего человека.

15.66. То, как власти откликнулись на эти попытки. В этом отношении Суд подчеркнул, что «сущность такого нарушения не столько относится к факту 'исчезновения' родственника, сколько к отклику и отношению властей к данной ситуации, когда власти получают о ней информацию. Особенно в отношении к последнему, родственник может утверждать непосредственно, что он был жертвой поведения властей.»

15.67. Заявители в течение уже долгого времени испытывают тяжелые душевные страдания из-за незаконного задержания и убийства их родственников. На существование специальных факторов указывают следующие обстоятельства:

В отношении Дагмарова Саида:

15.68. Заявительница Дагмарова Лули Мурадовна является ближайшим родственником (мать) незаконно задержанного и убитого Дагмарова С. У Дагмарова С. осталась жена и маленький ребенок.

В отношении Русланова Канта:

15.69. Заявитель Русланов Алу является ближайшим родственником (отец) незаконно задержанного и убитого Русланова К. Русланов К. был единственным ребенком в семье и родные возлагали на него большие надежды.

В отношении Заремова Ахмата:

15.70. Заявители Заремов Хамид Умалтович и Заремова Нуришат являются ближайшими родственниками (брат и мать) незаконно задержанного и убитого Заремова А.

В отношении всех трех задержанных:

15.71. С первых дней исчезновения Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. с декабря 2000 г., до момента обнаружения их трупов, жизнь заявителей была почти полностью посвящена поискам своих родственников. После того, как судьба Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. стала известной, заявители систематически обращаются и ходят в прокуратуру и другие инстанции с целью найти виновных в убийстве их родственников (подробнее о действиях Заявителей см. п.п.14.19, 14.27 – 14.29).

15.72. Заявители сами занимались поисками своих родственников, и лично нашли их в массовом захоронении. Трупы были в ужасном состоянии, и это вызвало серьезные душевные волнения.

15.73. Факт обнаружения трупов пропавших в массовом захоронении непосредственно в районе военной базы российских федеральных войск вызвал у заявителей особые душевные волнения.

15.74. Государство систематически проявляет свое безразличие к беде заявителей, а также демонстрирует несерьезное отношение к случившемуся. Заявители обращают внимание Суда на следующие моменты:

15.75. Уголовное дело по факту похищения Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. было возбуждено только 19 февраля 2001 года, только через несколько месяцев после их незаконного задержания, несмотря на многочисленные обращения заявителей (см. п.14.30).

15.76. В ответ на свои обращения, заявители получали лишь отписки, в которых разные властные структуры информировали их о том, что их заявления переданы в другую властную структуру. За весь период с момента исчезновения своих родственников. Заявители не получили ни одного письма с информацией по существу дела или о продвижении расследования (подробнее см. 14.28 – 14.29).

15.77. После обнаружения трупов Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. не было проведено полной судебно-медицинской экспертизы, с помощью которой можно было бы установить дополнительные обстоятельства гибели Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. (см. Приложение 1, «Доказательства», п.п. 4, 6).

15.78. Государство публично заявляет о том, что не доказана причастность военнослужащих к гибели родственников заявителей, трупы которых были найдены в массовом захоронении. Хотя участие военнослужащих в таких убийствах очевидно (см. п.п. 14.3 – 14.18, Приложение 1, «Разное» п.п. 1 – 14, 16 – 17).

15.79. Учитывая вышеизложенное, Заявители просят Суд признать нарушение Статьи 3 в отношении них.

Статья 5

Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Статья 5 гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

** законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;*

** законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;*

** законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;*

** заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;*

** законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;*

** законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.*

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию.»

15.80. Статья 5 строго ограничивает причины, по которым государство может законно лишать человека его свободы и методы, которыми оно может при этом руководствоваться. Она требует, чтобы любое задержание было произведено «в порядке, установленном законом» и предусматривает исчерпывающий список законных причин для ареста или задержания (см. Статья 5(1)(a)-(f)).

15.81. В решении по делу *Kurt v Turkey* (25.05.1998) Суд отметил «основополагающее значение в демократическом обществе содержащихся в Статье 5 гарантий прав лица от незаконного ареста или задержания властями. Именно по этой причине Суд неоднократно подчеркивал в своих решениях, что любое лишение свободы должно осуществляться не только в соответствии с основными процессуальными нормами национального права, но также отвечать целям Статьи 5, т. е. защищать человека от произвола властей (см., кроме прочего, решение по делу *Chahal v the UK*, 15.11.1996, п. 118). Это настоятельное требование по защите индивидуума от любого рода злоупотреблений со стороны властей подтверждается тем фактом, что Статья 5 (1) ограничивает обстоятельства, при которых человек может быть лишен свободы на законных основаниях, хотя эти основания нельзя толковать расширительно, поскольку они являются исключениями из фундаментальных гарантий личной свободы человека» (см. решение по делу *Quinn v France*, 22.03.1995, п. 42, решение по делу *Kurt v Turkey* 25.05.1998, п. 122).

15.82. Как показывает практика, Статья 5(1) также требует ведение подробных записей обо всех задержанных. В деле *Kurt v Turkey*, Европейский Суд постановил: «отсутствие данных о времени и месте задержания, имени задержанного, оснований для задержания и имени лица, осуществившего задержание, следует считать несовместимым с целями Статьи 5». Суд указывает, что «данный факт сам по себе следует рассматривать как очень серьезное упущение властей, по-

скольку позволяет лицам, виновным в незаконном лишении свободы..., скрыть свою причастность к преступлению, спрятать улики и избежать ответственности за судьбу арестованного». (Решение по делу *Kurt v Turkey*, п. 125).

15.83. Пункты 2, 3, и 4 Статьи 5 предусматривают ряд гарантий против произвольного задержания и дурного обращения с задержанными. Они требуют, чтобы любому задержанному незамедлительно сообщались причины задержания и обвинения против него (Статья 5(2)). Они также предусматривают судебный контроль за законностью любого задержания (Статья 5(3 и 4)).

15.84. Относительно Статьи 5(3) и 5(4), Суд говорит в деле *Kurt v Turkey*:

«Необходимо также подчеркнуть, что авторы Конвенции усилили защиту от произвольного лишения личности свободы, создав комплекс прав, призванных свести к минимуму опасность произвола и устанавливающих, что лишение свободы должно находиться под независимым судебным контролем и сопровождаться ответственностью властей за свои действия. Требования Статьи 5 (п.п. 3 и 4), подчеркивая незамедлительность судебного контроля, приобретают в этом случае особо важное значение. Незамедлительное вмешательство судебных органов может привести к обнаружению и предотвращению действий, представляющих угрозу для жизни лица, или к вскрытию фактов крайне плохого обращения, что является нарушением основных прав человека в свете Статей 2 и 3 Конвенции. Речь идет как о защите физической свободы индивидуума, так и о его личной безопасности в ситуациях, когда отсутствие такого рода гарантий может подорвать верховенство права и лишить задержанного самых элементарных средств правовой защиты» (решение по делу *Kurt v Turkey*, п. 123). Суд считает, что период задержания без судебного контроля на четыре дня и шесть часов нарушает Статью 5 (3) (решение по делу *Brogan and others v the UK*, 29.11.1988, п. 62, решение по делу *Aksoy v Turkey*, 18.12.1996, п. 66).

15.85. Статья 5(5) обеспечивает каждому, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений Статьи 5, право на компенсацию.

15.86. В отношении исчезновения или тайного задержания, Суд неоднократно заявлял следующее:

«В этой связи Суд подчеркивает, что отказ властей подтвердить, что лицо задержано, свидетельствует о полном отрицании этих га-

рантий и о серьезнейшем нарушении Статьи 5. Поскольку лицо оказалось под полным контролем властей, последние обязаны знать о его местонахождении. Именно поэтому Статья 5 возлагает на них обязанность принять действенные меры с целью защиты индивидуума от риска его исчезновения и незамедлительно провести эффективное расследование в случае поступления жалобы на то, что конкретное лицо было арестовано, а затем бесследно исчезло» (решение по делу *Kurt v Turkey*, 25.05.1998, п. 124; решение по делу *Tas v Turkey*, 14.11.2000, п. 84).

15.87. По делу *Tas v Turkey* Суд установил:

«Имея в виду ответственность властей отчитываться за людей, которые находятся под их контролем, Статья 5 требует, чтобы они приняли эффективные меры, чтобы предотвратить риск исчезновения и проводили незамедлительное и эффективное расследование по потенциально обоснованным заявлениям о том, что человек был задержан и затем бесследно исчез».

Нарушения Статьи 5 в отношении Русланова К., Заремова А., Дагмарова С.

15.88. Заявители утверждают, что в этом случае имелось грубое нарушение Статьи 5 в целом, также как и нарушение следующих пунктов Статьи 5:

* Задержание всех троих пострадавших не было произведено «в порядке, установленном законом», в нарушение Статьи 5 (1). Оно не соответствовало нормам внутригосударственного законодательства. В частности, не были соблюдены нормы российского уголовно-процессуального законодательства (см. Приложение 2, п. 12).

* Ни одна из причин, перечисленных в Статье 5 (1) (a) – (f), не применима к задержанию Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С.

* Факт задержания Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. не был зарегистрирован в документах, как того требует Статья 5 (1).

* Имелось нарушение Статьи 5 (вместе со Статьей 3 и со Статьей 2), так как Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. при задержании были подвергнуты бесчеловечному обращению, а впоследствии лишены жизни (см. п.п. 14.3 – 14.13).

* Государство не провело адекватного расследования потенциально обоснованного заявления заявителей о незаконном задержании их родственников. Неадекватность расследования подробно описывается в отношении предполагаемых нарушений Статей 2, 3, и 13

(см. п.14.27 – 14.31, 14.46 – 14.55).

15.89. По мнению Заявителей, существуют неопровержимые доказательства того факта, что Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. были задержаны 10 декабря 2000 года представителями российских федеральных сил. Об этом свидетельствуют:

* С начала февраля 2000 г. Грозный находился под контролем российских федеральных сил.

* Населенные пункты Побединское и Радужное находились под контролем федеральных сил с конца 1999 года.

* Чеченские боевики не имеют в своем распоряжении БТР, в одном из которых были увезены Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. По словам свидетелей задержания, отпущенных позднее, все вооруженные люди были в камуфляжной форме и масках, по их разговорам, а также по шуму вертолетов они поняли, что они содержатся в ямах на военной базе российских войск в Ханкале.

* Трупы Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. были обнаружены в одном и том же массовом захоронении, в районе военной базы российских федеральных сил, куда почти исключительно имели доступ российские военнослужащие (см. 14.15 – 14.17).

* Несмотря на существование убедительных доказательств, Русланов К., Заремов А. и Дагмаров С. последний раз были замечены в заключении у российских федеральных сил, и с тех пор «исчезли», российские власти на протяжении трех месяцев продолжали утверждать, что они не имеют никакой информации о их местонахождении. Следовательно, имело место «полное отрицание» гарантий, предусмотренных в Статье 5, о котором Суд неоднократно заявлял по другим делам об исчезновениях (решение по делу *Kurt v. Turkey*, 28.05.1998, п. 124; решение по делу *Tas v Turkey*, 14.11.2000, п. 84). Как Суд по этим делам постановил, это раскрывает «особо грубое нарушение Статьи 5».

Статья 6 (1)

Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Статья 6 (1) гласит:

«1. Каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей [...] на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

15.90. Статья 6(1) обеспечивает каждому человеку право на рассмотрение в суде любого спора, относящегося к его гражданским правам и обязанностям (решение по делу *Golder v the UK*, 21.02.1975, п. 36); «создание препятствий для действительного осуществления права может оказаться равносильным нарушению указанного права, даже если препятствие и носит временный характер» (решение по делу *Golder v the UK*, п. 26; см также решение по делу *Campbell and Fell v the UK*, 28.06.1984, п. 105).

15.91. По российскому закону заявители в принципе имеют право требовать компенсацию за незаконное задержание и убийство их близких родственников (ст. ст. 1069 и 1070 Гражданского кодекса РФ о материальном ущербе и ст. 151 Гражданского кодекса РФ о моральном ущербе) — (см. Приложение 2, п. 13).

15.92. Однако, эффективное осуществление этого права на практике невозможно, так как возможность обращения в суд с гражданским иском о возмещении ущерба полностью зависит от результата уголовного расследования по факту исчезновения. Согласно статье 214(4) Гражданско-процессуального кодекса РСФСР, суд обязан приостановить производство по гражданскому делу в случае невозможности рассмотрения данного дела до разрешения другого дела, рассматриваемого в уголовном порядке (см. Приложение 2, п. 4). Данное положение Гражданско-процессуального кодекса РСФСР типично применяется к случаям, подобным случаю Заявителей.

15.93. Таким образом, не имея окончательного решения по уголовному делу, заявители фактически не имели реальной возможности обращаться в суд с предметным иском, не имея достоверных данных о том, жертвой каких и чьих действий их родственники являлись. При таких обстоятельствах истцам не представляется возможным определить меру ответственности конкретных лиц, а вместе с этим и размер взысканий.

15.94. Тем самым, заявители были лишены реального доступа к суду и к правосудию, что согласно практике Европейского Суда, образует нарушение статьи 6.

*Статья 13 в связи со Статьями 2, 3, 5
Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод*

Статья 13 гласит:

«Каждый человек, чьи права и свободы, изложенные в настоящей Конвенции, нарушены, располагает эффективными средствами правовой защиты перед государственными органами, даже если такое нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

15.95. Согласно Статье 13 Конвенции каждый человек, чьи права и свободы, признанные в Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве.

15.96. Из содержания Статьи 13 следует, что речь идет о праве каждого считающего, что его права, гарантированные Конвенцией, нарушены со стороны представителей власти, обратиться с жалобой в компетентную национальную инстанцию. При этом заявителю должны быть предоставлены эффективные средства защиты.

15.97. Суд последовательно придерживается того, что Статью 13 нужно трактовать как гарантирующую эффективные средства правовой защиты перед государственным органом каждому, кто полагает, что его права и свободы, гарантированные Конвенцией, были нарушены (решение по делу *Klass and others v Germany*, 06.09.1978, п. 64). Статья поэтому требует существование правового средства, позволяющего компетентному национальному органу выяснить содержание претензии, основанной на Конвенции, и предложить соответствующее возмещение (решение по делу *Aksoy v Turkey*, 18.12.1996, п. 95). Правовые средства, требуемые Статьей 13, должны быть юридически и практически «эффективными» в том смысле, что возможность использовать их не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти государства-ответчика (решение по делу *Aksoy v Turkey*, п. 95).

15.98. В случаях, когда родственники человека имеют потенциально обоснованные претензии о том, что этот человек исчез от рук властей, и когда затронуты такие основные права, как право на жизнь и запрет пыток и жестокого или унижительного обращения или наказания, Статья 13 требует тщательного и эффективного расследования, которое обеспечивает действенный доступ потерпевшего к нему и которое способно привести к выявлению и наказанию ответственных лиц (решение по делу *Aksoy v Turkey*, 18.12.1996, п. 98. См. также решение по делу *Aydin v Turkey*, 25.09.1997, п. 103; решение по делу *Kaya v Turkey*, 19.02.1998, п. 107; решение по делу *Kurt v Turkey*,

25.05.1998, п. 104; решение по делу *Tekin v Turkey*, 09.06.1998, п. 66; решение по делу *Yasa v Turkey*, 02.09.1998, п. 114; решение по делу *Tas v Turkey*, 14.11.2000; решение по делу *Cicek v Turkey*, 27.02.2001, п. 178; решение по делу *Ulku Ekinci v Turkey* от 16.07.2002, п.п. 158-159).

15.99. При рассмотрении дела *Aksoy v Turkey* Европейский Суд пришел к выводу, что непроведение расследования со стороны государственного должностного лица, чьей обязанностью является расследование уголовных правонарушений, равносильно подрыву эффективности любых других средств правовой защиты, которые могли бы существовать (решение по делу *Aksoy v Turkey*, 18.12.1996, п. 99).

15.100. Как изложено выше, заявители пытались использовать предусмотренные российским законодательством возможности восстановить нарушенные права своих погибших родственников (Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С.) (см. п.п. 14.19, 14.27 – 14.31) и неоднократно обращались в прокуратуру с требованием о проведении надлежащего расследования обстоятельств задержания и убийства Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., а также в другие инстанции. Однако, как изложено выше в отношении Статей 2 и 3 (см. п. 33, 34, 35, 49), в ответ различные органы государственной власти действовали крайне неадекватно. Лишь спустя три месяца после незаконного задержания Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. прокуратурой было возбуждено уголовное дело, но ни виновных в похищении, ни виновных в убийстве до настоящего времени не установлены и привлечены к ответственности. Как полагают заявители, обстоятельства, имеющие значение по данному делу, не исследовались должным образом. После обнаружения и опознания трупов не была проведена полная судебно-медицинская экспертиза, и вещественные доказательства были потеряны по вине российских официальных лиц.

15.101. В любом случае, тот факт, что расследование не завершено спустя почти два года после незаконного задержания и убийства Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С., и отсутствует объяснение о причинах такого длительного срока, по мнению заявителей, говорит о неэффективности расследования. Заявители ссылаются на решение Комиссии по делу *Timurtas v Turkey* (№ 23531/94, 11.09.95) о насильственном исчезновении. Комиссия заявила, что следствие, не завершившееся в течение двух лет после предполагаемого исчезновения, не обеспечивает эффективной защиты, учитывая тяжесть сущности предполагаемых преступлений и отсутствие объяснений о

причинах отсрочек. В деле *Sarli v Turkey* (24490/94, 28.11.95) Комиссия приняла подобную позицию относительно расследования исчезновения, которое не было завершено в течение одного года и одиннадцати месяцев. Заявители также ссылаются на решение Комиссии в деле *Tanli v Turkey* (№ 26129/94, 05.03.96), касающееся смерти сына заявителя в заключении. В том деле Комиссия отметила, что уголовное расследование по факту смерти сына не было завершено спустя 18 месяцев после того, как произошло предполагаемое преступление, а власти не смогли дать Комиссии или заявителю какую-либо информацию о прогрессе, достигнутом в ходе разбирательства. Комиссия пришла к заключению, что уголовное разбирательство не предоставляет эффективной защиты (о неэффективности расследования см. также Меморандум Хьюман Райтс Вотч о состоянии национального расследования нарушений прав человека и международного гуманитарного права в Чечне от 9 февраля 2001 г., Пресс-релиз Хьюман Райтс Вотч «Загадочное» российское расследование массового захоронения от 2 апреля 2001 г. и доклад Хьюман Райтс Вотч «Зарытые улики: «Белые нитки» в расследовании массового захоронения в Чечне» – Приложение 2, п.п. 15, 16, 17).

15.102. Также заявители ссылаются на пункты 6 и 8 Report of the Council of Europe Committee on Legal Affairs and Human Rights, «Evaluation of the prospects for a political solution of the conflict in the Chechen Republic» (Doc. 6988 of 28 January 2003) (См. Приложение 2 п.18). В этом документе говорится о ряде преступлений на территории Чеченской Республики, в том числе и об обнаружении массового захоронения недалеко от Ханкалы. После ряда лет, в течении которых любое уголовное дело находится в состоянии расследования без результатов, можно утверждать, что органы дознания не желают или не в состоянии найти виновных (См. Приложение 1, п.18).

15.103. Обращение в суд с гражданским иском в данном конкретном случае изначально неэффективно, так как по закону гражданский суд не полномочен устанавливать лиц, виновных в совершении преступления и привлекать их к ответственности. Возмещение ущерба, причиненного преступлением, возможно только после установления в уголовном суде виновных в преступлении лиц (более подробное обоснование этой позиции см. в п.п. 18.2 – 18.6). Таким образом, обращение в гражданский суд в этом случае не является отдельным и эффективным средством защиты.

15.104. Заявители утверждают, что в этом случае имело место со-

вершенно явное нарушение Статьи 13 как по отношению к Русланову К., Заремову А. и Дагмарову С., так и непосредственно к ним.

*Статья 14 в связи со Статьями 2, 3, 6 (1)
Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод*

Статья 14 гласит:

«Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой-либо дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любым иным обстоятельствами».

15.105. Суд в решении по делу *Airey v Ireland* определил: «Статья 14 не действует самостоятельно, она представляет собой особый инструмент защиты (запрет дискриминации) каждого из прав, охраняемых Конвенцией. Статьи, воплощающие эти права, могут быть нарушены как таковые и/или в сочетании со Статьей 14. Если Суд находит, что нарушение одной из статей Конвенции связано также с нарушением Статьи 14, то он должен также рассмотреть дело в свете последней Статьи, особенно если очевидное неравенство в связи с использованием права, являющегося предметом спора, представляет собой существенный аспект дела» (Решение по делу *Airey v Ireland* от 9 октября 1979 года, п.30).

15.106. Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. задержали и впоследствии убили без предъявления обвинения, и без имеющихся на то оснований.

15.107. Заявители полагают, что отсутствие расследования по факту задержания и убийства Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. образует нарушение Статьи 14 Конвенции в связи со Статьей 6 Конвенции. С момента возбуждения уголовного дела и до настоящего времени у заявителя отсутствует какая-либо информация о результатах проведенных органами прокуратуры следственных действий и о принятом по делу решении в связи с чем заявители не имеют возможности добиться, чтобы их гражданские права были предметом рассмотрения в суде.

15.108. Как показывает практика органов прокуратуры в ЧР, уголовные дела, связанные с совершением противоправных действий

представителями федеральных сил, часто приостанавливаются и (или) прекращаются по причине неустановления лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности в качестве обвиняемых (см. Доклад о ситуации с расследованием преступлений в Чечне, подготовленный рабочей группой ПАСЕ и Государственной Думы РФ от 12.04.2001; письмо и. о. прокурора ЧР Костюченко Н.П. группе содействия ОБСЕ в Чечне от 11.11.2002, (Приложение 1, «Разное», п.п. 15, 18). Эта специфическая практика органов прокуратуры присуща именно по отношению к преступлениям, совершаемых на территории Чеченской Республики.

15.109. В Report of the Council of Europe Committee on Legal Affairs and Human Rights, «Evaluation of the prospects for a political solution of the conflict in the Chechen Republic» Doc. 6988 of 28 January 2003, сказано, что «некоторые представители федеральных сил продолжают свою агрессию и жестокость в отношении мирного населения, особенно во время незаконных арестов, насильственных исчезновений и внесудебных пыток. Российские власти, как кажется, не желают или не могут остановить серьезные нарушения прав человека. Органы дознания, кажется, также не желают или не могут (или им препятствуют а осуществлении деятельности) для обнаружения и наказания виновных. Создается обстановка безнаказанности в Чеченской Республики которая делает нормальную жизнь в республике невозможной».

15.110. Несмотря на то, что в . Докладе о ситуации с расследованием преступлений в Чечне, подготовленный рабочей группой ПАСЕ и Государственной Думы РФ от 12.04.2001, уголовное дело по факту убийства Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. расследуется и продвигается, никакого результата на данный момент не наблюдается (см. Приложение 1, «Разное», п.15).

15.111. Пользование правами и свободами со стороны заявителей, их семей, а также Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. было нарушено в силу того, что они являются чеченцами по национальности, жили и/или живут в Чечне.

IV. ЗАЯВЛЕНИЕ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 35(1) КОНВЕНЦИИ.

16. Окончательное внутреннее решение

16.1. По данному делу не было окончательного решения.

16.2. Заявители считают, что они предприняли все шаги, которые, в рамках разумного, могли от них требоваться, чтобы добиться соответствующего поиска их сыновей и дальнейшего расследования обстоятельств их убийства и привлечения к ответственности людей, виновных в их исчезновении и убийстве. Как только им стало известно о задержании родственников, заявители начали обращаться в соответствующие органы власти, включая комендатуру, милицию, прокуратуру и местную администрацию.

16.3. Начиная с 11 декабря 2000 года они добивались возбуждения уголовного дела и проведения расследования. Только 19 февраля 2001 года прокуратурой было возбуждено уголовное дело.

16.4. После возбуждения уголовного дела заявители неоднократно обращались в правоохранительные органы и другие инстанции, ходили в прокуратуру, пытаясь добиться ускорения движения уголовного дела и установления виновных в их исчезновении и смерти.

16.5. Несмотря на то, что, по мнению заявителей имеются реальные перспективы раскрытия этого дела (в частности, были свидетели момента задержания каждого из троих пострадавших, прокуратуре не должно было составить труда допросить военных, принимавших участие в спецоперации 10 декабря 2000 года и др), виновные до сих пор не установлены и не привлечены к ответственности. Также прокуратура не дала никаких внятных объяснений, почему расследование по делу не продвигается.

16.6. Заявители ссылаются на решение Комиссии по делу *Timuratas v Turkey* от 11 сентября 1995 года о насильственном исчезновении. Комиссия заявила, что следствие, не завершившееся в течение двух лет после предполагаемого исчезновения, не обеспечивает эффективной защиты, учитывая тяжесть предполагаемых преступлений и отсутствие объяснений причины отсрочек. В решении по делу *Sarli v Turkey* от 28 ноября 1995 года Комиссия заняла подобную позицию относительно расследования исчезновения, которое не было завершено в течение одного года и одиннадцати месяцев. Заявители также ссылаются на решение Комиссии по делу *Tanli v Turkey* от 5 марта 1996 года, касающееся смерти сына заявителя в заключении. В решении по данному делу Комиссия отметила, что уголовное расследование по факту смерти сына не было завершено спустя 18 месяцев после того, как произошло предполагаемое преступление, а власти не смогли дать Комиссии или заявителю какую-либо информацию о прогрессе, достигнутом в ходе разбирательства. Комиссия пришла к заключе-

нию, что уголовное разбирательство не предоставляет эффективной защиты.

16.7. Учитывая тот факт, что до настоящего времени заявители не обладают информацией о состоянии расследования, хотя формально оно ведется до сих пор (спустя 2 года после задержания), они перестали верить в эффективность проводимого расследования и 21 февраля 2002 года обратились с предварительной жалобой в Европейский Суд по правам человека.

17. Другие решения

Других решений не было.

18. Располагаете ли Вы каким-либо средством, к которому Вы не прибегли? Если да, объясните, почему оно не было Вами использовано?

18.1. Официально заявителям были доступны два внутригосударственных средства защиты:

- i) гражданский иск о компенсации;
- ii) добиваться уголовного преследования через органы прокуратуры.

i) Гражданский иск о компенсации

18.2. Формально, заявители имели возможность обращаться в суд с гражданским иском. Однако, заявители считают, что гражданский иск не может обеспечить эффективного средства защиты, как это предусмотрено Статьей 13 Конвенции.

18.3. Суд постановил по разным делам, что «средства обжалования должны иметь достаточную степень надежности не только в теории, но и на практике. При этом они должны быть непременно эффективными и доступными... Заявитель не обязан прибегать к национальным правовым средствам, которые являются неадекватными или неэффективными» (решение по делу *Akdivar and others v Turkey* от 16 сентября 1996 года, п.п. 66 и 67, решение по делу *Manoussakis and others v Greece* 26 сентября 1996 года, п. 33, решение по делу *Aksoy v Turkey* от 18 декабря 1996 года, п. 52).

18.4. Статьи 45 и 46 Конституции РФ провозглашают государственную защиту прав и свобод человека и гражданина. Закон РФ от 27 апреля 1993 года «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» допускает обжалование в суд лю-

бых действий и решений органов государственного управления, должностных лиц, органов местного самоуправления, общественных объединений, предприятий и учреждений, если гражданин считает их незаконными или необоснованными (см. Приложение 2, п.п. 2, 3).

18.5. Однако обращение в суд в данном конкретном случае изначально неэффективно, так как по закону гражданский суд не полномочен устанавливать лиц, виновных в совершении преступления и привлекать их к ответственности. Возмещение ущерба, причиненного преступлением, возможно только после установления в порядке уголовного судопроизводства лиц, виновных в совершении преступления. Таким образом, обращение в гражданский суд в этом случае не является отдельным и эффективным средством защиты.

18.6. Также заявители уверены, что гражданский иск о компенсации не имеет реального шанса на успех. Большое число чеченцев подали иски о получении компенсации за потерю домов и другого имущества, гибели их родственников или за полученные ими самими ранения в результате военной кампании 1994-1996 годов в Чечне. Почти все иски были безуспешными. Об этом свидетельствует доклад Маргариты Петросян из Канадского Института, содержащего анализ правовых положений и судебной практики данных дел, поданных Хадиевым М.А. (57942/00) и Акаевой Р.А. (57945/00) вместе с ответом на Меморандум российского правительства (М. Петросян, «Методы защиты имущества и социальных прав тех, кто пострадал в результате внутренних вооруженных конфликтов, по российским законам, и их применение на практике во время первой чеченской войны (1994-1996)», «Мемориал», 2000 год).

ii) Уголовное преследование через органы прокуратуры

18.7. Потенциально эффективным средством является расследование обстоятельств задержания и убийства Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. прокуратурой. Именно эффективного расследования этим органом и добивались заявители.

18.8. Однако прокуратура не смогла, по мнению заявителей, провести все необходимые следственные действия по делу.

18.9. С апреля 2001 г. до настоящего времени, на протяжении полутора лет никакого прогресса в расследовании не намечается.

18.10. Тем самым, власти лишили заявителей эффективного средства защиты.

V. ИЗЛОЖЕНИЕ ПРЕДМЕТА ЖАЛОБЫ.

19.1. Заявители добиваются проведения беспристрастного расследования, получения компенсации за причиненный моральный и материальный ущерб, признания Европейским Судом нарушений норм Конвенции, а также гарантий безопасности в отношении свидетелей, проходящих по делу, и своей безопасности.

19.2. В связи с вышеизложенным, заявители просят признать, что в отношении Русланова К., Заремова А. и Дагмарова С. были нарушены Статьи 2,3,5,6(1), а также статья 13 в связи со Статьями 2,3,5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Статья 14 в связи со Статьями 2, 3, 5, 6 (1), а в отношении них – Статьи 3,6(1) и 13 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Справедливая компенсация

Статья 41

Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод

Статья 41:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного возмещения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает выплату справедливой компенсации потерпевшей стороне.»

19.1. В отношении Статьи 41 Конвенции Заявители просят компенсацию по следующим пунктам:

- (i) Возмещение материального ущерба
- (ii) Возмещение морального ущерба
- (iii) Расходы, связанные с подачей данной жалобы

19.2. Заявители предоставят подробные требования по этим пунктам позднее.

**VI. ДРУГИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТАНЦИИ, ГДЕ
РАССМАТРИВАЛОСЬ ИЛИ РАССМАТРИВАЕТСЯ ДЕЛО.**

20. Таковых нет.

VII. СПИСОК ДОКУМЕНТОВ

21. Смотри Приложение №1 и №2.

VIII. ЗАЯВЛЕНИЕ И ПОДПИСЬ.

22. Настоящим, исходя из наших знаний и убеждений, заявляем, что все сведения, которые указаны в жалобе, являются верными.

Место

Дата

*Елена Ежова
Анастасия Мальцева
Андрей Николаев*

Новоселов против России, № 66460/01

Дополнительные замечания от имени заявителя

1. Заявитель находился в заключении в учреждении ИЗ-18/3 г. Новороссийска с 27 октября 1998 г. по 28 апреля 1999 г. Он утверждает, что условия его содержания были несовместимы с требованиями ст. 3 Конвенции.

2. Правительство не оспаривает того, что заявитель содержался в камерах №№ 11 и 3, площадь каждой из которых составляла примерно 42 кв. м. и число заключенных в каждой из которых составляло от 42 до 51. Из приведенных данных следует, что одновременно в камере, где содержался заявитель, на каждого заключенного приходилось от 0,82 до 1 кв. м. площади.

3. Заявитель хотел бы обратить внимание Суда на решение по делу *Калашников против России*, в котором Суд установил нарушение ст. 3 в отношении условий содержания г-на Калашникова. В данном деле в камере приходилось от 0,9 кв. м до 1,9 кв. м площади на каждого заключенного. На основании этих цифр Суд сделал вывод о том, что «...камера была постоянно сильно переполнена. Такое положение дел само по себе поднимает вопросы по ст. 3 Конвенции» (см. *Kalashnikov v Russia*, № 47095/99, 15.07.02, п. 97).

4. Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ЕКПП) установил в качестве примерной желательной нормы для камеры заключения площадь в 7 кв. м на заключенного (см. 2-й Общий доклад ЕКПП – СРТ/Inf(92)3, § 43), что составляет 42 кв. м на шестерых заключенных (а не на 42-51, как в деле заявителя).

5. В том же докладе ЕКПП указал, что: «...уровень переполненности в тюрьме или какой-либо ее части может быть таким, что с физической точки зрения он сам по себе может быть бесчеловечным или унижающим достоинство» (см. 2-й общий доклад – СРТ/Inf (92)3, § 46). Далее в докладе указывается, что: «Переполненность тюрьмы приводит к скученности и антисанитарии; постоянному отсутствию возможности уединения (даже при отправлении таких элементарных нужд, как пользование уборной); сокращению активности за пределами камеры в силу того, что потребность превышает возможности имеющегося штата и оборудования; перегруженности служб здравоохранения; повышенной напряженности и в силу этого повы-

шенному уровню насилия между заключенными и между заключенными и сотрудниками — это далеко не исчерпывающий список. Во многих случаях ЕКПП был вынужден сделать вывод, что отрицательное воздействие переполненности привело к бесчеловечным и унижающим условиям содержания» (см. 7-й Общий доклад — СРТ/Inf(97)10, § 13).

6. Заявитель утверждает, что он подвергся негативному воздействию переполненности, на которое указывает ЕКПП. Заключенные, находившиеся в камере заявителя, были вынуждены спать по очереди. Заявитель не оспаривает утверждение правительства о том, что в камере было 30 кроватей, однако ввиду того, что две из них использовались для утвари и емкостей для воды (вода в камеру подавалась только три раза в день в течение одного часа), заключенные могли использовать для сна только 28 из них. Поэтому, учитывая, что в камере постоянно находилось от 42 до 51 заключенного, на каждую кровать приходилось почти два человека.

7. Еще одним аспектом тесноты и антисанитарии было устройство туалета. Уборная была отделена от остальной камеры лишь простыней одного из заключенных, а обеденный стол находился всего в метре от нее. Заявитель оспаривает утверждение правительства о том, что уборная отделялась от жилой части кирпичная перегородка.

8. Вентиляция включалась только тогда, когда в учреждение приходили «проверяющие». Окна были закрыты стальными щитами; при этом оставалась открытой щель шириной около 10 сантиметров, что не оспаривается правительством. В камеры не поступал свежий воздух. В связи с этим вопросом ЕКПП заявляет: «ЕКПП часто встречает устройства — например, металлические ставни, створки или щиты, установленные на окна камер, — которые лишают заключенных естественного света и мешают поступлению свежего воздуха в помещение... Даже в случае, когда необходимы особые меры безопасности, заключенные никогда не должны лишаться естественного освещения и свежего воздуха, которые являются основными элементами жизни, право на которую имеет каждый заключенный; более того, отсутствие этих элементов порождает условия, благоприятствующие распространению болезней и в частности туберкулеза» (см. 11-й Общий доклад ЕКПП — СРТ/Inf (2001) 16, § 30). Недостаточность вентиляции еще более усугублялась тем, что сокамерникам заявителя было разрешено курить в камере. Для некурящего заявителя это было еще одним крайне негативным воздействием переполнен-

ности. Хотя заявителю разрешались прогулки вне камеры в течение примерно часа в день, все остальное время он был вынужден проводить в своей камере, в крайне ограниченном пространстве и в чрезвычайной духоте.

9. Заявитель хотел бы обратить внимание Суда на отвратительное качество тюремной пищи. В рационе не было мяса. За время содержания заявителя в тюрьме заключенных кормили супом из рыбных костей (без рыбы) примерно 20 раз. Несколько раз заявитель обнаруживал червей в пище, которую ему давали.

10. Другими факторами, указывающими на бесчеловечный и унижающий характер условий содержания заявителя, уже отмеченными Судом в частичном и окончательном решениях о приемлемости данного дела, являются отсутствие постельного белья, полчища насекомых и нехватка моющих средств у заключенных — на всю камеру выдавался всего один кусок мыла в неделю.

11. На протяжении своего заключения заявитель постоянно заражался чесоткой. Ему выдавали серную мазь, но при этом не изолировали от других заключенных. Кроме того, других заключенных, заразившихся чесоткой или другими кожными болезнями, также не удаляли из камеры. Заявитель дважды на протяжении шести месяцев переболел гриппом с высокой температурой. По мнению заявителя, имеется достаточно доказательств, позволяющих установить, насколько ужасными были условия его содержания.

12. К моменту освобождения заявитель потерял в весе 15 кг, задыхался при ходьбе, быстро уставал, не мог бегать и испытывал общую слабость. В день освобождения из заключения заявитель был обследован в больнице № 1 г. Новороссийска, и ему была выдана справка, свидетельствующая о том, что он страдает от истощения (приложение 1). Соответственно, утверждение правительства (см. меморандум правительства от 26 января 2004 г., с. 6) о том, что заявитель никогда не обследовался в вышеупомянутой больнице, попросту неверно.

13. Заявитель хотел бы вновь обратить внимание Суда на доклад ЕКПП, на который он ссылался выше: «В ряде стран, посещенных ЕКПП, особенно в Центральной и Восточной Европе, помещения для заключенных часто представляют собой многоместные спальни, в которых находятся все или большая часть удобств, которыми ежедневно пользуются заключенные, — спальные и жилые помещения, а также санитарно-гигиенические удобства. ЕКПП возражает против

самого принципа такого устройства помещений в закрытых тюрьмах, и эти возражения только усиливаются, когда в подобных спальнях помещения заключенные содержатся в чрезвычайно скученных и нездоровых условиях, что нередко имеет место,... Мало что можно сказать в пользу, но много можно сказать против порядка, согласно которому десятки заключенных живут и спят вместе в одной спальне. Многоместные спальни неизбежно предполагают недостаток уединенности в повседневной жизни заключенных. Более того, высок риск запугивания и насилия... Эти проблемы только обостряются, когда число заключенных превышает разумную плотность; кроме того, в такой ситуации избыточная нагрузка на такие места общего пользования, как умывальники и уборные, и недостаточная для такого числа людей вентиляция, часто приводят к плачевным условиям жизни» (см. 11-й Общий доклад — CPT/Inf (2001) 16, § 29).

14. Заявитель утверждает, что переполненность тюрем была распространённым явлением в России по крайней мере до вступления в силу в июле 2002 г. нового Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающего обязательность судебной санкции на содержание под стражей. Напомним, что в деле *Калашников против России* правительство признало, что условия содержания г-на Калашникова «не отличались или по крайней мере были не хуже, чем те, в которых находится большинство заключенных в России», и что «переполненность является общей проблемой в учреждениях предварительного заключения» (см. *Kalashnikov v Russia*, № 47095/99, 15.07.02, п. 93). И далее: «Было признано, что по экономическим причинам условия содержания в России были неудовлетворительными и не соответствовали требованиям, установленным для пенитенциарных учреждений в других государствах-членах Совета Европы» (см. *Kalashnikov v Russia*, № 47095/99, 15.07.02, п. 94). Заявитель отмечает, что он содержался в заключении в то же время, что и г-н Калашников и поэтому признание подобных фактов правительством применимо и к его ситуации.

15. Заявитель утверждает, что состояние исправительных учреждений в Краснодарском крае во время его заключения было даже хуже, чем в других регионах России, и хотел бы обратить внимание Суда на доклады «О положении с правами человека в Краснодарском крае», подготовленные региональной НПО «Краснодарский правозащитный центр» в 1999 и 2000 гг. (приложение 2). В докладе 1999 г. (см. главу о положении заключенных) излагаются конкретные про-

блемы пенитенциарных учреждений Краснодарского края, в том числе переполненность (в результате которой заключенные вынуждены спать по очереди), плохое качество пищи, нехватка медицинского оборудования и медикаментов и распространение туберкулеза и СПИДа. В качестве примера в докладе приводится дело г-на Чайкина, который, как и заявитель, содержался в учреждении № 18/3 г. Новороссийска. В докладе 2000 г. (в котором рассматриваются события 1999 г.) приводится информация, полученная от начальника Главного управления исполнения наказаний Краснодарского края г-на Полунина, который признает, что в 1999 г. учреждения предварительного заключения в крае находились в крайне тяжелом экономическом положении. Далее в докладе говорится: «На территории края находится 16 исправительных учреждений. Они рассчитаны на 18 тыс. заключенных, однако фактически в них содержатся более 27 500 человек... Норма стоимости питания на заключенного составляет 16,4 рубля (около 0,5 евро) в день, однако фактически в 1999 г. из бюджета была выделена вдвое меньшая сумма... Около 7 тыс. заключенных заражены туберкулезом».

16. Замечания заявителя также подтверждаются заявлением г-на Вдовина, который содержался в том же учреждении одновременно с заявителем (приложение 3). Г-н Вдовин в подробностях описывает условия своего содержания, которые совпадают с описанием заявителя. В заключении своего заявления г-н Вдовин утверждает, что условия его содержания можно приравнять к пыткам.

17. В свете этих замечаний и приложенных докладов и заявления (а также всех предыдущих замечаний заявителя и подтверждающих документов) заявитель утверждает, что условия его содержания оказали на него значительное неблагоприятное физическое и психологическое воздействие, подорвав его человеческое достоинство и вызвав в нем чувство унижения в нарушение ст. 3 Конвенции.

*Дина Ведерникова
1 октября 2004 г.*

В Европейский Суд по правам человека
Жалоба № 55723/00

Фадеева против России

ЗАМЕЧАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА

1. Настоящие замечания, направляемые от имени заявителя, включают в себя следующее:

(i) замечания заявительницы, составленные после вынесения решения о приемлемости (в том числе дополнительные показания эксперта);

(ii) ответы заявительницы на вопросы, поставленные Судом в письме от 30 октября 2003 г.;

(iii) ответы заявительницы на замечания правительства от 13 февраля 2004 г.

2. Просим Суд обратить внимание на приложенный заявительницей к данным замечаниям экспертный доклад д-ра Марка Чернайк «Оценка опасности для человеческого здоровья загрязнения окружающей среды в окрестностях завода «Северсталь» в г. Череповце» (приложение 8). Проведение экспертного исследования было заказано д-ру Чернайку от имени заявительницы в целях представления в Суд в связи с настоящим разбирательством. В своем докладе д-р Чернайк исследует воздействие следующих загрязняющих веществ:

- а. сероводород
- б. синильная кислота
- с. нафталин
- д. формальдегид
- е. сероуглерод

3. Д-р Чернайк исследует воздействие каждого из этих загрязняющих веществ на состояние здоровья человека. Далее он сравнивает российские стандарты качества атмосферного воздуха с международными и затем оценивает степень риска для здоровья, который представляют измеренные уровни данных загрязняющих веществ в санитарно-защитной зоне Череповца.

4. В результате этого исследования д-р Чернайк делает вывод, что население, проживающее на территории этой зоны, в избыточной степени страдает от следующих явлений:

- * неприятные запахи, респираторные инфекции, раздражение носа, кашель и головные боли (как следствие загрязнения сероводородом);

- * головные боли и расстройства щитовидной железы (как следствие загрязнения синильной кислотой);

- * рак носа и дыхательных путей (как следствие загрязнения нафталином);

- * рак носовых ходов, головные боли и хроническое раздражение глаз, носа и горла (как следствие загрязнения формальдегидом);

- * пагубное воздействие на вегетативную, нервную, сердечно-сосудистую и репродуктивную системы (как следствие загрязнения сероуглеродом).

5. Д-р Чернайк приходит к следующему заключению:

«Все токсичные загрязняющие вещества, избыточная концентрация которых обнаружена на территории санитарно-защитной зоны Череповца, являются газообразными загрязняющими веществами, которые образуются в результате деятельности металлургических предприятий (а именно в результате процессов, используемых в производстве металлургического кокса), однако, как правило, не производятся другими промышленными предприятиями.

Поэтому разумно заключить, что не контролируемые соответствующим образом выбросы Череповецкого металлургического комбината являются основной причиной, вызывающей чрезмерную распространённость описанных выше неблагоприятных воздействий на здоровье людей, проживающих в пределах санитарно-защитной зоны в Череповце».

6. Заявительница хотела бы с самого начала напомнить, что, как отметила Большая Палата Суда в деле *Хаттон и другие против Соединенного Королевства (Hatton and others v UK)*, в предыдущих делах, где загрязнение окружающей среды породило нарушения Конвенции, факт нарушения был установлен на основании несоблюдения национальными властями какого-либо аспекта национального правового режима (*Lopez Ostra and Guerra*). Она утверждает, и это подробно излагается ниже, что настоящее дело точно так же основывается на несоблюдении российскими властями соответствующего национального законодательства.

І. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявительница подтверждает обстоятельства дела, установленные в решении о приемлемости.

8. Заявительница проживает в своей муниципальной квартире с 1982 г. В квартире три комнаты, две из них — спальни, что является обычным для трехкомнатной квартиры в многоквартирном доме. Она проживает в этой квартире с мужем, Николаем Фадеевым и тремя детьми — Александром Фадеевым 1972 г. р. (Александр переехал в 1994 г.), Михаилом Фадеевым 1980 г. р. и Мариной Фадеевой 1983 г. р.

9. Квартира заявительницы расположена на территории санитарно-защитной зоны шириной в 1 километр вокруг металлургического завода «Северсталь» в г. Череповце, установленной решением городских властей в 1991 г. Квартира находится примерно в 450 м от завода (см. документ, выданный заявителнице Управлением архитектуры и городского планирования администрации г. Череповца 11 апреля 2003 г., приложение 3). Также обращаем внимание Суда на план (приложение 4), на котором показано расположение дома заявительницы и завода «Северсталь».

10. Заявительница и ее семья не только проживают на территории зоны с 1982 г., но и пользуются различными общественными услугами, предприятия которых также расположены внутри зоны. Поликлиника, которую заявительница обычно посещает, находится на Парковой улице на территории санитарно-защитной зоны. Детский сад, в который ходили дети заявительницы Михаил и Марина, а также школы, где учились все ее дети (расположенные на ул. Металлургов и Строителей) также находятся внутри зоны.

11. Квартира заявительницы всегда находилась в собственности государства. В настоящее время она находится в муниципальной собственности, но до 1993 г. она принадлежала Министерству черной металлургии.

12. До приватизации, прошедшей в 1993 г., завод принадлежал Министерству черной металлургии. Теперь завод находится в собственности ОАО «Северсталь». Чистая прибыль ОАО «Северсталь» составила в 2003 г. 6,35 млрд руб. (около 211,8 млн долларов, см. приложение 5), а в 2000 г. достигла около 452 млрд долларов. Председателем совета директоров и Генеральным директором холдинга «Северсталь-групп» (частью которого является ОАО «Северсталь») является Алексей Мордашов, который с капиталом в 1,2 млрд долларов во-

шел в список богатейших людей мира под № 348 (приложение 6). Г-н Мордашов также был доверенным лицом Владимира Путина в ходе избирательных кампаний по выборам Президента в 2000 и 2004 гг.

13. В результате внутригосударственного разбирательства по обращениям заявительницы в Череповецкий городской суд и Вологодский областной суд ее включили в общую «очередь» на новое жилье (под номером 6820). Заявительнице неизвестно о каких-либо изменениях в ее положении в «очереди».

II. СУЩЕСТВО ДЕЛА

A. Общие принципы

14. Заявительница ссылается на следующие принципы, установленные в практике Суда в связи со ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) в отношении вопросов окружающей среды.

15. Европейский Суд по правам человека (здесь и далее – Суд) неоднократно признавал, что сильное загрязнение окружающей среды способно: а) оказывать неблагоприятное воздействие на самочувствие людей и б) воспрепятствовать им в пользовании жилищем, тем самым пагубно влияя на их личную и семейную жизнь (см. решение по делу *Lopez Ostra против Испании (Lopez Ostra v Spain)* от 9 декабря 1994 г., Series A № 303-C, § 51).

16. Относящиеся к делу соображения, которые подлежат оценке при установлении того, нарушает ли загрязнение окружающей среды права, гарантированные ст. 8, были подробно очерчены в делах *Ассельбург и Гронус*. В деле *Ассельбург и другие против Люксембурга (Asselbourg and others v Luxembourg, № 29121/95, 29.6.99)* заявители жаловались на нарушение ст. 8 Конвенции в связи с неадекватностью условий, устанавливаемых при выдаче разрешений на эксплуатацию работающих на электроэнергию металлургических предприятий. Суд постановил, что для того, чтобы можно было признать оправданным утверждение заявителей о том, что они стали жертвами нарушения Конвенции, «они должны быть в состоянии утверждать с приведением подробных обоснований, что **в результате непринятия властями адекватных мер предосторожности вероятность причинения ущерба настолько высока, что это может быть признано нарушением** при условии, что последствия обжалуемого дея-

ния не слишком отдаленны (см., *mutatis mutandis*, решение по делу *Céring против Соединенного Королевства* (*Soering v. the United Kingdom*) от 7 июля 1989, Series A № 161, с. 33, § 85)» [выделено автором].

В деле *Гронус против Польши* (*Gronus v Poland*, № 39695/96, 2.12.99) жалоба заявителя на загрязнение, исходящее от трубы теплоцентрали была признана неприемлемой на основании «невозможности установить исходя из утверждений заявителя, что действие поврежденной теплоцентрали **причинило какое-либо неудобство, нанеся вред нормальному состоянию экологического здоровья и санитарии в такой степени, которая позволила бы Суду признать, что право на уважение жилища заявителя и его семьи было нарушено**» [выделено автором].

17. Очевидно, что ст. 8 применима в делах о состоянии окружающей среды независимо от того, вызвано ли загрязнение непосредственно государством, которое таким образом «осуществляет вмешательство» в право заявителей на уважение их частной и/или семейной жизни и жилища, или ответственность государства возникает из его неспособности регулировать деятельность частных предприятий. В делах второй категории жалоба заявителя должна быть исследована в связи с вопросом о позитивном обязательстве государства по принятию разумных и уместных мер для обеспечения прав заявителя по ст. 8 п. 1 Конвенции (см. решение по делу *Пауэлл и Райнер против Соединенного Королевства* (*Powell and Rayner v the United Kingdom*) от 21 февраля 1990 г., Series A № 172, § 41; *Гуэрра против Италии* (*Guerra v Italy*) от 19 февраля 1998 г., Reports of Judgments and Decisions 1998-I, § 58, и *Хаттон и другие против Соединенного Королевства* (*Hatton and Others v the United Kingdom*) [GC] от 8 июля 2003, § 98).

18. Суд неоднократно повторял, что независимо от того, исследуется ли дело в связи с позитивным обязательством государства принимать разумные и уместные меры для обеспечения прав заявителя по статье 8 п. 1 или в связи с вопросом об оправданности вмешательства государственного органа в соответствии со ст. 8 п. 2, в обоих случаях применимы в целом сходные принципы. В обоих случаях следует обращать внимание на сохранение справедливого равновесия между конкурирующими интересами личности и общества в целом; также в обоих случаях государство пользуется определенной свободой усмотрения. Более того, даже в отношении позитивных обязательств, вытекающих из первого пункта ст. 8, при достижении требуемого равновесия цели, упомянутые во втором ее пункте, могут обладать опреде-

ленной значимостью (см. вышеупомянутые решения по делам *Пауэлл и Райнер*, п. 41; *Лопес Остра*, п. 51 и *Хаттон и другие*, п. 98).

19. При рассмотрении экологического дела по ст. 8 Конвенции Суд должен либо обратить внимание на соблюдение государством его внутреннего законодательства, либо оценить, было ли в целом достигнуто справедливое равновесие (см. вышеупомянутое решение по делу *Хаттон и другие*, пп. 120 и 99). Заявительница полагает, что в настоящем деле Суд должен исследовать оба аспекта рассматриваемых вопросов.

20. Ключевым моментом для оценки Судом степени соблюдения государством обязательств по ст. 8 в отношении загрязнения окружающей среды будут принятые властями меры по предотвращению или уменьшению степени загрязнения и, следовательно, степень, в которой на заявителя оказали воздействие любые из следующих факторов:

- (i) установление условий эксплуатации;
- (ii) осуществление инспекций и изучение уровней загрязненности;
- (iii) предоставление публичного доступа к информации;
- (iv) применение санкций;
- (v) предоставление других гражданских или уголовных средств возмещения.

21. Примеры оценки Судом каждой из этих мер приводятся ниже.

Установление условий эксплуатации

22. Суд не усмотрел нарушения ст. 8 в деле *Ассельбург и другие против Люксембурга* (*Asselbourg and others v Luxembourg*, № 29121/95, 29.6.99), поскольку «не оспаривалось, что власти Люксембурга после начала эксплуатации металлургического предприятия приняли все необходимые меры для того, чтобы обеспечить скорейшее выполнение металлургическим заводом условий, связанных с разрешением на эксплуатацию».

Осуществление инспекций и изучение уровней загрязненности;

23. Жалоба заявителя по ст. 8 в деле *Гронус против Польши* (*Gronus v Poland*, № 39695/96, 2.12.99) на загрязнение от находящейся неподалеку трубы теплоцентрали, была признана неприемлемой на основании принятия властями соответствующих мер, включая тот факт, что государственная инспекция по охране окружающей среды провела проверку с целью выяснить, находились ли в рабочем состоянии

установки контроля за загрязнением на теплоцентрали, и обнаружила, что их состояние соответствовало техническим нормам, установленным в первоначальном разрешении на эксплуатацию предприятия. Кроме того, Суд отметил, что государственное агентство сельскохозяйственного имущества приняло меры для искоренения причины загрязнения, подрядив строительную компанию осуществить реконструкцию трубы.

Предоставление публичного доступа к информации

24. Как было отмечено Судом в деле *Гуэрра и другие против Италии* (*Guerra and others v Italy*, № 14967/89, 19.2.98), Резолюция ПАСЕ 1087(1996) о последствиях чернобыльской катастрофы гласит, что «доступ общественности к ясной и полной информации... должен рассматриваться как основополагающее право человека». Заявители по делу Гуэрра ожидали важной информации, которая позволила бы им оценить риск, которому могли бы подвергнуться они и их семьи, если бы они продолжали жить в городе Манфредония рядом с химическим заводом. Соответственно, было установлено, что государство не выполнило свое обязательство по обеспечению права заявителей на уважение их личной и семейной жизни в нарушение ст. 8 Конвенции.

Применение санкций

25. Заявительница напоминает, что в деле *Лопес Остра против Испании* местные власти переселили жителей, в течение нескольких месяцев подвергавшихся воздействию находящегося неподалеку завода по утилизации отходов, и распорядились о прекращении одного из видов деятельности завода (а именно осаждения химических и органических отходов в резервуарах для воды).

Предоставление других гражданско-правовых или уголовно-правовых средств возмещения.

26. В деле *Моз и другие против Норвегии* (*Moe and others v Norway*, № 30966/96, 14.12.99), связанном с деятельностью завода по утилизации отходов, находившегося поблизости от жилых домов, национальные суды (Высокий Суд) признали по существу, что вплоть до 1990 г. функционирование завода по утилизации отходов заключало в себе вмешательство в пользование заявителями своим правом на уважение личной жизни и жилища, неоправданное в соответствии со ст. 8(2) Конвенции, и что тем самым были нарушены их права по ст. 8(1). Однако в результате внутригосударственного разбирательст-

ва, инициированного заявителями, в деятельности завода по утилизации отходов были осуществлены изменения с целью уменьшения неудобств. Соответственно в деле *Мое* не было нарушения ст. 8.

27. Еще одним фактором, который повлиял на признание Судом отсутствия нарушения в деле *Ассельбург*, был доступ, который согласно люксембургскому законодательству заявители имели к «гражданско-правовым и уголовно-правовым средствам защиты, позволяющим им обращаться с жалобой в связи с поддающимися проверке последствиями для их здоровья или качества жизни, вытекающими из» работы металлургического предприятия.

Процессуальные гарантии в соответствии со ст. 8

28. В своем решении по делу *Хаттон против Соединенного Королевства* (*Hatton v UK*) от 8 июля 2003 г. Большая Палата вновь подтвердила, что в экологическом деле для того, чтобы обеспечить соответствие ст. 8, Суд, помимо оценки решений властей по существу, может также «подвергнуть исследованию процесс принятия решений, чтобы убедиться, что интересам личности было придано должное значение».

29. Более того, Большая Палата в деле *Хаттон* с одобрением процитировала следующее извлечение из решения по делу *Бакли против Соединенного Королевства* (*Buckley v UK*) от 25 июня 1996 г.:

«Суд не может игнорировать,.. что в настоящем деле интересы общества должны быть сбалансированы с правом заявительницы на уважение ее «жилища» — правом, которое затрагивает безопасность и благополучие ее самой и ее детей... Важность этого права для заявительницы и ее семьи также должна быть принята во внимание при определении пределов свободы усмотрения, предоставляемой государству-ответчику. Во всех случаях, когда национальным властям предоставляется свобода усмотрения, позволяющая им осуществить вмешательство в пользование каким-либо правом по Конвенции, например, тем, которое является предметом настоящего дела, процессуальные гарантии, которыми располагает лицо, будут особенно существенными при решении вопроса о том, не преступило ли государство-ответчик пределы своего усмотрения при установлении нормативно-правовых рамок. Несмотря на то, что ст. 8 не содержит явным образом выраженных процессуальных требований, согласно установившейся практике процесс принятия решений, имеющий своим результатом вмешательство, должен быть справедливым и проявлять должное уважение к интересам личности, гарантированным ст. 8...»

30. Меры, предпринятые властями, в деле *Хаттон* были сочтены соблюдением этих процессуальных обязательств:

- * правительство последовательно осуществляло мониторинг ситуации, в связи с ночными рейсами аэропорта Хитроу;

- * было проведено исследование по вопросу связи нарушений сна и ночных полетов, результаты которого учитывались во всех новых схемах ночных полетов;

- * на протяжении длительного времени проводился ряд исследований;

- * предложенные меры были опубликованы в консультативном документе правительства;

- * консультативный документ был направлен в том числе людям, проживающим вблизи от аэропортов;

- * заявители и другие лица могли высказать любое мнение, которое сочли нужным;

- * если бы какие-либо мнения не были приняты во внимание, следующие решения могли быть обжалованы в суд.

31. В свете этих мер Суд в деле *Хаттон* постановил, что властям удалось достичь справедливого равновесия между правами лиц, которых коснулось данное вмешательство, и правами всего общества.

32. В деле *Стоктон и другие против Соединенного Королевства (Stockton and others v UK, № 30653/97, 15.1.98)*, касавшемся загрязнения водных ресурсов, Комиссия подтвердила, что процессуальные гарантии являются существенным фактором при оценке соблюдения требований ст. 8. В деле *Стоктон* к таковым относилось отсутствие или наличие публичного расследования причин и последствий загрязнения.

В. Позитивное обязательство

33. Заявительница утверждает, что в настоящем деле вопросы позитивного обязательства государства по ст. 8 Конвенции возникают по следующим причинам. В настоящем деле государство не применило существующие нормы о переселении заявительницы и оказалось не в состоянии регулировать деятельность завода. Государство, как изложено выше, не предприняло разумных и уместных мер по обеспечению прав заявительницы.

34. Заявительница также утверждает, что проживание в санитарно-защитной зоне оказывало и продолжает оказывать неблагоприятное воздействие на здоровье и самочувствие ее самой, а также ее семьи, что, в свою очередь, оказало неблагоприятное воздействие на

ее частную и семейную жизнь.

35. Во-первых, она ссылается на медицинское заключение, подготовленное клиникой Северо-Западного центра гигиены и общественного здоровья Санкт-Петербурга 30 мая 2002 г. (приложение 1), в котором утверждается, что она страдает от различных заболеваний нервной системы, а именно профессиональной прогрессирующей моторно-сенсорной невропатии верхних конечностей с параличом обоих срединных нервов на уровне запястного канала (основной диагноз) (см. пп. 2.5.1 и 2.5.3 заключения д-ра Чернайка, относящиеся к сенсорному полиневриту, формой которого является данное заболевание), остеохондроза шейного отдела позвоночника, деформирующего артроза коленных суставов, опущения стенок влагалища 1 степени, хронического гастродуоденита, гиперметропии 1 степени (глазной), пресбиопии (сопутствующие диагнозы). Хотя в заключении не указаны явным образом причины этих заболеваний, врачи подтвердили, что они обостряются при «работе в условиях вибрации, загрязнения вредными веществами, неблагоприятного климата», тем самым подразумевая, что загрязнение окружающей среды по всей вероятности нанесло ущерб здоровью заявительницы.

36. Во-вторых, заявительница хотела бы обратить внимание Суда на информационное письмо управления охраны окружающей среды городской администрации Череповца (приложение 2). В этом письме содержатся рекомендации для жителей Череповца о том, как вести себя при «неблагоприятных погодных условиях», а именно когда ветер приносит в сторону города выбросы завода «Северсталь». В письме людям рекомендуется не выходить из своих домов или других помещений, ограничить физическую активность и предлагается, какие продукты употреблять и не употреблять в пищу. Основной причиной этих ограничительных рекомендаций являются выбросы завода «Северсталь». Заявительница также ссылается на письмо от 20 сентября 2001 г., адресованное г-же Золотаревой (заявительнице по ожидающему рассмотрения делу *Золотаревой против России* (*Zolotareva v Russia*), № 53695/00) из Череповецкого центра государственной санитарно-эпидемиологической службы (являющейся частью Министерства здравоохранения), в котором утверждается, что во время таких «неблагоприятных погодных условий» в местные больницы поступает в 1,3 раза больше детей.

37. Наконец, в этой связи заявительница обращает внимание Суда на приложенное экспертное заключение д-ра Марка Чернайка отно-

сительно влияния на здоровье человека избыточных уровней содержания различных загрязняющих веществ внутри санитарно-защитной зоны (см. пп. 2-5 выше).

С. Нарушения, допущенные национальными органами власти

38. Заявительница утверждает, что отказ властей переселить ее является нарушением внутреннего законодательства и, как следствие, ст. 8 Конвенции.

Поселение заявительницы в санитарно-защитной зоне

39. Заявительница полагает, что продолжение ее проживания в санитарно-защитной зоне само по себе является нарушением российского законодательства.

40. Согласно ст. 42 Конституции Российской Федерации (приложение 14) каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. Эта статья предусматривает следующее:

«Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью и имуществу экологическим правонарушением».

Ст. 11 Закона Российской Федерации 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды»¹ (действовавшего во время событий) устанавливала, что это право обеспечивается предоставлением каждому реальных возможностей для проживания в условиях благоприятной для жизни и здоровья окружающей природной среды. Согласно ст. 14 того же закона, на государстве лежит обязанность обеспечить пользование правом на благоприятную окружающую среду («Государство гарантирует... гражданам возможность реализации предоставленных им прав в области охраны окружающей природной среды»). Обязательство, возложенное на предприятия, как государственные, так и частные, по созданию санитарно-защитных зон (установленное в том числе Федеральным законом «Об охране атмосферного воздуха»), как отмечено Верховным Судом Российской Федерации²,

¹ Извлечения из российских законов и кодексов, на которые делаются ссылки в этих замечаниях, перечислены в приложении 15.

² Решение Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2003 г. № ГКПИ 03-191 по заявлению ОАО «Архангельская городская телефонная сеть» об оспаривании приказа министра здравоохранения от 17 мая 2001 № 15 (не опубликовано, см. приложение 21).

является одним из аспектов обеспечения конституционных и законных прав граждан, пострадавших от загрязнения окружающей среды.

41. Ст. 43 Градостроительного кодекса Российской Федерации запрещает поселение в санитарно-защитной зоне. Эта статья гласит:

«1. Производственные зоны предназначены для размещения промышленных, коммунальных и складских объектов,... а также для установления санитарно-защитных зон таких объектов.

2. Благоустройство территорий производственных зон осуществляется за счет собственников производственных объектов.

3. В санитарно-защитной зоне промышленных, коммунальных и складских объектов не допускается размещение жилых домов, дошкольных образовательных учреждений, общеобразовательных учреждений, учреждений здравоохранения, учреждений отдыха, физкультурно-оздоровительных и спортивных сооружений, садоводческих, дачных и огороднических кооперативов, а также производство сельскохозяйственной продукции».

Ст. 43(3) и 43(2) запрещают в санитарно-защитных зонах как строительство нового жилья, так и существование жилых домов, возведенных до создания санитарно-защитной зоны. Аналогичным действием обладают санитарные нормы от 10 апреля 2003 г. № 2.2.1/2.1.1.1200-03 (ст. 2.30), заменившие Санитарные нормы от 17 мая 2001 г. (ст. 2.30), а также градостроительные нормы № 2.07.01-89 (ст. 3-8)³.

42. Следовательно, сам факт проживания заявительницы в санитарно-защитной зоне (с учетом того, что квартира не является ее частной собственностью, а принадлежит местным властям Череповца, и того, что она не имела возможности выбрать место жительства) не соответствует российскому законодательству и нарушает ст. 8 Конвенции, поскольку власти не предприняли соответствующих разумных мер для обеспечения прав заявительницы по ст. 8 п. 1 Конвенции.

Требования заявительницы о переселении

43. Заявительница далее утверждает, что решения Череповецкого городского суда от 17 апреля 1996 г. и 31 августа 1999 г., оставленные в силе (по крайней мере, в отношении вопросов материального пра-

³ Извлечения из российских санитарных норм, на которые делаются ссылки в этих замечаниях, перечислены в приложении 18.

ва) определениями Вологодского областного суда от 7 августа 1996 г. и 17 ноября 1999 г., противоречат российскому законодательству.

44. Российское законодательство содержит ясное обязательство по переселению жителей санитарно-защитных зон. Во-первых, градостроительные нормы 1989 г. и, позднее, те же положения ст. 43(2) Градостроительного кодекса 1998 г. обязывают предприятие, в частности, соблюдать нормы, относящиеся к санитарно-защитным зонам, которые предусматривают переселение их жителей. Далее, Постановление Совета министров РСФСР от 19 сентября 1974 г. (приложение 17) накладывало на Министерство черной металлургии более конкретное обязательство переселить жителей санитарно-защитной зоны Череповецкого металлургического комбината (в настоящее время — ОАО «Северсталь»). В соответствии с этим постановлением, обязательство по переселению возникло в 1975 г. Несмотря на различные изменения в относящемся к делу внутреннем законодательстве, это постановление осталось в силе, и на него ссылался Череповецкий городской суд в 1996 г. С момента принятия этого постановления Советом министров РСФСР оно оставалось в силе без какого-либо последующего 'продления законной силы'.

45. Российское законодательство распределяет бремя по переселению людей, проживающих в санитарно-защитной зоне, между владельцами предприятий (включая частные предприятия), которые окружены санитарно-защитной зоной, и государственными властями. На местных властях лежит обязанность по определению нового места жительства для людей, переселяемых из санитарно-защитной зоны, однако переселение должно осуществляться за счет предприятия. Последнее также подтверждается Комплексной программой санитарно-эпидемиологических профилактических мер в Череповце в 1995-1996 гг.⁴, которая предусматривает переселение проживающих в санитарно-защитной зоне ОАО «Северсталь» за счет завода (приложение 19).

46. Череповецкий городской суд и Вологодский областной суд распорядились поставить заявительницу в очередь на получение нового жилья. По решению национальных судов местные власти Череповца поставили заявительницу в очередь (под номером 6 820).

47. Заявительница ссылается на практику Верховного Суда РФ⁵,

⁴ Принята постановлением администрации г. Череповца от 2 марта 1995 г.

⁵ Верховный Суд Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам, дело Иващенко против Красноярского управления железной дороги и Красно-

который определил, что дома, расположенные в санитарно-защитных зонах должны рассматриваться как подлежащие сносу, а их жителям должно быть предоставлено новое жилье за пределами санитарно-защитной зоны (приложение 20). Верховный Суд отметил, что ст. 29 Жилищного кодекса РСФСР, которая предусматривает, что жильцы, чьи жилищные условия не соответствуют установленным требованиям, должны быть включены в «очередь», неприменима к лицам, проживающим в санитарно-защитной зоне. Верховный Суд указал следующее:

«... нельзя согласиться с выводом суда /первой инстанции/, что несоответствующее санитарное состояние дома истицы дает ей право на постановку в общую очередь лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий в соответствии со ст. 29, 37 Жилищного кодекса РСФСР... Дом находится не только в ветхом, но и в несоответствующем санитарном, техническом и противопожарном состоянии, а также расположен в 30 метрах от железной дороги, в санитарно-защитной зоне, в нарушение санитарных норм (это 100-метровая зона, в которой запрещено нахождение жилых домов). При новом рассмотрении дела суд [первой инстанции] **должен определить конкретное новое жилье для истицы, поскольку ее нынешнее жилье подлежит сносу**» (выделение добавлено).

Таким образом, Верховный Суд применил ст. 91 Жилищного кодекса, которая предусматривает, что жильцы домов, подлежащих сносу, должны быть обеспечены новым благоустроенным жильем вне очереди.

48. Подобные аргументы (требование о переселении, а не о постановке в очередь) заявительница поднимала при обращении с исками и при обращении с исками и жалобами в национальные суды. Однако Череповецкий городской суд без согласия заявительницы⁷ рассмотрел ее иск таким образом, как если бы она добивалась постановки в очередь (в порядке ст. 29 Жилищного кодекса РСФСР), а не предоставления ей нового жилья за пределами санитарно-защитной зоны, и не вынес решения о немедленном переселении заявительницы.

ярской дистанции гражданского строительства (опубликовано в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, 1998 г., № 9, Жилищные споры, п. 22).

⁶ 100-метровые санитарно-защитные зоны относятся к железнодорожным линиям.

⁷ Согласно ст. 34 Гражданского процессуального кодекса РСФСР (действовал во время событий) суд может менять основания иска только с согласия истца.

49. Таким образом, Череповецкий городской суд нарушил нормы национального материального и процессуального права, а, следовательно, и ст. 8 Конвенции. Заявительница не могла более прибегать к национальным судам, поскольку в ее распоряжении оставалась лишь подача надзорной жалобы на определение областного суда.

Загрязнение окружающей среды, вызванное металлургическим заводом «Северсталь»

50. Заявительница ссылается на переписку с ОАО «Северсталь», в которой последнее признало, что завод был построен с расчетом на санитарно-защитную зону в 5 км (а не 1 км, как было установлено позднее).

51. Соответственно, вредные выбросы металлургического завода «Северсталь» превышают «максимально допустимый уровень» не только внутри санитарно-защитной зоны, но и за ее пределами. Заявительница ссылается на экспертное заключение д-ра Марка Чернайка, представленное вместе с настоящими замечаниями. Она хотела бы также отослать Суд к измерениям, содержащимся в «Обзоре загрязнения окружающей среды на территории деятельности Северного управления государственной гидрометеорологической службы⁸», опубликованном в 2003 г. (приложение 11). Заявительница отмечает, что некоторые из измерительных постов, используемых Северным УГМС, расположены вне санитарно-защитной зоны, но даже там замеренные уровни загрязнения неоднократно превышают максимально допустимый уровень.

52. Таким образом, посты № 1, 2, 3 и 5 Северного УГМС проводят мониторинг окружающей среды в Череповце. Из этих четырех только пост № 1 расположен внутри санитарно-защитной зоны завода «Северсталь» и в 270-300 м от квартиры заявительницы. Однако на всех четырех постах выбросы двуокиси углерода (7, 2, 3 и 2 дня соответственно), двуокиси азота (6, 6, 20 и 26 дней соответственно) превышали в 2002 г. максимально допустимый уровень.

53. Эти измерения брались только в отношении газов и пыли, однако шумовые загрязнения и выбросы металлов (кадмия, ванадия и т.п.) никогда не подвергались мониторингу. Заявительница хотела

⁸ Северное управление государственной метеорологической службы является государственным учреждением, подчиненным Федеральной службе по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды.

бы подчеркнуть важность замера выброса металлов, поскольку металлы, выбрасываемые «Северсталью», катализируют неблагоприятное экологическое воздействие газов⁹. Заявительница также ссылается на исследование «Гигиеническая оценка микроэлементного статуса детей, проживающих в условиях промышленного города», где говорится, что ряд детей с высокой концентрацией в организме вредных металлов (мышьяк, свинец, кадмий, марганец) значительно больше в Индустриальном районе Череповца (ближайшем к заводу «Северсталь»), чем в Северном и Зашекснинском районах¹⁰.

D. Справедливое равновесие

54. Помимо различных нарушений требований внутреннего законодательства в деле заявительницы, власти, по ее утверждению, не смогли достичь справедливого равновесия между интересами личности и общества в целом, как этого требует ст. 8.

55. Во-первых, заявительница ссылается на дела *Лопес Остра* и *Хаттон и другие*, где Суд рассматривал вопрос о том, было ли достигнуто справедливое равновесие между конкурирующими интересами заявителей и интересами местного (*Лопес Остра*) и даже национального (*Хаттон и другие*) экономического благосостояния.

56. Однако в настоящем деле правительство-ответчик не выдвинуло никаких аргументов, касающихся экономических интересов страны (хотя «Северсталь» является одним из ее крупнейших металлургических производств). Скорее правительство утверждало, что непредоставление заявительнице нового жилья имело своей целью защитить права других, а именно других людей, стоящих в очереди на новое жилье.

57. Однако, как было объяснено выше, переселение заявительницы, если бы оно было проведено в соответствии с национальным законодательством, никоим образом не затронуло бы прав других людей в очереди на жилье, поскольку надлежащее переселение заявительницы вообще не требует постановки в очередь.

⁹ Заявительница указывает на резюме исследования «Источники техногенного загрязнения воздуха в Архангельском промышленном районе» А. Ф. Наденина, С. Н. Тарханова, О. А. Лобановой (приложение 12), опубликованное по адресу <http://alphais.inep.ksc.ru/tezis7.html>.

¹⁰ Лимин Б. В. и др. Гигиеническая оценка микроэлементного статуса детей, проживающих в условиях промышленного города. — С. 35-37 // Микроэлементы в медицине. — Т. 3. Выпуск 3.

58. Даже если рассматривать переселение заявительницы в свете равновесия между интересами заявительницы и общеэкономическими интересами, и тогда оно никоим образом не может причинить ущерб местной, региональной или национальной экономике в целом, поскольку заявительница, как она подчеркивала в ходе разбирательства на национальном уровне, никогда не добивалась закрытия завода. Кроме того, переселение, проведенное за счет завода, не поставило бы под угрозу деловые интересы его владельцев, не в последнюю очередь потому, что Федеральной программой от 3 октября 1996 г. предусмотрено распределение финансового бремени на период более 10 лет.

Е. Разумность и уместность общих мер

59. По мнению заявительницы, подход правительства к экологическим проблемам в Череповце не может рассматриваться как соблюдение его обязательства принимать разумные и уместные меры к обеспечению прав заявительницы.

60. Как говорилось выше, ст. 8 накладывает на власти обязательство по достижению равновесия между правами личности и всего общества, в том числе и различные процессуальные обязательства, которые могут требовать следующих действий:

- (i) установления условий эксплуатации;
- (ii) осуществления инспекций и изучения уровней загрязненности;
- (iii) предоставления публичного доступа к информации;
- (iv) применения санкций; и /или
- (v) предоставления других гражданско-правовых или уголовно-правовых средств возмещения.

Однако власти в данном деле не приняли этих или иных адекватных мер.

61. Во-первых, федеральная программа улучшения экологической ситуации в Череповце¹¹ на 1997-2010 гг., на которую сослалось правительство, была отменена постановлением правительства от 7 декабря 2001 г. № 860 (Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. № 52 (ч. II). Ст. 4973). Начиная с 1996 г. не было прове-

¹¹ Первоначально принята постановлением правительства от 3 октября 1996 г. № 1161 (Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. № 42. Ст. 4801). Извлечения из российских федеральных программ, на которые делаются ссылки в настоящих замечаниях, перечислены в приложении 16.

дено ни одного официального расследования экологической ситуации в Череповце, которое могло бы повлиять на действия правительства в направлении разрешения экологических проблем. Конкретные последствия каких-либо официальных расследований никогда не назывались правительством и подобная информация не была в достаточной степени доступной для общественности.

62. Каждый год соответствующим федеральным органом (Государственным комитетом по охране окружающей среды или, позднее, Министерством природных ресурсов) публикуется доклад о состоянии и охране окружающей среды в Российской Федерации. Заявительница прилагает извлечения из этих докладов за 1997-2002 гг. (приложение 13). Также следует отметить, что каждый год в разделе доклада, относящемся к Вологодской области, появляется одна и та же информация.

63. Единственным правовым механизмом, который мог бы заставить правительство ввести более строгое регулирование деятельности, потенциально опасной для окружающей среды, является принятие нового законодательства. Однако заявительница сама не была в состоянии внести поправки в действующее законодательство. Согласно ст. 11 Федерального закона об охране окружающей среды 2002 г. граждане могут обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления с заявлениями и предложениями, однако имеют право только на «получение своевременных и обоснованных ответов».

64. Заявительнице неизвестно, налагались ли на ОАО «Северсталь» когда-либо какие-либо штрафы, хотя Кодексы об административных правонарушениях (и кодекс РСФСР 1984 г., и кодекс РФ 2001 г.) предусматривают такую возможность. Напротив, правительство Российской Федерации субсидирует поставки угля для «Северстали», так что последняя может покупать уголь по ценам ниже рыночных. В поддержку этого аргумента заявительница ссылается на финансовые отчеты ОАО «Воркутауголь» (приложение 7), основного поставщика угля «Северстали».

65. Заявительница также указывает на факт, что в течение значительного периода времени платежи за вредное воздействие на окружающую среду не взимались властями ни с одного предприятия. Это фискальные платежи, которые обязано платить каждое предприятие, осуществляющее деятельность, оказывающую вредное воздействие на окружающую среду. Постановление правительства от 28 ав-

густа 1992 № 632, которое установило принцип расчета этих платежей, было признано недействующим решением Гражданской коллегии Верховного Суда от 28 марта 2002 г. № ГКПИ 2002-178 (оставлено в силе определением Кассационной коллегии Верховного Суда от 4 июня 2002 г. № КАС 02-232). Несмотря на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2002 г. № 284-О о конституционности данного постановления правительства, постановление было вновь отменено решением Верховного Суда от 12 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-49 (оставлено в силе определением Кассационной коллегии Верховного Суда от 15 мая 2003 г. № КАС 03-167). 12 июня 2003 г. правительство приняло поправки к постановлению от 28 августа 1992 г., которые вступили в силу по их опубликовании в «Российской газете» 21 июня 2003 г. Таким образом, платежи не взимались в течение года и 17 дней.

66. В заключение заявительница утверждает, что в настоящем деле, как было пояснено выше, имело место нарушение ст. 8 Конвенции.

Е. Ответы на вопросы Суда

1. Была ли степень ущерба, понесенного заявительницей ввиду расположения ее дома в санитарно-защитной зоне (здесь и далее — зона) металлургического завода «Северсталь» (здесь и далее — завод) такова, что это могло поднять вопрос о позитивном обязательстве государства по ст. 8 Конвенции?

— Проживание в зоне на протяжении более 20 лет неблагоприятно сказалось на здоровье заявительницы и нанесло ущерб нормальному экологическому здоровью и гигиене. Кроме того, уровень и характер вредных выбросов завода препятствуют заявительнице в пользовании ее жилищем. Заявительница также утверждает, что в настоящем деле вопросы позитивного обязательства государства по ст. 8 Конвенции возникают в связи с неспособностью государства осуществлять регулирование деятельности частного промышленного предприятия. (См. также пп. 33-37).

2. Существует ли позитивное обязательство государства по переселению заявительницы за пределы «зоны» с целью соблюдения требований ст. 8 Конвенции и защиты ее права на уважение личной жизни и жилища? Если да, то исполнило ли государство свои обязательства в этом отношении? В частности:

а. Накладывает ли российское законодательство на власти обязательство по переселению заявительницы за пределы «зоны»?

в. Накладывает ли российское законодательство на владельцев завода обязательство по переселению заявительницы за пределы «зоны»?

— Обязательство переселить заявительницу из зоны было установлено постановлением правительства от 10 сентября 1974 г. Оно остается в силе даже после приватизации завода. Российское законодательство распределяет бремя переселения жителей зоны между органами государственной власти и владельцами завода. Власти обязаны определить новое место проживания для жителей зоны, однако переселение проводится за счет завода (см. также пп. 41, 44-45). Позитивное обязательство возникает как из внутреннего законодательства, так и из принципов, установленных в отношении ст. 8 Европейской Конвенции.

с. Является ли постановка заявительницы в очередь на получение нового жилья единственным возможным способом ее переселения в соответствии с национальным законодательством? К каким другим средствам возмещения заявительница может прибегнуть в России для того, чтобы добиться переселения?

— В деле *Иващенко* Верховный Суд Российской Федерации постановил, что процедура постановки в очередь жителей санитарно-защитной зоны не применяется к их переселению. Согласно ст. 91 Жилищного кодекса местные власти (или суд, если в него подан иск) должны определить конкретное новое благоустроенное жилье (см. также пп. 47-48).

д. Соответствуют ли экологические последствия функционирования завода требованиям, установленным в соответствующем российском законодательстве? В частности, соответствует ли национальным стандартам уровень шума, выбросов газа и пыли и другие эффекты функционирования завода?

— Выбросы завода превосходят стандарты, установленные в российском законодательстве («предельно допустимые концентрации») как внутри, так и за пределами зоны. (См. также пп. 50-53). В этой связи заявительница ссылается на экспертное заключение д-ра Чернайка.

е. Является ли степень ущерба, понесенного заявительницей в результате проживания в зоне, достаточно высокой для того, чтобы требовать ее переселения с точки зрения ст. 8 Конвенции?

— Заявительница утверждает, что последствия для человеческого здоровья и окружающей среды избыточных уровней загрязнения от завода «Северсталь» действительно таковы, что требуют ее пересе-

ления — заявительница ссылается в этой связи на экспертное заключение д-ра Чернайка. На ее здоровье оказывается пагубное воздействие, а продолжение проживания в зоне будет и в дальнейшем неблагоприятно влиять на ее здоровье (см. в частности медицинские заключения, п. 35) и препятствовать пользованию ее жилищем. Заявительница ссылается, *mutatis mutandis*, на свой ответ на вопрос 1.

3. Является ли переселение за пределы зоны единственным средством для государства соблюсти свое позитивное обязательство в отношении заявительницы по ст. 8 Конвенции? Если нет, то какие другие действия могли быть предприняты государством для защиты права заявительницы на уважение ее частной жизни и жилища? В частности:

а. Если предположить, что заявительница не нуждается в переселении с точки зрения ст. 8 Конвенции, какие другие формы защиты прав заявительницы в этом отношении доступны властям, направленные в частности на сокращение экологических последствий функционирования завода (также см. вопрос 2 п. d выше)?

— Правительство могло бы принять более строгие экологические нормы (например, изменив ПДК), однако, поскольку не соблюдаются и нынешние нормы, маловероятно, что более строгие требования выполнялись бы.

б. Какие правовые механизмы предусмотрены в российском законодательстве для того, чтобы позволить властям эффективно регулировать экологические последствия функционирования завода? Использовали ли власти эти механизмы, и если да, то как? Например, наложили ли власти какие-либо взыскания на завод за загрязнение окружающей среды?

— Российское законодательство не предусматривает никаких конкретных механизмов для того, чтобы позволить властям регулировать функционирование завода, за исключением упомянутых в ответе на вопрос 3 п. а). Граждане имеют право обращаться в органы власти с предложениями, однако им обязаны лишь давать «обоснованный ответ». (См. также п. 63). Заявительнице не известно, подвергался ли завод штрафам и каким был характер или сумма этих штрафов.

с. Проводились ли властями исследования с целью измерить воздействие промышленных выбросов и других влияний функционирования завода на здоровье и благополучие жителей зоны? Если да, то имели ли эти исследования какое-либо практическое последствие для действий правительства, направленных на защиту прав жителей зоны в значении ст. 8 Конвенции?

– Начиная с 1996 г. не было проведено ни одного официального расследования экологической ситуации в Череповце, которое могло бы повлиять на действия правительства в направлении разрешения экологических проблем (см. также пп. 61-62). Конкретные выводы каких-либо официальных расследований никогда не излагались правительством, и подобная информация не была в достаточной степени доступной для общественности.

Г. Ответ на замечания правительства по существу дела

1. Государство-ответчик утверждает, что заявительница не проживает в санитарно-защитной зоне ОАО «Северсталь». Однако заявительница ссылается на документ, выданный ей Управлением архитектуры и городского планирования Череповецкой городской администрации 11 апреля 2003 г., который утверждает, что дом заявительницы расположен в 450 м от завода, т. е. в пределах 1000-метровой санитарно-защитной зоны.

2. Государство-ответчик утверждает, что ущерб, понесенный заявительницей ввиду нахождения ее дома в санитарно-защитной зоне, не настолько велик, чтобы поднять вопрос о позитивных обязательствах по ст. 8 Конвенции. Заявительница в первую очередь ссылается на свои замечания по существу дела, в которых подробно излагалось, какой ущерб был нанесен ее здоровью и благополучию. Она далее ссылается на решение по делу *Балмер-Шафрот и другие против Швейцарии* (*Balmer-Schafroth and others v Switzerland*), где Суд признал возможность существования позитивного обязательства государства даже в отсутствие ущерба.

3. Государство-ответчик утверждает, что российское законодательство не содержит обязательства государства переселять жителей санитарно-защитной зоны. Правительство ссылается на ст. 10(5) Градостроительного кодекса РФ 1998 г. Эта статья допускает временное проживание в экологически неблагоприятных условиях. Однако упомянутое положение не имеет прямого отношения к санитарно-защитным зонам. В любом случае Градостроительный кодекс допускает только временное, а не постоянное проживание, имевшее место в случае заявительницы. Правительством не оспаривается, что заявительница проживает в своей квартире более 20 лет. Далее заявительница ссылается на свои замечания по существу дела, в которых указывалось на существующий запрет на постоянное проживание и содержащееся в российском законодательстве обязательство по пере-

селению жителей санитарно-защитных зон. Утверждения государства-ответчика об обратном могут рассматриваться лишь как проявление нежелания принимать разумные и уместные меры для обеспечения прав заявительницы по ст. 8 п. 1 Конвенции.

4. Государство-ответчик утверждает, что заявительница могла отказаться от своей нынешней квартиры, когда она была предложена ей в 1982 г. Однако до переезда в эту квартиру жилье заявительницы было значительно хуже, чем предложенная квартира. Она утверждает, что в 1982 г. не было никакой доступной информации о загрязнении окружающей среды, вызванном металлургическим заводом. Заявительница также подчеркивает, что простая возможность отказаться от предложенного муниципального жилья не является фундаментальной гарантией права на свободу передвижения.

5. Утверждение государства-ответчика о том, что загрязнение окружающей среды в Череповце вызвано не только ОАО «Северсталь», но и другими источниками, не может рассматриваться как правдоподобное по той причине, что, согласно различным источникам, в том числе информации государственных органов, 93-98% всех вредных выбросов в Череповце принадлежат ОАО «Северсталь». Далее заявительница подчеркивает, что источником информации об уровне загрязнения, представленной Суду правительством-ответчиком, является само ОАО «Северсталь», т. е. не беспристрастный источник (содержание приложений 2 и 3 к замечаниям правительства по существу дела см. <http://www.severstal.ru/docs/responsibility/eco/presentations/>). Также, что касается количества выбросов, приложение 3 к замечаниям правительства по существу дела упоминает около 330 тыс. тонн в год в 2000-2003 гг., тогда как в постановлении Правительства от 7 декабря говорится о 645 тоннах. В любом случае государство-ответчик не оспаривает того, что из-за выбросов ОАО «Северсталь» предельно допустимые уровни концентрации различных веществ были превышены.

6. Государство-ответчик утверждает, что должностные лица ОАО «Северсталь» 45 раз подвергались административной ответственности в 1995-2000 гг., а в 2001-2003 гг. было установлено 44 нарушения экологического законодательства. Однако правительство не представило какой-либо информации относительно характера этих административных обвинений и размеров наложенных штрафов. Правительство также не объяснило, повлияла ли, и если да, то каким образом, такая «административная ответственность» на деятельность завода и на уровень загрязнения.

7. Правительство-ответчик перечисляет несколько исследований относительно экологической ситуации в Череповце. Однако оно не установило какой-либо причинно-следственной связи между этими исследованиями и мерами, принимаемыми правительством. Правительство утверждает, что положения Федеральной программы, принятой постановлением правительства от 3 октября 1996 г. были включены в Федеральную целевую программу «Экология и природные ресурсы России», принятую постановлением правительства от 7 декабря 2001 г. Однако единственным положением, которое действительно было включено в новую программу, является сокращение вредных выбросов в Череповце на 30%.

III. СПРАВЕДЛИВАЯ КОМПЕНСАЦИЯ

1. Как говорилось выше, заявительница требует установления нарушения ст. 8 Конвенции.

2. Заявительница требует 10 тыс. евро за понесенный ею нематериальный ущерб. Эта цифра обоснована избыточным загрязнением окружающей среды в санитарно-защитной зоне, которое оказало неблагоприятное воздействие на здоровье заявительницы и пользование жилищем и семейную жизнь. Подобные условия также причинили страдания и огорчение ей и ее семье в связи с тем, что им пришлось жить в зоне более 20 лет.

3. В отношении возмещения материального ущерба заявительница требует:

(i) обязать правительство предоставить ей новое жилье, сопоставимое с ее нынешней квартирой, за пределами санитарно-защитной зоны в Череповце;

Твердо установлено, что установление нарушения Конвенции налагает на государство юридическое обязательство положить конец нарушению «и сделать возмещение за его последствия таким образом, чтобы восстановить, насколько возможно, ситуацию, существовавшую до нарушения»¹².

В принципе государство свободно в выборе средств, какими оно будет выполнять решение. Однако государство должно осуществить

¹² См., например, *Брумэреску против Румынии* (*Brumărescu v Romania*), № 28342/95, 23.1.01, пара. 19; *Василиу против Румынии* (*Vasilu v Romania*), № 29407/95, 21.5.02; *Ходос и другие против Румынии* (*Hodos and others v Romania*), № 29968/96, 21.5.2002.

restitutio in integrum, если природа нарушения это позволяет. Компенсация подлежит выплате, если, как в огромном большинстве случаев, национальное законодательство не позволяет сделать полного или частичного возмещения за последствия нарушения. Соответственно, Суд в некоторых делах предписывал государству вернуть землю и/или здания, которые были незаконно и неоправданно экспроприированы. В деле *Папамихалопулос и другие против Греции* (*Papamichalopoulos and others v Greece*)¹³, Суд, вдохновляясь решением Постоянной палаты международного правосудия по делу *Хожувской фабрики* от 13 сентября 1928 г. и ссылаясь на принцип возмещения в натуре, постановил, что факт незаконности экспроприации оказывает влияние на критерии определения размера подлежащего выплате возмещения. Подобное решение было вынесено в деле *Брумэреску против Румынии* (*Brumărescu v Romania*)¹⁴, отразив неисполненное окончательное распоряжение национального суда. В отсутствие возможности такой реституции Суд предписал государству выплатить компенсацию ущерба, равную нынешней стоимости имущества (более 136 тыс. долларов).

Заявительница утверждает, что в свете принципа, установленного в этих и аналогичных делах, и несоблюдения государством в этом деле российского внутреннего законодательства, требующего переселения заявительницы, государство должно быть обязано предоставить ей жилье вне санитарно-защитной зоны.

или, в противном случае,

(ii) присудить возмещение ущерба в 30 тыс. евро, что равняется стоимости квартиры, сопоставимой с квартирой заявительницы, но расположенной вне санитарно-защитной зоны в Череповце (см. обоснование этой суммы в приложение 22).

В обоснование ее требований по возмещению материального ущерба заявительница ссылается на решение по делу *Лопес Остра*, где Суд явным образом признал, что вопрос о возмещении материального ущерба возникает в экологических делах ввиду необходимости для заявителя сменить место жительства. Однако настоящее дело отличается от дела *Лопес Остра* тем, что заявительнице, в отличие от г-жи Лопес Остра, власти не предложили нового жилища с более

¹³ № 14556/89, 31.10.95.

¹⁴ № 28342/95, 23.1.01. См. также *Звезжински против Польши* (*Zwierzynski v Poland*), № 34049/96, 2.7.02.

благоприятными экологическими условиями.

4. В порядке возмещения расходов и издержек заявительница требует:

(i) 2 тыс. евро за представление ее интересов перед национальными властями и перед Судом г-ном Юрием Ванжой – 40 часов работы, согласно приложенным документам (приложение 23), по ставке 50 евро в час;

(ii) 3 тыс. евро за представление ее интересов перед Судом г-ном Кириллом Коротеевым – 60 часов работы согласно приложенным документам (приложение 24), по ставке 50 евро в час.

Заявительница подчеркивает, что настоящее дело предполагало составление замечаний по сложным вопросам позитивных обязательств государства по ст. 8 Конвенции.

(iii) 2 940 фунтов стерлингов в отношении расходов и издержек, понесенных представителями заявительницы в Лондоне (разбивку см. в приложении 25).

(iv) 600 фунтов стерлингов за консультацию г-жи Мириам Кэррион Бенитес (см. ставки ее профессиональных гонораров в приложении 26).

Искренне Ваш,

Кирилл Коротеев,

юридический представитель заявительницы

Документы, прилагаемые к настоящим замечаниям

– относящиеся к личной ситуации заявительницы

1. Медицинское заключение, составленное клиникой Северо-Западного центра гигиены и общественного здоровья в Санкт-Петербурге 30 мая 2002 г.

2. Информационное письмо Управления охраны окружающей среды Череповецкой городской администрации

3. Письмо заявительнице от Управления архитектуры и городского планирования Череповецкой городской администрации от 11 апреля 2003 г.

4. Карта окрестностей дома заявительницы

– относящиеся к ОАО «Северсталь»

5. Отчет о прибылях и убытках ОАО «Северсталь»

6. Информация «Форбс» относительно г-на Алексея Мордашова
7. Финансовые результаты ОАО «Воркутауголь»
— относящиеся к экологической ситуации в Череповце
8. Экспертное заключение д-ра Марка Чернайка
9. Экономическая эффективность санитарных мер на ОАО «Северсталь» г. Череповца // Медицина труда и промышленная экология. № 4. С. 18-25.

10. Use of health information systems in the Russian Federation in the assessment of environmental health effects. Jaakkola JJK, Cherniak M, Spengler JD, Ozkaynak H, Wojtyniak B, Egorov A, Rakitin P, Katsnelson B, Kuzmin S, Privalova L, Lebedeva NV. Environ Health Perspect 2000;108:589-594.

11. Обзор загрязнения окружающей среды на территории деятельности Северного управления государственной метеорологической службы

12. А. Ф. Наденин, С. Н. Тарханов, О. А. Лобанова. «Источники техногенного загрязнения воздуха в Архангельском промышленном районе», краткое изложение.

13. Доклады о состоянии окружающей среды в Российской Федерации, извлечения, относящиеся к Вологодской области

— относящиеся к соответствующему российскому законодательству, нормам и судебной практике

14. Конституция Российской Федерации, ст. 42

15. Извлечения из федеральных законов

- a) Градостроительный кодекс 1998 г., ст. 43
- b) Жилищный кодекс 1983 г., ст. 29, 37, 91
- c) Федеральный закон «Об охране окружающей среды» 2002 г., ст. 11
- d) Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» 1999 г., ст. 16

e) Закон Российской Федерации 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды», ст. 11 и 14.

16. Извлечения из федеральных программ, утвержденных Правительством

a) Федеральная программа от 3 октября 1996 г.;

b) Федеральная программа от 7 декабря 2001 г.

17. Постановление правительства от 10 сентября 1974 г.

18. Санитарные нормы

a) Санитарные нормы от 10 апреля 2003 г. № 2.2.1/2.1.1.1200-03

(ст. 2.30)

б) Санитарные нормы от 17 мая 2001 г. № 2.2.1/2.1.1.1200-03 (ст. 2.30)

19. Комплексная программа санитарно-эпидемиологических профилактических мер в Череповце на 1995-1996 гг.

20. Определение Верховного Суда РФ по делу Иващенко против Красноярского управления железной дороги и Красноярской дистанции гражданского строительства.

21. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2003 г., № ГКПИ 03-191 по заявлению ОАО «Архангельская городская телефонная сеть» об оспаривании приказа министра здравоохранения от 17 мая 2001 г. № 15.

– относящиеся к обоснованию требований о справедливой компенсации

22. Цены на квартиры в Череповце

23. Расходы г-на Юрия Ванжи

24. Расходы г-на Кирилла Коротеева

25. Расходы представителей заявительницы в Лондоне

26. Профессиональные гонорары г-жи Мириам Кэррион Бенитес

Замечания по существу дела
№№ 57947/00, 57948/00, 57949/00

Исаева, Юсупова и Базаева против Российской Федерации

Аргументы, относящиеся к обстоятельствам дела

1. Правительство выдвинуло ряд возражений против изложения обстоятельств дела, представленного заявителями. Противоречия касаются следующих моментов:

- (а) наличие грузового автомобиля КАМАЗ с боевиками в колонне;
- (б) были ли произведены выстрелы в самолеты СУ-25 с этого грузового автомобиля;
- (с) было ли число жертв среди мирного населения равным восьми.

2. Заявительницы ссылаются на свои ответные замечания на меморандум представителя правительства, в которых эти вопросы уже были рассмотрены.

3. Заявительницы представляют вновь полученные показания свидетелей, касающиеся обстоятельств нападения, которые подтверждают их позицию относительно обстоятельств данного дела. Все свидетели помнят, что из колонны никто не стрелял по самолетам. Кроме того, один из свидетелей (см. приложение 3) вспомнил, что в колонне был грузовой автомобиль «КАМАЗ», однако в нем находились женщины и дети. Все они, по словам этого свидетеля, были убиты во время нападения на колонну. Голова колонны была задержана на военном блокпосте «Кавказ-1», поэтому она не могла двигаться со скоростью, указанной правительством в письме от 17 июня 2002 г. СУ-25 летали довольно низко, так что летчики могли без труда видеть автомобили в колонне и в особенности автомобили Международного Комитета Красного Креста, у которых на крышах были красные кресты (см. свидетельские заявления в приложениях 4 и 5).

4. Таким образом, обстоятельства настоящего дела проливают свет на намерения действий летчиков самолетов. Это утверждение подкрепляется тем фактом, что после того, как снаряды были выпущены в первый раз, бомбардировка повторилась. Кроме того, летчики определенно должны были видеть свои цели, особенно автомоби-

ли Комитета Красного Креста, которые также были обстреляны.

5. Заявительницы также хотели бы обратить внимание Суда на замечания относительно фактических обстоятельств дела, подготовленных организацией Хьюман Райтс Вотч. Краткое изложение исследования Хьюман Райтс Вотч о нападениях на беженцев из числа мирного населения и гражданские колонны во время войны в Чечне (Россия) с октября 1999 г. по февраль 2000 г. см. в приложении 7.

Аргументы, относящиеся к вопросу об исчерпании внутренних средств защиты

6. Правительство утверждало, что заявительницы должны были использовать следующие три внутренних средства защиты прежде, чем подавать жалобу в Европейский Суд по правам человека (здесь и далее – «Суд»):

- а) обращение в Верховный Суд Российской Федерации;
- б) обращение в районный суд по месту жительства;
- с) обращение в Главное управление Генеральной прокуратуры по надзору за исполнением законодательства о федеральной безопасности и межнациональных отношениях на Северном Кавказе.

7. Заявительницы почтительно отсылают Суд к своим ответным замечаниям на Замечания правительства.

8. Заявительницы почтительно повторяют, что они не были обязаны использовать внутренние средства защиты, если таковые и имелись. Любое такое средство защиты было бы иллюзорным, неадекватным и неэффективным по следующим причинам:

i) Достоверно установлено, что нарушения, на которые жалуются заявительницы, были совершены военными или другими агентами российского государства. Имеются веские доказательства того, что такие деяния повторяются и власти относятся к ним терпимо (См. *Греческое дело*, Доклад от 5 ноября 1969 г.).

ii) В подобных обстоятельствах заявительницы утверждают, что имеет место административная практика, порождающая предположение, что местные средства защиты, если таковые и существуют, являются неэффективными – см. дело *X и Y против Соединенного Королевства* (*X and Y v United Kingdom*, 1984 г.). Все это может быть приравнено к несоблюдению правила, установленного в ст. 13, которая требует предоставления эффективных внутренних средств защиты.

iii) Однако независимо от факта существования какой-либо адми-

нистративной практики, в данном деле внутренние средства защиты неэффективны по причине неспособности правовой системы предоставить возмещение.

9. С другой стороны, заявительницы, как излагается ниже, сделали все возможное для исчерпания внутренних средств защиты, обращаясь с ходатайствами и прошениями в связи со своим делом во все возможные инстанции. То, что ни одна из этих попыток не принесла никаких результатов, подтверждает, что любое иное предполагаемое средство защиты было бы столь же неэффективным.

10. Кроме того, заявительницы повторяют, что деяния, на которые они жалуются, были определенно совершены вооруженными силами российского правительства.

11. Поэтому национальными органами не было вынесено никакого решения. Заявительницы утверждают, что в Чечне или в Российской Федерации в целом неэффективны любые средства защиты против действий правительственных сил по причинам, изложенным ниже.

12. Заявительницы ссылаются, *inter alia*, на решение Суда по делу *Акдивар и другие против Турции* (*Akdivar and others v. Turkey*) от 16 сентября 1996, Reports 1996-VI, Vol. 15, п. 68, в котором Суд указал, что:

«[В связи с вопросом об исчерпании внутренних средств защиты] ст.26 предполагает также распределение бремени доказывания. Правительства, которые утверждают, что заявителями не были исчерпаны все национальные правовые средства, должны доказать Суду, что эти средства были эффективны и доступны как теоретически, так и практически в то время, когда происходили события, что они позволяли заявителю обращение с жалобами, имевшими перспективы на успех».

13. В соответствии с практикой Суда, на правительстве лежит обязанность доказать, что внутренние средства защиты, которые, по его мнению, не были исчерпаны, соответствовали требованиям Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (здесь и далее – «Конвенция»). До сих пор правительство совершенно не было в состоянии представить какие-либо доказательства того, что три упомянутые им средства защиты эффективны или вообще существуют. Правительство так и не предъявило никакого решения национальных органов, которое предоставило бы возмещение лицам, находящимся в положении, аналогичном положению заявителей.

14. Операция официально проводилась агентами государства.

15. Военные операции, в ходе которых права заявителей были нарушены и, по необходимому допущению, само нарушение прав заявителей, были официально санкционированы Президентом России и Правительством на основании Федерального закона «О борьбе с терроризмом».

16. Закон о борьбе с терроризмом дает антитеррористическим формированиям право на вмешательство в ряд прав, включая ограничение свободы передвижения, арест с целью установления личности без ограничения продолжительности задержания, вход в жилища и обыск автотранспорта и личный досмотр, использование телефонов и транспортных средств, принадлежащих любому лицу, а также регулирование деятельности СМИ. Закон не дает четкого определения степени, в которой вмешательство в эти и другие права считается допустимым¹.

17. Заявительницы хотели бы еще раз обратить особое внимание на Консолидированный отчет, в котором содержится анализ корреспонденции между Генеральным секретарем Совета Европы и Российской Федерацией в соответствии со ст. 52 Европейской Конвенции по правам человека, где утверждалось, что «положения /этого закона/ недостаточно конкретны и детализированы, чтобы предоставлять достаточные гарантии против любых злоупотреблений, сложно увидеть, какие эффективные средства защиты гарантированы в случае эксцессов в применении закона, а тот факт, что закон не содержит какого-либо требования о соразмерности, может привести к массированному вмешательству в эти права даже в тех обстоятельствах, когда это неоправданно».

18. Закон не содержит положений, устанавливающих ответственность антитеррористических формирований за возможное злоупотребление полномочиями. В действительности, как отмечается в вышеупомянутом отчете, «представляется, что закон даже поощряет их преступать порог необходимого, устанавливая, что «При проведении контртеррористической операции на основании и в пределах, которые установлены законом, допускается вынужденное причинение вреда жизни, здоровью и имуществу террористов, а также иным правоохраняемым интересам. При этом военнослужащие, специалисты и другие лица, участвующие в борьбе с терроризмом, освобожда-

¹ Федеральный закон № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», принятый 25 июля 1998 г.

ются от ответственности за вред, причиненный при проведении контртеррористической операции, в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ст. 21 об освобождении от ответственности за причинение вреда)»².

19. Должностные лица, отдавшие приказ о проведении операции, отдавали или должны были и тогда, и сейчас полностью отдавать себе отчет в том, что нарушения прав человека, в том числе беспорядочные бомбардировки, произвольные задержания, пытки и жестокое обращение, суммарные казни и повсеместно распространенные грабежи вошли в систему с самого начала этой операции. Заявительницы почтительно ссылаются на различные обстоятельства и вопросы, изложенные в их Ответах на замечания правительства³.

20. Заявительницы полагают, что в силу этих фактов они не могут рассчитывать на адекватный ответ на свои жалобы относительно нарушений прав человека от российских органов прокуратуры, которые подчинены исполнительной ветви власти и, в конечном счете, президенту Владимиру Путину.

21. Существует административная практика несоблюдения правила, которое требует предоставления эффективных внутренних средств защиты.

22. Заявительницы утверждают о существовании административной практики невыполнения требования эффективно расследовать злоупотребления, совершенные российскими военнослужащими и сотрудниками милиции, как в военное, так и в мирное время. Заявительницы делают это утверждение на следующих основаниях:

- * Безнаказанность за преступления, совершенные в ходе текущей чеченской войны

- * Безнаказанность за преступления, совершенные в ходе чеченской войны 1994-1996 годов

- * Безнаказанность за пытки и жестокое обращение со стороны милиции в мирное время

- * Безнаказанность за пытки и жестокое обращение в военных соединениях в мирное время

² Сводный отчет, содержащий анализ переписки между Генеральным секретарем Совета Европы и Российской Федерацией по ст. 52 Европейской Конвенции по правам человека, 26 июня 2000 г., SG/Inf(2000)24, примечание 6.

³ Л. Вахилина и другие. «Дискриминация по признаку места жительства и этническому признаку в Москве и Московской области». Гражданское содействие, Москва, 2000 г.

23. Заявительницы почтительно ссылаются на факты и отчеты, изложенные в Ответе на замечания правительства (январь 2001 г.), и на следующие факты и вопросы:

24. Заявительницы ссылаются на следующие резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы:

(а) Резолюция 1270, принятая в январе 2002 г., пп. 16-17 которой гласят:

«16. Исходя из вышеизложенного, Ассамблея с сожалением отмечает, что за прошлый год наблюдалось лишь небольшое улучшение ситуации с правами человека. В частности, Ассамблея сожалеет о продолжении серьезных нарушений прав человека в Чеченской Республике и об отсутствии продвижения в расследовании прошлых и недавних преступлений, а также в организации преследования и вынесения приговоров совершившим их лицам, что приводит к формированию общей обстановки безнаказанности.

17. Ассамблея безоговорочно осуждает отсутствие прогресса в расследовании дел о самых серьезных преступлениях и в частности:

– сообщения об убийствах в селе Алхан-Юрт (декабрь 1999 г.), Старопромысловском районе (январь 2000 г.) и селе Алды (февраль 2000);

....

– массовые захоронения, в том числе обнаруженные на окраине Грозного (февраль 2001 г.);

– сообщения о пытках и жестоком обращении с заключенными, в том числе удостоверенные КПП». [выделено автором]

(b) Резолюция 1315, принятая в январе 2003 г., пп. 4-5 которой гласят:

«4. Что касается ситуации с правами человека в Чеченской Республике, Ассамблея продолжает испытывать озабоченность по поводу многочисленных убийств политически активных граждан, непрекращающихся случаев исчезновения людей и неэффективности их расследования властями...»

5. ...Принимая во внимание тот факт, что расследования некоторых, получивших широкую известность, дел о массовых убийствах и исчезновениях людей ведутся уже в течение более трех лет без заметных результатов, Ассамблея может лишь

сделать вывод о том, что органы прокуратуры либо не желают, либо не способны найти и предать правосудию виновных. Ассамблея осуждает атмосферу безнаказанности, царящую в Чеченской Республике, которая делает невозможной нормальную жизнь в Республике». [выделено автором]

25. Заявители также ссылаются на недавний доклад Комиссара по правам человека (4 марта 2003 г., CommDH(2003)5, Доклад Комиссара по правам человека Альваро Хиль-Роблеса о визите в Российскую Федерацию (Чечня и Ингушетия) с 10 по 16 февраля 2003 г.), который сообщил, в частности, что:

«...у органов гражданской и военной прокуратуры часто отсутствуют юридические и материальные средства для эффективного проведения расследований; действующее законодательство не позволяет обеспечить полный контроль за военными операциями, а иногда для этого не хватает и технических средств; проводимые расследования редко завершаются предъявлением обвинений или осуждением, что создает чувство безнаказанности у одних и невыносимой несправедливости у родственников жертв, отчаянье которых перед лицом этого явления я мог видеть сам во время моих многочисленных контактов в лагерях перемещенных лиц» (п. 6).

И ниже:

«...Однако ограниченные результаты действий властей в отношении фактов пропажи людей без вести связаны не только с недостатками в профессиональной подготовке или с отсутствием юридических и технических средств, о чем говорилось выше; это объясняется также – в некоторых случаях – и отсутствием решимости и политической воли». (п. 8).

26. Дальнейшие доказательства безнаказанности приводятся в статье Малколма Хокса, участника проекта ЕС «Правовая защита индивидуальных прав», проводимого в рамках программы TACIS, опубликованной в газете «Moscow Times» в понедельник 31 марта 2003 г. (см. приложение 6). Он ссылается на несколько дел, к которым российские суды не проявили никакого интереса.

27. Кроме того, 13 марта 2003 г. г-н Рудольф Биндиг, член Парламентской Ассамблеи Совета Европы и докладчик ПАСЕ по вопросу прав человека в России, представил доклад и проект резолюции (Doc. 9732) Комитету ПАСЕ по правовым вопросам и правам человека.

28. В докладе, в частности, утверждается:

«55. Реакция российских властей была неконструктивной. Возникает ощущение, что российские власти делают все, чтобы скрыть реальное положение вещей в Чечне от взгляда общественности. Чеченская республика фактически закрыта, и на ее территорию почти нет доступа для журналистов и НПО.

56. Как я уже ясно указал в своем последнем докладе в январе 2003 (Doc. № 9688), по истечении определенного количества лет, когда мне говорят, что уголовное дело все еще находится в стадии расследования без каких-либо осязаемых результатов, это заставляет меня сделать следующий вывод: органы прокуратуры либо не желают, либо не способны (либо им систематически в этом препятствуют) находить и предавать суду виновных. На данный момент я лично подозреваю, что все три эти фактора играют свою роль в неэффективности преследования в случаях, когда данные преступления совершаются против мирных жителей Чечни. Таким образом, рекомендация Комиссара по правам человека г-на Хиль-Роблеса, сделанная после его недавнего визита в Чечню, о том, чтобы предоставить больше средств органам прокуратуры, может быть лишь частичным решением, если способна быть таковым вообще.

57. Я бы хотел также в этой связи сослаться на практику Европейской комиссии по правам человека, которая в прошлом выносила решения, что расследование нарушений основополагающих прав (таких как право на жизнь и запрет пыток), которое не завершилось в течение двух лет со времени совершения предполагаемого преступления, и по которому власти не представили объяснений относительно причины задержки, не может считаться эффективным⁴.

58. Роль внесудебных механизмов возмещения, учрежденных российскими властями, таких как должность специального представителя Президента Российской Федерации по соблюдению прав и свобод человека в Чеченской республике, сводится лишь к регистрации индивидуальных жалоб. Хотя Ассамблея должна отдать дань мужеству экспертов Совета Европы, работающих в этом ведомстве, имеются вопросы относительно эффективности их нынешнего мандата. Необходимо принять меры для повышения их возможностей по оказанию влияния на ситуацию с правами человека в Чеченской республике.

59. Мандат Группы содействия ОБСЕ в Чечне не был продлен рос-

⁴ См., например, *Timurtas v Turkey*, *Sarli v Turkey* и *Tanlı v Turkey*.

сийским правительством. Рекомендации Комиссара Совета Европы по правам человека если и выполняются Россией, то с длительными задержками. Например, прекрасные и необходимые рекомендации, сделанные им в мае 2002 г. «о необходимости соблюдения гарантий некоторых прав при аресте и задержании в ходе «зачисток» в Чеченской республике Российской Федерации» начали исполняться только во время его визита в регион в феврале 2003 г.

60. Комитет Совета Европы по предупреждению пыток (КПП) жаловался на недостаточное сотрудничество с ним со стороны России. Комитет выступил 10 июля 2001 г. с публичным заявлением (текст которого можно получить в Секретариате), которое было вызвано отсутствием сотрудничества с КПП со стороны российских властей в связи с двумя проблемами: i) осуществления тщательного и независимого расследования событий в следственном изоляторе в Черномозово с декабря 1999 по начало февраля 2000 г.; ii) мер, принятых с целью установления и преследования в случаях жестокого обращения с лицами, лишенными свободы в Чеченской республике в ходе текущего конфликта. Доклады о поездках Комитета до сих пор являются конфиденциальными, поскольку российские власти не дали разрешения на их публикацию.

61. Европейский Суд по правам человека, учрежденный для рассмотрения индивидуальных нарушений прав человека, не может эффективно справиться с проблемой систематического нарушения прав человека таких масштабов, в которых это происходит в Чечне, посредством системы индивидуальных жалоб. К сожалению, ни одно государство-участник или группа государств до сих пор не нашли в себе мужества обратиться с межгосударственной жалобой в Суд.

62. Это приводит к установлению атмосферы безнаказанности, которая поощряет дальнейшие нарушения прав человека обеими сторонами и отказывает в правосудии тысячам жертв, ожесточая население до такой степени, что Чеченская республика может стать по настоящему неуправляемой. Нынешнее положение с правами человека в Чеченской республике недопустимо. Для того чтобы в республике начал развиваться осмысленный политический процесс, нарушения прав человека должны прекратиться, а виновные в ранее допущенных нарушениях должны быть привлечены к ответственности. Народ Чеченской республики имеет право не только на нашу жалость, но и на нашу защиту».

29. 31 марта г-н Биндиг представил Дополнение к своему докладу

(Doc. 9732 Addendum), в котором он, в частности, заявил:

«1. В настоящем дополнении к моему пояснительному меморандуму я хотел бы проинформировать Комитет об изменениях в ситуации с правами человека, которые произошли после того, как мой доклад был принят Комитетом 3 марта 2003 г.

Письмо, полученное от г-на Султыгова

2. 3 марта 2003 г. Генеральный секретарь Ассамблеи Бруно Халлер получил письмо от г-на Султыгова, специального представителя Президента Российской Федерации по соблюдению прав и свобод человека в Чеченской республике, к которому прилагался отчет о работе аппарата специального представителя, информация о рассмотрении жалоб, направленных им в органы прокуратуры, информация Генеральной прокуратуры РФ о текущем состоянии расследования по ряду уголовных дел. Письмо и приложения к нему были переведены и прилагаются к дополнению (Приложение I). Однако я до сих пор не получил списка уголовных дел, который Ассамблея специально запрашивала в своей Резолюции 1315(2003).

3. Я проанализировал содержание этого письма и должен признать, что оно не меняет моего общего восприятия ситуации с правами человека в Чеченской республике. Однако ряд сведений стоит отметить: офис г-на Султыгова получил 662 заявления о пропавших без вести в 2002 г., что больше, чем в связи с любым другим вопросом. Не все из этих пропавших людей смогут удовлетворить достаточно жесткому международно признанному определению «насильственных исчезновений», но многие подпадут под него. По сути, это означает, что в течение этого года каждый день в Чеченской республике исчезало почти два человека – тревожно высокая цифра, которая ясно показывает насколько ситуация в республике по-прежнему далека от нормальной.

4. Отрадно читать о том, что сотрудничество между аппаратом Специального представителя и прокуратурой в последнее время улучшается, в частности в том, что касается отношений с военной прокуратурой. Тем не менее, показатели остаются низкими: при том, что офис г-на Султыгова получил и передал 385 жалоб в военную прокуратуру по уголовным делам, связанным с преступлениями, совершенными военнослужащими против гражданского населения, на 1 января 2003 г. только 31 дело находилось в стадии разбирательства, а 19 дошли до суда. Это означает, что «коэффициент успеха» (измеряемый как процент дел, переданных в военные суды для рассмотре-

ния по существу) находится на уровне около 5%, что для жертв таких преступлений должно представляться угнетающе низким показателем.

5. Г-н Султыгов также передал подробный ответ зам. Генерального прокурора Российской Федерации по некоторым из вызывающих наибольшее беспокойство случаям нарушений индивидуальных прав человека, а именно: «убийства мирного населения в селении Алхан-Юрт, массовые убийства в пригороде Грозного Новые Алды, убийство гражданских лиц в пригороде Грозного Новая Катаяма, похищение Руслана Шамильевича Алихаджиева, обнаружение массового захоронения в дачном поселке «Здоровье», нарушения гражданских прав во время спецоперации в селе Меркер-Юрт, похищение Саида-Мухаммеда Имакаева и убийство бывшей главы администрации села Алхан-Кала М. К. Умажевой». Я благодарен заместителю Генерального прокурора за то, что он взял на себя труд предоставить мне столь подробную информацию, однако я недоволен действиями прокуратуры по этим делам.

6. По существу информация, предоставленная заместителем Генерального прокурора удручающе знакома. В основном по всем этим делам продолжается следствие, однако до сих пор оно не дало никаких результатов. В деле об убийстве мирного населения в селе Алхан-Юрт прокуратура не смогла «установить лиц, подлежащих уголовному преследованию»; в деле о массовой казни в пригороде Грозного Новые Алды прокуратура разослала судебные поручения о допросе свидетелей, однако содержащиеся в них указания «не были исполнены»; в деле об убийстве гражданских лиц в пригороде Грозного Новая Катаяма следствие застопорилось из-за «невозможности найти очевидцев»; в деле о похищении Руслана Шамильевича Алихаджиева «не была установлена личность совершивших преступление»; в деле об обнаружении массового захоронения в дачном поселке «Здоровье» «до сих пор не установлено, кто виновен в похищении и убийстве обнаруженных лиц»; в деле о нарушении гражданских прав во время спецоперации в селении Меркер-Юрт следствие до сих пор находится «в предварительной стадии»; в деле о похищении Саида-Мухаммеда Имакаева дело было приостановлено «в силу невозможности установить лиц, подлежащих преследованию»; а в деле об убийстве бывшей главы администрации села Алхан-Кала М. К. Умажевой следствие продолжается.

7. Я рад, что Прокуратура Российской Федерации «разделяет оза-

боченность, выраженную в связи с продвижением и результатами следствия по вышеупомянутым делам, и принимает соответствующие предусмотренные законом меры по раскрытию данных преступлений и для завершения следствия». Однако я вынужден повторить, что эти расследования – некоторые из них продолжаются уже на протяжении трех лет – нельзя назвать эффективными (я опираюсь на практику Европейской комиссии по правам человека), в том числе и в особенности ввиду обилия информации, предоставленной прокуратуре самими жертвами или их родственниками, а также национальными и международными НПО, на чьи свидетельства я также опирался при уточнении подробностей дел, упомянутых в моем первоначальном докладе.

8. Кроме того, необходимо осознать, что эти дела лишь одни из наиболее заметных и хорошо документированных случаев – можно сказать, верхушка айсберга. Имеются еще буквально тысячи других подобных дел, которые не получают должного расследования, будь то в силу недостатка кадров в прокуратуре, препятствий, чинимых их работе или просто их неспособности или нежелания. Я полагаю, что мое предложение о вмешательстве международного сообщества с целью разобраться с наиболее тяжелыми из этих преступлений не должно вызывать удивления ввиду неспособности российских судебных органов и органов прокуратуры привлечь к ответственности виновных в совершении этих преступлений.

9. Я возражаю против обвинения, выдвинутого заместителем Генерального прокурора, в том, что «международные правительственные и неправительственные правозащитные организации по-прежнему полностью игнорируют преступления, совершенные членами незаконных вооруженных формирований против сотрудников правоохранительных органов, глав и сотрудников администраций и органов местного самоуправления в Чечне и против религиозных деятелей». Я хотел бы сослаться на пп. 46-52 моего первоначального пояснительного меморандума, в котором я подробно изложил известные мне злоупотребления правами человека, приписываемые чеченским боевикам. Международное сообщество должно – и, на мой взгляд, делает это – одинаково относиться к нарушениям прав человека, совершенным чеченскими боевиками (в особенности к чудовищным террористическим актам и ужасным убийствам и похищениям) и к нарушениям прав человека, совершенным российскими военнослужащими (в частности, к военным преступлениям, массо-

вым убийствам и насильственным исчезновениям)».

30. В этих совсем недавних докладах г-на Биндига приводятся убедительные доказательства существования с 1999 г. по настоящее время обстановки безнаказанности, которая означает, что заявительницы не могли и не могут ожидать возмещения от российских судов или от российских органов прокуратуры.

Просим Суд принять дополнительные доказательства

31. Кроме того, внутренние средства защиты неэффективны в этом деле по причине неспособности правовой системы предоставить возмещение.

32. В своих замечаниях, направленных в Суд, российское правительство утверждает о существовании эффективных средств защиты, доступных заявительницам.

«... компетентные органы провели и проводят в настоящее время в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, расследования случаев гибели и увечий лиц, а также уничтожения личного имущества.

В силу ситуации, возникшей в Чеченской республике, суды, как предусмотрено Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», прекратили действовать на ее территории в 1996 г. Однако перемещенные лица из Чеченской республики пользовались судебной защитой в других регионах РФ, поскольку в соответствии с российской судебной практикой последних лет, признанной Верховным Судом РФ, данные лица могут обращаться в суды по своему новому месту жительства.

Подобные дела рассматривались судами в Москве, Ставропольском крае, Республике Ингушетия и других регионах России, где поселились лица из Чеченской республики.

Дела рассматривались как по жалобам, поданным непосредственно в эти суды, так и по искам, направленным из Верховного Суда Российской Федерации. Как явствует из представленных материалов, заявительницы в настоящее время находятся в Республике Ингушетия и могли бы воспользоваться своим конституционным правом на судебную защиту в пределах территории Российской Федерации. Кроме того, в этом регионе действует Главное управление Генеральной прокуратуры, осуществляющее контроль над законодательством о национальной безопасности и межнациональных отношениях на Северном Кавказе (Ессентуки, ул. Менделеева, 21), которое прини-

мает жалобы и уведомления о любых преступлениях и возбуждает уголовные дела.

Поэтому заявительницы обладали доступом к эффективному средству судебной защиты, как это предусмотрено ст. 13 Конвенции. Это подтверждается в том числе действиям М. Ч. Исаевой, которая обратилась в Назранский районный суд (Республика Ингушетия) с иском об установлении факта смерти своих детей, И. Р. Исаевой и С.-М. Р. Исаева. Однако из жалоб явствует, что прежде чем обращаться с жалобами в Европейский Суд, заявительницы не обращались (и даже не пытались обращаться) за защитой в отношении предполагаемого нарушения их прав ни в суд, ни в органы прокуратуры в рамках российской правовой системы. Российские власти готовы установить истину в этих делах и продолжить расследование в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации».

33. Заявительницы поочередно оспаривают каждое из этих утверждений.

34. Правительство просто утверждает, что данные механизмы (обращения в суды Ингушетии или Верховный суд, а также в прокуратуру) эффективны просто потому, что они существуют. Это голословное утверждение не разрешает той проблемы, что, по утверждению заявительниц, номинально— формально существующие средства защиты на практике неэффективны и поэтому неспособны предоставить возмещение в данном случае.

35. Бремя доказывания неисчерпания внутренних средств защиты здесь переходит к правительству. Суд постановил, что именно на правительстве-ответчике лежит обязанность продемонстрировать существование эффективного средства защиты, и, далее, в случаях пассивности национальных властей перед лицом серьезных обвинений, например, если они не начинают расследование или не оказывают заявителю какую-либо помощь, правительство-ответчик обязано показать, что конкретно им было сделано в ответ на столь серьезные обвинения, ставшие предметом жалобы (см. вышеупомянутое решение по делу *Акдивар против Турции* (*Akdivar v Turkey*), § 68). В деле *Акдивар* при рассмотрении причин исчерпания или неэффективности предложенного правительством средства защиты или наличия особых причин, освобождающих заявителя от необходимости исчерпания внутренних средств защиты, Суд, в том числе, установил следующее: «К числу таких обстоятельств относится полная пассивность национальных властей в случаях, когда должностные лица совершают

ошибочные или незаконные действия, например, не начинают расследование или не оказывают заявителю какую-либо помощь. В этих обстоятельствах можно говорить о том, что бремя доказывания вновь перешло на государство-ответчика, которое обязано показать, что конкретно им было сделано в зависимости от серьезности вопросов, ставших объектом жалобы» (там же).

36. Заявительницы почтительно утверждают, что представитель Российской Федерации не выполнил требования, установленного в деле *Акдивар*. Представитель не привел доказательств того, что средства защиты, существующие в теории, способны предоставить возмещение, или имели достаточные шансы на успех. Представитель просто абстрактно утверждает, что «подобные дела рассматривались судами в Москве, Ставропольском крае, Республике Ингушетия и других регионах России, где поселились лица из Чеченской республики». Неясно, какие именно дела слушались этими судами и действительно ли эти суды предложили адекватное возмещение в отношении жалоб на нарушения прав человека, а каких-либо судебных решений правительство не представило (об этом обязательстве правительства см., в частности, решение по делу *Де Йонг, Баллет и Ван ден Бринк против Нидерландов* (*De Jong, Baljet & Van den Brink v the Netherlands*) от 22 мая 1984 г., Series A, №. 77, § 39).

О возможности обращения в Верховный Суд Российской Федерации

37. Согласно российскому законодательству обратиться непосредственно в Верховный Суд Российской Федерации возможно лишь в том случае, если жалоба подпадает под его юрисдикцию в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами. Жалоба, с которой заявительницы могли бы обратиться в национальные судебные инстанции, не подпадает под юрисдикцию Верховного Суда РФ.

38. Правительство утверждало, что заявительницы должны были обратиться в Верховный Суд РФ. Оно ссылалось на «сложившуюся практику», когда Верховный Суд РФ либо сам рассматривал иски пострадавших от военных действий в Чеченской республике, либо передавал их дела в «суды Москвы, Ставропольского края, Республики Ингушетия и других субъектов Российской Федерации, где поселились граждане Чеченской республики».

39. К сожалению, это утверждение представляется неточным и не применимым к заявительницам по следующим причинам.

40. Практика Верховного Суда РФ излагается в его официальном печатном органе – Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации, – где публикуются постановления, решения, определения и обзоры судебной практики.

41. Представители заявителей тщательно изучили Бюллетень и ряд других неопубликованных постановлений Верховного Суда РФ с июля 1996 г. по декабрь 2002 г. Они утверждают, что в этих опубликованных и неопубликованных источниках не содержится упоминания о каких-либо жалобах пострадавших от военных действий в Чеченской Республике. Так, практика Верховного Суда РФ, с которой смогли ознакомиться заявительницы и их представители, показывает, что Верховный Суд РФ не выносил никаких решений, постановлений или определений, на которые мог бы сослаться представитель правительства.

42. Заявительницы вновь повторяют, что именно на правительстве-ответчике лежит обязанность продемонстрировать, что данное средство защиты существует и является эффективным.

43. Кроме того, такая процедура также нарушила бы право лица на рассмотрение его дела таким судом или судьей, к юрисдикции которого дело относится в соответствии с законом. Этот принцип воплощен в ст. 47(1) Конституции Российской Федерации и может рассматриваться как составная часть права на справедливое разбирательство, гарантированного ст. 6 Конвенции в отношении доступа к суду (см. решение по делу *Голдер против Соединенного Королевства* (*Golder v United Kingdom*) от 21 февраля 1975 г., Series A, № 18, §§ 34-36).

44. Кроме того, положения Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г., действовавшего во время рассматриваемых событий, которые позволяли передачу дела из одного суда в другой судом высшей инстанции, были признаны неконституционными и недействующими в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 г. № 9-П⁵ (Дело о рассмотрении конституционности ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса

⁵ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.1998 № 9-П по делу о проверке конституционности ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и ст. 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. № 12. Ст. 1459.

РСФСР и ст. 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан⁶).

О возможности обращения в районный суд по месту жительства заявителя

Доступ к судам в Ингушетии

45. Первая заявительница обратилась в Назранский районный суд (Ингушетия) с просьбой удостоверить факт смерти ее родственников, убитых при бомбардировке автоколонны 29 декабря 1999 г. на автомагистрали Ростов-Баку. Несмотря на то, что решение, удостоверяющее смерть ее родственников, было вынесено, право на справедливое разбирательство в этом суде в Ингушетии, где жили заявительницы после бегства из Чеченской республики, было нарушено в нескольких различных отношениях.

46. Во-первых, не было начато уголовное расследование по факту гибели, несмотря на то, что по российскому законодательству прокурор обязан возбудить уголовное дело после установления факта насильственной смерти⁷. Таким образом, решение Назранского районного суда от 20 декабря 1999 г. не было исполнено и, таким образом, ситуация продолжала оставаться несовместимой со ст. 6 п. 1 Конвенции (см., *inter alia*, решение по делу *Хорнсби против Греции (Hornsby v Greece)* от 19 марта 1997 г., Reports 1997-II, п. 510, § 40; решение по делу *Бурдов против России (Burdov v. Russia)* от 7 мая 2002 г., § 34).

47. Кроме того, решение Назранского районного суда от 20 декабря 1999 г. было отменено решением Верховного Суда Ингушетии в 2001 г. в порядке надзора. Этот тип гражданского разбирательства был признан Европейским Судом несовместимым со ст. 6 п. 1 Конвенции в нескольких решениях (см., *inter alia*, решение по делу *Брумэреску*

⁶ Постановление по данному делу (на русском языке) можно найти в интернете по адресу: http://ks.rfnet.ru/pos/p9_98.html

⁷ Ст. 225 Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 11 июня 1964 г., процитированная Судом в решении о приемлемости, и ст. 108(1)(6) Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г. Согласно ГПК, если суд при рассмотрении жалобы на действия должностного лица или гражданского иска обнаруживает информацию, указывающую на совершение преступления, он должен уведомить об этом прокурора. Соответствующие положения Уголовно-процессуального кодекса указывают, в том числе, что получение таких сведений от суда служит основанием для возбуждения прокурором уголовного дела.

против Румынии (*Brumărescu v Romania*) [GC] от 28 октября 1999 г., Reports 1999-VII, § 61; решение по делу Холдинг «Совтрансавто» против Украины (*Sovtransavto Holding v Ukraine*) от 25 июля 2002 г., §§ 72-74).

48. Поскольку Верховный Суд Ингушетии и Верховный Суд РФ обладают полномочиями отменять любое окончательное решение, заявительницы подвергались опасности утратить право на ту компенсацию, которую они могли получить. Несмотря на принятие в 2002 г. нового Гражданского процессуального кодекса, Верховный Суд РФ сохранил полномочия отменять любое окончательное решение на основании надзорного протеста, принесенного председателем Верховного Суда РФ или любым из его заместителей (ст. 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г.).

Доступ к судам в Чеченской республике

49. Заявительницы подтверждают заявление правительства о том, что суды в Чеченской республике прекратили функционировать в 1996 г. Судебная система начала вновь восстанавливаться в конце 2000 г. Отсутствие судей в Чеченской республике не предоставляло заявительницам возможности справедливого разбирательства в разумный срок. В 2000-2002 гг. суды рассматривали только те дела, в которых сумма требуемой компенсации ущерба не превышала 500 МРОТ⁸. Дела, связанные с более высокими требованиями о компенсации, передавались в суды Республики Ингушетия, Ставропольского края и некоторых других регионов (см. выше замечания заявителек относительно этого вида разбирательства, §§ 47-48).

50. Даже к августу 2002 г. число судей было явно недостаточным. 20 августа 2002 г. официальное издание правительства Российской Федерации «Российская газета» опубликовало объявление Высшей квалификационной коллегии судей о вакансиях на должности судей. Тогда как в других регионах не хватало максимум трех судей, число вакансий в Чеченской республике составляло 40.

⁸ Согласно ст. 113(1)(5) и 114 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, действовавшего во время событий, такие дела рассматривались судьей единолично, а дела связанные с более высокими требованиями, должны были рассматриваться коллегией из трех судей. Число судей в Чеченской республике было недостаточным для обеспечения проведения слушаний тремя судьями.

Неэффективность гражданского разбирательства

51. Даже если бы суды были в полной мере доступны заявителям, то и тогда средства защиты, предусмотренные российским законодательством, не позволили бы заявителям получить возмещение в связи со своими жалобами.

52. Право на получение от государства компенсации за ущерб, нанесенный в результате незаконных действий или бездействия государственных органов и их представителей, гарантируется ст. 53 Конституции Российской Федерации. Процедура получения такого возмещения предусмотрена в ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации. Эта статья гласит:

«Вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту⁹ акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования».

53. Эта статья не сформулирована таким образом, что компенсация назначается независимо от вины должностных лиц (как ст. 1070 Гражданского кодекса или соответствующие положения турецкого законодательства, см. вышеупомянутое решение по делу *Акдивар*, § 29). Тем не менее, некоторые видные исследователи российского гражданского права отмечают, что составляющие элементы этого деликта не содержат вины. Можно процитировать в этой связи проф. А.П. Сергеева: «Любое незаконное действие государственных и муниципальных органов и их должностных лиц должно рассматриваться как виновное¹⁰». Проф. А.П. Сергеев основывает свое утверждение на том, что вред, причиненный государственным органом или его должностным лицом, укоренен в административном решении. Поэтому после доказательства незаконности соответствующего ад-

⁹ Ст. 3(6) Гражданского Кодекса Российской Федерации устанавливает, что в тексте Кодекса термин «иные правовые акты» означает указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации.

¹⁰ Гражданское право/Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Изд. 2-е. – М., 1999. – Т. 3. С. 27.

министративного решения презумпция виновности становится неопровержимой¹¹.

54. Таким образом, процедура по предоставлению компенсации сформулирована таким образом, чтобы освободить государство от обязательства провести эффективное расследование нарушений прав жертвы. Суд постановил в деле *Акдивар*, что заявители по этому делу не были обязаны прибегать к аналогичному средству защиты перед административными судами Турции, поскольку суды были способны предоставить им лишь денежное возмещение. Суд отметил, что «обжалование в административные суды нельзя считать адекватной и достаточной процедурой в отношении обращения заявителей в Суд, поскольку он не убежден, что данная процедура привела бы к решению спора об уничтожении полицией их имущества» (см. вышеупомянутое решение по делу *Акдивар*, § 72).

55. Суд также отметил, что нет необходимости использовать средство защиты, основанное на абсолютной ответственности государства: «обязанность Договаривающегося государства по ст. 2 и 13 Конвенции провести расследование, способное привести к установлению и наказанию ответственных в делах, связанных со смертельным нападением, может сделаться иллюзорной, если в отношении жалоб по этим статьям заявителю пришлось бы прибегнуть к административному иску, способному предоставить лишь присуждение компенсации за ущерб» (см. решение по делу *Яша против Турции* (*Yasa v. Turkey*) от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-VI, § 74; решение по делу *Огур против Турции* (*Ogur v. Turkey*) от 20 мая 1999 г., Reports 1999-III, § 66; и решение по делу *Танфрикулу против Турции* (*Tanrikulu v. Turkey*) от 8 июля 1999 г., Reports 1999-IV, §§ 78-80).

56. Даже если предположить, что для получения компенсации должна быть обязательно установлена вина должностного лица, то суду пришлось бы приостановить рассмотрение такого дела до установления вины должностного лица в ходе соответствующего уголовного или административного разбирательства (ст. 214(4) Гражданского процессуального кодекса РСФСР). Гражданский иск о компенсации не имеет перспективы успеха в настоящем деле, потому что обстоятельства гибели родственников заявителек не были установлены в силу отказа и/или неспособности властей провести эффективное расследование. Соответственно, любая попытка заяви-

¹¹ Там же.

тельниц воспользоваться гражданско-правовым средством защиты была бы тщетной (см. вышеупомянутое решение по делу *Яша против Турции*, §§ 74 и 75). О неэффективности уголовного разбирательства в делах заявительниц см. ниже, §§ 71-78.

57. Даже те, кто обращался в суды с целью получить компенсацию за ущерб, нанесенный незаконными действиями российских вооруженных сил, согласно описанной процедуре, компенсации не получили. Это иллюстрируется ниже на основании дела Умаевой.

Дело Липату Махмудовны Умаевой (см. приложение 18)

58. Липату Умаева – гражданка России, родившаяся в 1959 г. в деревне Мерке Джамбульской области Казахской советской социалистической республики бывшего СССР. В настоящее время она проживает в Старопромысловском районе Грозного, в городке Иванова по ул. Ключевая, 9 (Чеченская республика, Россия). Она была жертвой двух нападений на колонны беженцев, 29 октября 1999 г. (автомагистраль Ростов-Баку) и 23 января 2000 г. (Грозный). Во время второго нападения она получила ранения руки и обеих ног. Только 30 января 2000 г. ее осмотрели врачи, которые начали лечить раны. В результате полученных огнестрельных ранений она стала инвалидом.

59. После того как в Чеченской республике снова начали действовать прокуратура и суды, она обратилась к прокурору г. Грозного и в Ленинский районный суд г. Грозного.

Уголовное разбирательство по делу Умаевой

60. 4 марта 2002 г. Л. Умаева обратилась к прокурору г. Грозного с просьбой о возбуждении уголовного дела в связи с событиями, имевшими место при нападении на гражданскую колонну 23 января 2000 г.

61. 26 июня 2002 г. и. о. прокурора г. Грозного вынес постановление о возбуждении уголовного дела № 48089 по заявлению Умаевой. Прокурор указал, что в ее заявлении ставятся вопросы по ст. 118(3) Уголовного кодекса Российской Федерации («Причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности»).

62. 28 июня 2002 г. уголовное дело было направлено следователю следственного отдела при Ленинском районном отделе внутренних дел (РОВД) г. Грозного.

63. 27 июля 2002 г. экспертом высшей категории (российский официальный ранг) Х. Алхазуровым была проведена экспертиза. Он сделал вывод, что руки и ноги Л. Умаевой были прострелены из огнест-

рельного оружия.

64. 3 августа 2002 г. постановлением следователя, ведущего данное дело, Л. Умаева была официально признана потерпевшей по уголовному делу № 48089 согласно ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Следователь отметил, что Л. Умаевой был нанесен моральный и материальный ущерб в результате нападения на гражданскую автоколонну 23 января 2000 г.

65. 26 августа 2002 г. уголовное следствие было приостановлено по основаниям, предусмотренным в ст. 208(1)(1) Уголовно-процессуального кодекса, а именно поскольку не было установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого.

Гражданское разбирательство по делу Умаевой

66. Л. Умаева обратилась с гражданским иском в Ленинский районный суд. Она ссылалась в том числе на ст. 1069, 1071 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно российскому законодательству, вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами компенсируется за счет казны Российской Федерации. Министерство финансов Российской Федерации действует в разбирательствах от имени казны. Министерство обороны было привлечено к участию в деле в качестве соответчика для того, чтобы районный суд мог решить, действовали ли его должностные лица в рамках своих полномочий.

67. 18 октября 2002 г. Ленинский районный суд г. Грозного отказал в рассмотрении иска Л. Умаевой против Министерства обороны. Министерство финансов не было упомянуто в решении, несмотря на то, что суд должен был решить, подсудны ли его рассмотрению иски в отношении Министерства финансов.

68. 26 ноября 2002 г. Верховный Суд Чеченской республики отклонил жалобу Л. Умаевой на предыдущее решение. Верховный Суд ЧР также отказал в рассмотрении иска против казны, от имени которой действует Министерство финансов. Верховный Суд ЧР пришел к выводу, что не обладает юрисдикцией для рассмотрения дела на том основании, что оба министерства находятся в Москве и все иски против них следует направлять в соответствующий московский суд. Верховный Суд Чеченской республики не принял во внимание ст. 118(5) Гражданского процессуального кодекса РСФСР, действовавшего на тот момент времени, которая позволяет истцу подавать иск против казны в районный суд по месту своего жительства или по месту при-

чинения вреда.

69. Таким образом, несмотря на то, что Л. М. Умаева обращалась с обоснованными исками, ее жалобы не были рассмотрены должным образом.

70. Заявители находились в положении, аналогичном тому, в котором находилась Л. Умаева. Теоретически они могли бы обратиться с аналогичными исками, однако дело Л. Умаевой показывает, что обращения заявителей в гражданские суды Чечни или Ингушетии не привели бы к получению эффективного возмещения.

Неэффективность уголовного разбирательства

71. Только уголовное разбирательство способно предоставить адекватное или эффективное возмещение в соответствии с российским законодательством. Для получения компенсации за ущерб, понесенный ими, заявителям должен был быть присвоен официальный статус «потерпевших» и «гражданских истцов» согласно ст. 53(5) и 54 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, действовавшего в то время.

72. В ответных замечаниях по настоящему делу, адресованных правительству, было сказано, что «обе заявительницы полагают, что у них имеются веские причины, по которым они немедленно не обратились с жалобой в российские органы прокуратуры, потому что они ощущали свою уязвимость, бессилие и боязнь перед представителями государства». Существование подобных факторов признавалось Комиссией и Судом в турецких делах. В многочисленных решениях о приемлемости относительно Турции Комиссия признала, что нельзя было счесть страх репрессий, которых опасались заявители в случае обращения с жалобой на действия сил безопасности, совершенно беспочвенным (например, *Akdivar and others v Turkey*, 21893/93, Dec. 19 October 1994; *Gundem v Turkey*, 22275/93 Dec 9 January 1995; *Cetin v Turkey*, 22677/93, Dec. 9 January 1995; *Yasar v Turkey*, 22281/93, Dec. 3 April 1995; *Ovat v Turkey*, 23180/94, Dec. 3 April 1995; *Mentes and Others v Turkey*, 23186/94, Dec. 9 January 1995; *Ayder and others v Turkey*, 23656/94, Dec. 15 May 1995; *K. S. v Turkey*, 23184/94, Dec. 3 April 1995; *Gul v Turkey*, 22676/94, Dec. 3 April 1995; *Yasa v Turkey*, 22495/93, Dec. 3 April 1995; *Bilgin v Turkey*, 23819/94, Dec. 15 May 1995; *Cakici v Turkey*, 23657/94, Dec. 15 May 1995 and *Kurt v Turkey*, 24276/94, Dec. 22 May 1995; *Aranacak v Turkey*, 23423/94, Dec. 13 May 1996; *Z. D. v Turkey*, 25801/94, Dec. 23 May 1996). В деле *Ильхан против Турции (Iphan v*

Turkey) 22277/93, решение от 22 мая 1995 г., Комиссия сочла, что брат заявителя мог обоснованно опасаться, что подвергнется преследованиям в том случае, если он попытается прибегнуть к внутренним средствам защиты. Учитывая крайне уязвимое положение брата заявителя в этом деле, Комиссия установила, что он не был обязан прибегать к любым дальнейшим средствам правовой защиты в связи с нанесенными ему телесными повреждениями.

73. Даже несмотря на то, что заявительницы все-таки обращались в органы прокуратуры Российской Федерации самостоятельно и с помощью правозащитного центра «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч, ни одна из них так и не получила официального статуса «потерпевшей» в уголовном разбирательстве. Это означает в том числе, что заявительницы не могли обжаловать в судах решения прокуратуры о прекращении уголовного дела.

74. Правительство утверждало, что заявительницы могли обратиться в Главное управление Генеральной прокуратуры по надзору за исполнением законодательства о национальной безопасности и международных отношениях на Северном Кавказе.

75. Заявительницы утверждают, что они не были обязаны обращаться в этот орган по следующим причинам. Следствие по факту нападений на автоколонну было начато 3 мая 2000 г. органами военной прокуратуры. Следствие велось исключительно органами военной прокуратуры (Северо-Кавказский военный округ, военное подразделение № 20102), так что никаких оснований для обращения в органы гражданской прокуратуры, в том числе в Главное управление Генеральной прокуратуры по надзору за исполнением законодательства о национальной безопасности и международных отношениях на Северном Кавказе, не было.

76. Факт прекращения уголовного дела и еще не завершенная процедура обжалования вкупе с тем обстоятельством, что они безрезультатно продолжались почти три года, определенно показывают их неэффективность (см., среди прочего, решение Европейской Комиссии по делу *Танли против Турции (Tanli v Turkey)* от 5 марта 1996 г., № 26129/94). Более того, в связи с тем, что ни одна из заявительниц не была официально признана «потерпевшей», они не могли обжаловать решение о прекращении уголовного дела. Г-жа Н. Н. Бурдынюк обращалась с подобной жалобой и таким же был бы результат, если бы к подобному обжалованию прибегли заявительницы. Поэтому нельзя сказать, что заявительницы не исчерпали все имеющиеся вну-

тренние средства защиты (см., среди множества других прецедентов, вышеупомянутое решение по делу *Огур*, § 67).

77. Европейский Суд заявил, что «согласно ст. 2 Конвенции, взятой в сочетании со ст. 1, от государства может потребоваться принятие определенных меры для обеспечения эффективного пользования правом на жизнь» (см. решение по делу *Эргі против Турции* (*Ergi v Turkey*) от 28 июля 1998 г., Reports 1998-IV, § 79). Суд, *inter alia*, указал на необходимость «иметь в той или иной форме возможность провести эффективное официальное расследование в случаях гибели людей в результате применения силы» (см., *mutatis mutandis*, решение по делу *Макканн и другие против Соединенного Королевства* (*McCann and Others v United Kingdom*) от 27 сентября 1995 г., Series A, № 324, § 161; решение по делу *Кайя против Турции* (*Kaya v Turkey*) от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, § 105; и решение по делу *Салман против Турции* (*Salman v Turkey*) от 27 июня 2000 г., Reports 2000-VII, § 104). Суд отметил, что «принимая решение о соответствии примененной силы статье 2, Суд должен тщательно изучить (как указывалось ранее) не только вопрос о строгой соразмерности силы, примененной военнослужащими, с необходимостью защитить людей от противоправного насилия, но и вопрос о том, планировалась ли и проводилась ли властями антитеррористическая операция так, чтобы свести к минимуму (насколько возможно) применение силы, влекущей лишение жизни» (см. вышеупомянутое решение по делу *Макканн и другие*, § 194).

78. Заявительницам не было предъявлено никакого доказательств существования плана нападения на колонну 29 октября 1999 г., жертвами которого они стали. В случае отсутствия такого плана это привело бы к установлению нарушения ст. 2 в сочетании со ст. 1. Однако в письме военной прокуратуры воинской части № 20102 в ПЦ «Мемориал» (см. приложение 8) упоминалось о плане бомбардировки Катыр-Юрта 4 февраля 2000 г., что указывало на возможное существование подобных планов. В таком случае прокуратура могла бы легко установить отсутствие или наличие намерения в действиях летчиков СУ-25. Если прокуратура не имела доступа к военным документам, то возникает вопрос по ст. 6 п. 1. В любом случае, по мнению заявителец, неэффективность уголовного разбирательства, которое является единственным доступным заявителец средством, позволяющим исполнить обязательства России по ст. 2 и 1 Конвенции обеспечить эффективное пользование правом на жизнь посред-

ством результативного расследования, составляет нарушение ст. 2, взятой в сочетании со ст. 1

Административный режим в Чеченской республике как препятствие для должного расследования предполагаемых нарушений

79. Административный режим, действующий в Чеченской республике, значительно отличается от режима в любом другом регионе Российской Федерации.

80. Военные действия, возобновившиеся в августе 1999 г., спровоцировали военную операцию российской армии сначала в нескольких районах Республики Дагестан и затем в Чеченской республике. Действия вооруженных сил должны были регулироваться режимом чрезвычайного положения. Этот административный режим позволяет государству вводить отдельные ограничения прав человека согласно ст. 56(1) Конституции Российской Федерации, и отступать от соблюдения обязательств в соответствии со ст. 15 п. 1 Европейской Конвенции.

81. Ст. 88 Конституции Российской Федерации устанавливает особую процедуру введения упомянутого режима. Чрезвычайное положение вводится указом Президента Российской Федерации с немедленным уведомлением Совета Федерации – верхней палаты Федерального Собрания, парламента Российской Федерации, – и Государственной Думы – его нижней палаты. Совет Федерации должен одобрить этот указ, в противном случае он утрачивает юридическую силу (ст. 102(1)(в) Конституции).

82. Режим чрезвычайного положения регулируется Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении». Этот закон принимается посредством особой процедуры, которая требует квалифицированного большинства обеих палат Парламента: 2/3 в Государственной Думе и 3/4 в Совете Федерации. Президент Российской Федерации не имеет права вето в отношении принятия федеральных конституционных законов. Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» был принят 30 мая 2001 г. и вступил в силу 1 июня 2001 г.

83. Тем не менее, в Чеченской республике не был введен режим чрезвычайного положения, а в Совет Европы Россией не было представлено заявление о каком-либо отступлении от соблюдения обязательств по Конвенции.

84. В отношении периода до 1 июня 2001 г. власти ссылались на отсутствие вышеупомянутого Федерального конституционного закона,

но даже и после его вступления в силу в Чеченской республике не было введено чрезвычайное положение.

85. Вместо введения конституционного режима чрезвычайного положения в Чеченской республике осуществлялась контртеррористическая операция. Режим контртеррористической операции также позволяет введение ограничений прав человека.

86. Эти ограничения перечислены в ст. 13 Федерального закона от 25 июля 1998 г. № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» и подробно процитированы в решении Суда о приемлемости.

87. Однако вышеупомянутые ограничения вводятся в соответствии с особой процедурой, которая отличается от предусмотренной Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении». Закон о борьбе с терроризмом сам по себе не устанавливает какой-либо процедуры осуществления контртеррористической операции. В отношении Чеченской республики контртеррористическая операция осуществлялась в соответствии с секретным указом Президента РФ от 23 сентября 1999 г. № 1255с «О повышении эффективности антитеррористических операций в Северокавказском регионе Российской Федерации»¹². Этот указ оставался в тайне до 1 апреля 2002 г., когда он был опубликован в официальном еженедельном вестнике «Собрание законодательства Российской Федерации». Однако п. 11 данного постановления до сих пор остается в тайне (он не был раскрыт в соответствии с п. 11 Указа Президента Российской Федерации от 22 января 2001 г. № 61). Таким образом, права граждан Чеченской республики, в том числе и заявителей, были ограничены секретным документом, часть которого до сих пор остается в тайне.

88. Это само по себе является грубым нарушением Европейской Конвенции по правам человека.

89. Более того, формулировка ст. 21 *in fine* Закона «О борьбе с терроризмом», которая освобождает «военнослужащих, экспертов и других лиц, вовлеченных в противодействие терроризму» от какой-либо ответственности согласно российскому законодательству за лю-

¹² Указ Президента Российской Федерации от 23.09.1999 г. № 1255с «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. № 13. Ст. 1204. Рассекречен (за исключением п. 11) на основании п. 11 Указа Президента Российской Федерации от 22.01.2001 г. № 61 «О мерах по борьбе с терроризмом на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации».

бой ущерб, нанесенный как террористам, так и мирному населению, препятствует органам прокуратуры Российской Федерации в проведении надлежащего расследования по факту гибели родственников заявителей. По словам прокурора Чеченской республики В. Кравченко, только в отношении насильственных исчезновений было возбуждено 1178 уголовных дел. Расследование было закончено и дело передано в суд лишь примерно в 30 случаях (2,5%)¹³. Более подробные статистические данные были представлены депутату государственной думы С. А. Ковалеву в письме зам. генерального прокурора С. Н. Фридинского от 19 февраля 2003 г. (см. приложение 9), который сообщил следующие сведения:

а) Военные прокуратуры расследовали 166 уголовных дел, касающихся преступлений, предположительно совершенных против гражданских лиц. В 100 из них расследование было завершено, а 58 дел переданы в суд. Г-н Фридинский далее привел причины для прекращения следствия по 42 делам, не переданным в суды (в основном это отсутствие состава преступления – в 35 делах).

б) Прокуратуры Чеченской республики расследовали 417 уголовных дел, касающихся преступлений, предположительно совершенных против гражданских лиц, подозреваемыми по которым были военнослужащие федеральных сил. По 341 делу следствие было приостановлено на том основании, что не были установлены лица, подлежащие привлечению в качестве обвиняемых.

с) Военные трибуналы вынесли обвинительные приговоры 47 военнослужащим (в том числе 7 офицерам), а суды общей юрисдикции – 13. Г-н Фридинский не уточнял оснований и характера приговоров.

90. Наконец, заявительницы ссылаются на свой ответ на замечания правительства (январь 2001 г.), в котором Суду представляется огромное количество доказательств существования административной практики непроведения расследования в связи с преступлениями, совершенными военнослужащими Вооруженных сил РФ на территории Чеченской республики.

91. В оценке данных фактов заявительницы приходят к выводу, что имело место нарушение ст. 13 в отношении предполагаемых нарушений ст. 2 и 3 по следующим основаниям.

¹³ Это интервью имеется по-русски на <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/caucas1/msg/2003/02/m828.htm>

92. Ст. 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства защиты, способного обеспечить существо прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в любой форме, в которой они обеспечиваются в национальном правовом порядке. Таким образом, ст. 13 требует наличия внутреннего средства защиты для рассмотрения по существу «обоснованной жалобы» по Конвенции и предоставления соответствующего возмещения, хотя Договаривающимся государствам предоставляется определенная свобода усмотрения относительно того, каким образом они будут выполнять свои обязательства по Конвенции согласно этому положению. Рамки обязательства по ст. 13 Конвенции различаются в зависимости от характера жалобы заявителя по Конвенции. Тем не менее, средство защиты, наличия которого требует ст. 13, должно быть «эффективным» на практике, равно как и по закону, в особенности в том смысле, что действия или бездействие властей государства-ответчика не должны неоправданно препятствовать возможности воспользоваться этим средством (см. решение по делу *Аксой (Aksoy)* от 18 декабря 1996 г., 1996-VI, с. 2286, § 95; решение по делу *Айдын против Турции (Aydin v Turkey)* от 25 сентября 1997 г., Reports 1997-VI, § 103; вышеупомянутое решение по делу *Кайя* § 106; вышеупомянутое решение по делу *Салман*, § 121).

93. Учитывая основополагающую значимость права на защиту жизни, ст. 13 требует в дополнение к выплате компенсации, где это применимо, тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению и наказанию виновных в лишении жизни и в том числе эффективного доступа пострадавшего к процедуре следствия (см. вышеупомянутое решение по делу *Кайя*, п. 107).

94. Применяя общие принципы практики Суда к обстоятельствам настоящего дела, заявительницы хотели бы обратить внимание Суда на следующие обстоятельства:

- заявительницам не была выплачена компенсация за причиненный им ущерб;
- не было проведено эффективного расследования по факту гибели родственников заявительниц, см. выше пп. 71-78;
- не были установлены лица, ответственные за убийство родственников заявительниц, и, более того, уголовное дело было прекращено за отсутствием состава преступления в действиях российских вооруженных сил;
- заявительницы не имели эффективного доступа к следствию по той причине, что им не был предоставлен официальный статус пост-

радавших в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом.

95. Таким образом, имело место нарушение ст. 13 в отношении предполагаемых нарушений ст. 2 и 3.

Относительно вмешательства третьей стороны

96. Председатель палаты, в соответствии со ст. 36 п. 2 Конвенции и Правила 61 п. 3 Правил Суда, предоставил право выступить с замечаниями в качестве третьей стороны организации Rights International (Center for International Human Rights Law, Inc.).

97. Сколь бы обоснованными ни были выводы третьей стороны, Суд должен прибегнуть к ним только в том случае, если установлено, что среди машин в гражданской автоколонне, подвергшейся нападению 29 октября 1999 г., были боевики. Однако имеющиеся доказательства опровергают это предположение.

Аргументы, относящиеся к существу дела

Раскрытие информации правительством

98. Суд последовательно придерживается позиции, что для эффективного действия системы индивидуальной жалобы, чрезвычайно важно, чтобы государства предоставляли все необходимые средства для должного и эффективного рассмотрения жалобы. Суд также признает, что в определенных разбирательствах только правительство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя. Как Суд установил в деле *Орхан против Турции* (*Orhan v Turkey*), решение от 18 июня 2002 г., разбирательство по Конвенции «не во всех случаях прибегает к неукоснительному применению принципа *affirmanti incumbit probatio* (обязанность доказывания лежит на утверждающем)» (п. 266).

99. Суд также постановил, что непредоставление правительством-ответчиком такой информации без удовлетворительного объяснения может побудить сделать выводы относительно обоснованности обвинений (см., например, *Тимуртас против Турции* (*Timurtas v Turkey*), решение от 13 июня 2000 г., п. 66; *Орхан против Турции* (*Orhan v Turkey*), решение от 18 июня 2002 г., п. 274).

100. Соответственно, заявительницы утверждают, что непредоставление правительством-ответчиком информации, о котором было коротко сказано выше, должно побудить Суд сделать выводы относительно обоснованности их обвинений. Заявительницы опираются

на это суждение в отношении каждого из своих доводов по существу дела, изложенных в этих Замечаниях.

Предполагаемое нарушение ст. 2

101. Правительство утверждало, что летчики самолетов СУ-25 не имели намерения убивать гражданских лиц в автоколонне на шоссе Ростов-Баку 29 октября 1999 г. Тем не менее, Суд в своей практике придерживается позиции, что положения ст. 2 «распространяются на случаи намеренного лишения жизни, но говорят не только о них» (см. вышеупомянутое решение по делу *Макканн и другие (McCann and Others)*, п. 148). Из этого можно сделать вывод, что «ст. 2 относится как к преднамеренному, так и непреднамеренному убийству» (Leach P. Taking a Case to the European Court of Human Rights. – L., 2001. – P. 107).

102. Правительство утверждало, что по самолетам был открыт огонь из грузового автомобиля КАМАЗ, в котором ехали боевики. Свидетели не помнят никакого присутствия боевиков в колонне и открытия огня по самолетам из колонны. Что касается вопроса о том, были ли среди людей, бежавших из Чечни по автострате Ростов-Баку 29 октября 1999 г., вооруженные террористы, то заявительницы отмечают, что правительство не привело доказательств в поддержку этого утверждения, которые могли бы опровергнуть приложенные свидетельские показания (см. также по этому вопросу выводы Суда в решении по делу *Гюлес против Турции (Gules v Turkey)* от 27 июля 1998 г., Reports 1998-IV, § 72).

103. Кроме того, заявительницы утверждают, что их право на жизнь и право на жизнь их родственников было нарушено преднамеренно. Власти открыли гуманитарный коридор для жителей Чеченской республики, чтобы они могли бежать от начинающих военных действий (см. также в этой связи свидетельские показания). Однако те, кто попытался воспользоваться этим коридором, были заблокированы на российском военном КПП «Кавказ-1». Наличие намерения в действиях летчиков может быть доказано фактами повторных бомбардировок (по крайней мере дважды) и высотой их полета, которая была очень низкой (заявительницы оценивают ее в 30-60 м), так что люди в колонне и летчики в самолетах могли даже видеть друг друга.

104. Заявительницы утверждают, что любое использование силы должно быть «строго соразмерным». Соответственно, рассматриваемая операция должна «планироваться и контролироваться властями

таким образом, чтобы свести к минимуму, насколько возможно, использование военной силы, способной повлечь смерть» (*McCann and Others v UK*). Заявительницы обращают внимание Суда на несколько дел против Турции, в которых были применены принципы, установленные в деле *Макканн*, и в особенности принцип соразмерности, например, в деле *Ogur v Turkey* (1997), где силы безопасности стреляли без предупреждения в ночного сторожа, подозреваемого в терроризме, в ситуации, когда им ничто не угрожало (см. также дела *Kaya, Kurt, Mentés, Ergi, Gulec u Yasa*).

105. Степень использованной силы была явно несоразмерной, независимо от того, какой цели пытались достичь российские силы безопасности. Использование воздушной бомбардировки колонны гражданских автомобилей не может быть соразмерным применением силы, например, для осуществления ареста, для предотвращения бегства или «в порядке самозащиты», даже если силы безопасности усмотрели какую-либо угрозу со стороны людей, находившихся в колонне (что не признается заявительницами);

106. Воздушная бомбардировка колонны гражданских автомобилей представляет собой беспорядочное нападение на гражданских лиц, которое не может быть оправдано в данных обстоятельствах;

107. Российская армия несла обязательство защищать жизнь гражданских лиц и свести к минимуму риск подвергнуть опасности право на жизнь родственников заявительниц.

108. Заявительницы хотели бы подчеркнуть, что они и их семьи в огромной степени зависят от властей при осуществлении расследования обстоятельств смерти их родственников. По этому вопросу Межамериканский суд часто утверждал, что:

«В противоположность внутреннему уголовному законодательству, в разбирательстве об определении нарушений прав человека государство не может ссылаться в свою защиту на то, что истец не представил доказательств, если они не могут быть получены без содействия государства. Государство контролирует средства для проверки деяний, имеющих место на его территории» (*Velasquez Rodriguez, paras. 134-138; Godinez Cruz, paras. 140-144; Paniagua Morales et al Case, Judgment of March 8, 1988, Series C, № 37*).

109. Применение смертоносной военной силы против гражданских лиц, с учетом также его несоразмерности, запрещено ст. 3 Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., и является нарушением ст. 2 Конвенции.

Предполагаемое нарушение ст. 3

110. Суд неоднократно указывал, что «ст. 3 является одной из основополагающих ценностей демократического общества. Даже в самых сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, Конвенция абсолютно запрещает пытки и бесчеловечное и унижающее обращение или наказание. В отличие от большинства материальных положений Конвенции и Протоколов 1 и 4, ст. 3 не предусматривает исключений, и отступление от нее по ст. 15 п. 2 не разрешается даже в случае чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни нации» (см. следующие решения: *Ireland v the United Kingdom*, 18 January 1978, Series A, № 25, § 163; *Soering v the United Kingdom*, 7 July 1989, Series A, № 161, § 88; *Chahal v the United Kingdom*, 15 November 1996, Reports 1996-V, § 79; и *Selmouni v France*, 28 July 1999, § 95).

111. Интерпретируя ст. 3, Суд указал, что бесчеловечным обращением является причинение сильного физического или психологического страдания, а унижающим обращением является такое, которое вызывает в жертве чувства страха, тревоги и неполноценности, способно вызвать чувство унижения и возможно, сломить физическое или моральное сопротивление (см. вышеупомянутое решение по делу *Ireland v United Kingdom*, § 167). Первая и вторая заявительницы сами получили осколочные ранения и потеряли сознание, что может быть приравнено к бесчеловечному обращению в свете вышеописанных обстоятельств. Тот факт, что им пришлось быть свидетелями гибели близких родственников, что вызвало в заявительницах чувства страха и было способно сломить их моральное сопротивление, может квалифицироваться как унижающее обращение.

Предполагаемое нарушение ст. 1 Протокола 1.

112. Правительство не оспаривало уничтожения машины и имущества третьей заявительницы. Однако оно не привело никаких доказательств законности уничтожения, что составляет нарушение ст. 1 Протокола 1 (см. аналогичную ситуацию *mutatis mutandis* в вышеупомянутом решении по делу *Акдивар и другие (Akdivar and Others)*, § 88)

Предполагаемое нарушение ст. 13

113. Суд последовательно придерживается принципа, что ст. 13 должна интерпретироваться как гарантирующая эффективное средство защиты перед национальными властями всякому, кто утверждает

ет, что его права и свободы по Конвенции были нарушены (*Класс против Германии* (*Klass v Germany*) Series A No 28 решение от 6 сентября 1978 г., п. 64). Действие этой статьи, таким образом, состоит в том, что она требует предоставления внутреннего средства защиты, позволяющего компетентному национальному органу по существу рассмотреть жалобу по Конвенции и предоставить соответствующее возмещение (*Aksoy*, п. 95). Средство защиты, которого требует ст. 13, должно быть «эффективным» на практике, равно как и по закону, в том смысле, что действия или бездействие властей государства-ответчика не должны неоправданно препятствовать пользованию им (*Aksoy* п. 95).

114. В случаях, когда родственники какого-либо лица выдвигают обоснованную жалобу, что последний погиб от рук властей, и если затронуты права столь основополагающие, как право на жизнь и запрет пыток и бесчеловечного и унижающего обращения или наказания, ст. 13 требует тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению и наказанию ответственных за нарушения, включая эффективный доступ пострадавшего к процедуре расследования (*Aksoy v Turkey*, 18 декабря 1996 г., RJD, 1996–VI, №26; (1997) 23 EHRR 553, п. 98. См. также *Aydin v Turkey*, 25 сентября 1997 г., RJD, 1997-VI, №50; (1998) 25 EHRR 251, п. 103; *Kaya v Turkey*, 19 февраля 1998 г., п. 107; *Kurt v Turkey*, 25 мая 1998 г., п. 104; *Tekin v Turkey*, 9 июня 1998 г., п. 66; *Yasa v Turkey*, 2 сентября 1998 г., п. 114; *Tas v Turkey*, решение от 14 ноября 2000 г.; *Cicek v Turkey*, решение от 27 февраля 2001 г., п. 178).

115. По этому вопросу см. также пп. 91-95.

Применение ст. 41

Нематериальный ущерб

116. Первая заявительница потеряла своего сына Саида-Магомеда (9 лет без одного дня) и дочь Илону (16 лет), невестку и сама получила ранения. Суд должен рассмотреть эти факты в свете обстоятельств военных действий в Чеченской республике и присудить первой заявительнице 25 тыс. евро (см. также приложение 10).

117. Вторая заявительница была ранена и потеряла сознание, что представляет собой бесчеловечное обращение. Принимая во внимание обстоятельства данных военных действий, вторая заявительница просит Суд присудить ей 15 тыс. евро (см. также приложение 12).

118. Третья заявительница лишилась своего имущества. Прини-

мая во внимание обстоятельства данных военных действий, третья заявительница просит Суд присудить ей 5 тыс. евро (см. также приложение 14).

Материальный ущерб

119. Третья заявительница требует 107760 долларов США в порядке компенсации материального ущерба, подробно расписанного в приложении 15.

Расходы и издержки

120. Гонорары юристов, работавших с данными жалобами:

Юристы в Лондоне (суммы подлежат выплате Европейскому центру защиты прав человека)

121. Профессор Уильям Бауринг запрашивает 2115 фунтов стерлингов за работу по этому делу и по делам Хашиева и Акаевой против России и Исаевой против России. Таким образом, сумма гонорара по данному делу должна составить 705 фунтов стерлингов.

122. Филип Лич требует 900 фунтов стерлингов за работу по этому делу и по делам Хашиева и Акаевой против России и Исаевой против России. Таким образом, сумма гонорара по данному делу должна составить 300 фунтов стерлингов. Его работа включала в себя следующее:

14.4.03 – Составление комментариев на состязательные бумаги и написание дополнительных частей	4 часа
16.4.03 – Замечания по проекту замечаний по существу дела и написание дополнительных частей	3 часа
17.4.03 – Составление состязательных бумаг	2 часа

Почасовая ставка: 100 евро в час

Всего: 900 евро

Московские юристы (суммы, подлежащие выплате ПЦ «Мемориал»)

123. Кирилл Коротеев запрашивает следующие суммы гонорара за свою работу и работу бывшего представителя заявительниц, который также работал в ПЦ «Мемориал»

апрель – май 2000: составление жалоб	8 часов
ноябрь – декабрь 2000 г.: составление ответов на меморандум правительства	25 часов
август 2002: составление письма в суд	3 часа

февраль – апрель 2003: написание данных замечаний 12 часов
Всего: 50 часов.

124. Почасовая ставка юристов в Москве колеблется от 3 до 100 евро в час. С учетом сложности настоящего дела и того, что лишь немногие юристы в Москве способны вести разбирательство в Европейском Суде по правам человека, почасовая ставка оплаты должна быть установлена в 50 евро в час.

125. Таким образом, общая сумма гонорара для московских юристов составляет 2500 евро.

Выездная работа правозащитников (суммы подлежат выплате ПЦ «Мемориал»)

126. Суд должен принять во внимание, что следующие цифры касаются работы и других расходов по этому делу и по делам Хашиева и Акаевой против России и Исаевой против России, которые велись совместно.

127. Почасовая работа (всего 5 620 USD или 5 109 EUR)

Для О. П. Орлова	1,700 USD
Для А. В. Черкасова	1,700 USD
Для Т. И. Касаткиной	100 USD
Для Э. Мусаевой	550 USD
Для Н. Эстимировой	500 USD
Для В. А. Басаева	100 USD
Для Д. Ицлаева	320 USD
Для А. Сорина	50 USD
Услуги водителя	600 USD

128. Транспортные расходы на поездки в Республику Ингушетия и в Чеченскую республику

Для А. В. Черкасова:	23.04.00-04.05.00	8 745 рублей
	12.01.00-20.01.00	14 854 рублей
Для Т. И. Касаткиной	14.01.00-20.01.00	6 165 рублей
Для О. П. Орлова	02.08.03-22.02.03	15 714 рублей
	12.01.00-20.01.00	6 677 рублей

129. Переписка с Судом: 205 343,47 рублей

130. Покупка карт Чеченской республики: 2 219 рублей

131. Мониторинг телевидения и радио: 98, 929 рублей

132. Всего по пунктам 128-131: 358 646,47 рублей или 10 519 евро.

133. Таким образом, по этой статье расходов должно быть присуж-

дено 15 628 евро.

134. Следует отметить, что в суммы под пп. 122-133 не включен подлежащий уплате налог, который для России составляет 48%.

Список документов, прилагаемых к настоящим замечаниям

1. Свидетельские показания Зои Алиевны Шахбулатовой.
2. Свидетельские показания Алисы Умаровны Митаевой.
3. Свидетельские показания Ахмеда Магомедовича Ибаева.
4. Свидетельские показания Али Гимиевича Саидова.
5. Свидетельские показания Ризвана Магомедовича Шабазанова.
6. Hawkes M. A Tribunal for Chechnya // The Moscow Times, 31 March 2003.
7. Краткое изложение исследования Хьюман Райтс Вотч о нападениях на гражданских лиц— беженцев и гражданские автоколонны во время войны в Чечне с октября 1999 по февраль 2000 г.
8. Письмо военной прокуратуры воинской части № 20102 от 24 августа 2003 г.
9. Письмо Генеральной прокуратуры от 19 февраля 2003 г. депутату Государственной думы С. Ковалеву.
10. Заявление первой заявительницы относительно нематериального ущерба.
11. Просьба первой заявительницы о предоставлении юридической помощи.
12. Заявление второй заявительницы относительно нематериального ущерба.
13. Просьба второй заявительницы о предоставлении юридической помощи.
14. Заявление третьей заявительницы относительно событий нападения и нематериального ущерба.
15. Просьба третьей заявительницы о предоставлении юридической помощи.
16. Обоснование третьей заявительницей причиненного материального ущерба.
17. Обоснование расходов и издержек.
18. Судебные решения по делу Липату Умаевой.

Искренне ваш,
Представитель

Кирилл Коротеев

Европейский Суд по правам человека
Первая секция

Жданока против Латвии

Жалоба № 58278/00

Слушание 15 мая 2003 г., четверг

Устное выступление от имени заявительницы

Г-н председатель, Ваши Превосходительства,

1. Заявительница хотела бы выразить свое одобрение решению Суда от 6 марта 2003 г. о частичной приемлемости ее жалобы и хотела использовать свое выступление этим утром для того, чтобы полностью ответить на вопросы, поставленные Судом в письме, сопровождавшем решение о приемлемости.

2. Прежде чем это сделать, она хотела бы воспользоваться возможностью описать проблему, которая, по ее мнению, лежит в основании ее жалобы в Суд.

3. С 1996 г. заявительница является гражданкой Латвии. Для того, чтобы получить гражданство, на которое она имела право, она обратилась в суд. Она всегда была сторонницей законности и мирного разрешения конфликтов. С 1990 по 1993 г. она была депутатом Верховного Совета Латвии, а с 1989 по 1994 г. и с 1997 по 1999 г. — депутатом Рижского городского совета. В течение многих лет она работала в качестве правозащитницы, основала Латвийский комитет по правам человека (являющийся членом FIDH) и многократно сотрудничала с Советом Европы, ОБСЕ и другими организациями в целях содействия мирному разрешению проблем современной Латвии. Настоящая ее жалоба следует за рядом настойчивых обращений в латвийские суды.

4. Однако законы 1994 и 1995 г., которые не были применены против нее в 1997 г., но применены в 1998 г., помешали ей и далее представлять интересы своих избирателей.

5. Правительство не представило ни единого доказательства, ко-

торое было бы способно продемонстрировать наличие причин, установленных законом в интерпретации Европейского Суда по правам человека или необходимых в демократическом обществе, для того, чтобы отказать заявительнице в праве выставлять свою кандидатуру на выборах. Поэтому, по ее мнению, эти ограничения являются произвольными (*willkürliche*) и несоразмерными.

6. Безусловно, слабость позиции правительства демонстрируется следующим его доводом.

7. Согласно краткому изложению Судом доводов правительства, последнее утверждает, со ссылкой на решение по делу *Ахмед и другие против Соединенного Королевства* (*Ahmed and others v UK*) от 2 сентября 1998 г., что лишение заявительницы права быть избранной носило «превентивный характер» и не требовало непосредственного доказательства реальности каких-либо опасных и антидемократических действий со стороны данного лица (см. п. 77 Меморандума).

8. Заявительница отмечает, что Суд в деле *Ахмед* не рассматривал и не ссылаясь на ограничения, носящие «превентивный» характер, а исследовал вопрос о том, «соответствовали ли ограничения, наложенные на заявителя, «насущной общественной потребности» и были ли они «соразмерны» цели защиты прав других лиц на эффективную политическую демократию на местном уровне...» (п. 61).

9. В этом деле Суд пришел к выводу, что «Комитет Уиддикомб определил «насущную общественную потребность» предпринять какие-то меры в этой области. Принятие Положений, ограничивающих участие определенных категорий служащих, которых отличал деликатный характер исполняемых ими обязанностей, в определенных формах политической деятельности, может считаться законной реакцией законодательного органа на эту потребность, которая находилась в рамках усмотрения государства-ответчика».

10. Заявительница с уважением к Суду выражает мнение, что ограничения, рассматриваемые в деле *Ахмед*, были результатом прошедшего тщательное обсуждение политического решения, оказывающего влияние на будущие меры по подготовке к выборам в местные органы власти для всех кандидатов. Все лица, относящиеся к категории, которой коснулись данные ограничения — а именно высокопоставленные служащие местных органов власти — заранее были об этом уведомлены. В деле заявительницы ограничение было введено в 1995 г., то есть уже после того, как она начала работать в качестве выборного представителя на местном и национальном уровнях, и та-

ким образом, что никто из кандидатов, и в особенности заявительница, не могли заранее знать, повлияет ли на них данное ограничение.

11. Таким образом, установленное ограничение обладало той же степенью произвольности и несоразмерности, как и ограничение, о котором шла речь в деле *Подколзина против Латвии (Podkolzina v Latvia)* от 9 апреля 2002 г.

Вопрос 1. Сторонам предложено определить правовой статус Латвийской коммунистической партии в период с 13 января 1991 г., -критической даты, установленной Законом о парламентских выборах, до 10 сентября 1991 г. – даты официального роспуска партии. В частности, была ли деятельность вышеупомянутой организации разрешена или запрещена в течение этого периода в соответствии с национальным законодательством?

12. Отметим, что в решении о приемлемости Суд кратко изложил позиции сторон следующим образом.

13. Согласно изложению Суда, правительство утверждало, что заявительница не могла ссылаться на дело *Фогт (Vogt)*. Г-жа Фогт осуществляла законную деятельность в партии, существующей на законных основаниях, тогда как, с учетом роли ЛКП в событиях января 1991 г., ее следует считать антиконституционной и незаконной организацией в относящиеся к делу периоды времени.

14. Согласно краткому изложению Суда, заявительница утверждала, что постановление об антиконституционном характере ЛКП было официально принято только 23 августа 1991 г., а до тех пор деятельность партии была совершенно законной, в том числе и во время январских событий 1991 г. Она особо указала на период путаницы, известный как «конфликт законов», продолжавшийся в течение 1991 года вплоть до потерпевшего неудачу «путча» в России.

15. Заявительница с уважением к Суду повторяет свои следующие замечания. В соответствии с внутренним законодательством Латвии, действовавшим в то время, Латвийская коммунистическая партия была действовавшей на законных основаниях политической партией в период с 13 января 1991 г. по 2 августа 1991 г., когда ее деятельность была приостановлена, а в последующий период вплоть до 10 сентября 1991 г. – даты ее официального роспуска – оставалась хоть и не действующей, но по-прежнему законной.

16. Заявительница признает, что анализ событий этого периода сложен не в последнюю очередь в силу особенностей ситуации переходного периода. Подробности основательно обсуждались в пись-

менных объяснениях заявительницы и правительства. Однако она отмечает, что Верховный Совет мог в любой момент, начиная с 13 января, приостановить деятельность ЛКП или распустить ее, однако не сделал этого. Эти меры были приняты Верховным Советом только после неудачного августовского «путча» 1991 г. Правительство не утверждало, что заявительница имела какое-либо отношение к этому «путчу».

17. Более того, Приложение 1 к Меморандуму правительства содержит отсылку на речь заявительницы в Верховном Совете 13 января 1991 г. То есть достоверно установлено, что на тот момент она исполняла свои обязанности члена Верховного Совета и не присутствовала на пленарном заседании ЦК ЛКП. Заявительница представила поправки, касающиеся содержания ее речи, в своем ответе, датированном февралем 2002 г., в пп. 77, 78 и 84. Таким образом, ее имя не фигурировало в списке присутствовавших на собрании ЛКП, с таким запозданием представленном правительством 29 апреля 2003 г., на с. 159.

18. Заявительница хотела бы рассмотреть этот вопрос в следующем аспекте. Она с уважением напоминает Суду, что продолжала оставаться депутатом Верховного Совета Латвии в течение всего периода его существования вплоть до июля 1993 г., несмотря на то, что 9 июля 1992 г. мандаты 15 депутатов были аннулированы в соответствии с поправками от 30 июня 1992 г. к закону «О статусе народного депутата в Республике Латвия» на основании действий, «противоречащих Конституции Латвийской республики...». Они были дисквалифицированы Комиссией, созданной 22 августа 1991 г. с целью расследования «незаконной попытки государственного переворота» — см. п. 61 Меморандума правительства. Заявительница не только не была осуждена Комиссией — не было даже попытки признать ее виновной или освободить от исполнения обязанностей. Правительство не утверждает, и не могло бы утверждать, что заявительница совершала в этот период какие-либо действия, противоречащие латвийской государственности или демократическим принципам. Напротив, она осуществляла свои полномочия депутата Верховного Совета и представляла своих избирателей в меру своих сил и возможностей.

Вопрос 2. Преследует ли применение к заявительнице положения закона о парламентских выборах, запрещающего ей выдвигать свою кандидатуру на выборах в законодательные органы как «активному» члену Коммунисти-

ческой партии после 13 января 1991 г., одну или несколько законных целей в отношении статьи 3 Протокола 1 к Конвенции?

19. Ст. 3 Протокола 1 не уточняет, каковы «законные намерения» (или «цели»), преследуя которые, правительство вправе ограничить или осуществить вмешательство в права, установленные в этой статье.

20. По мнению заявительницы, наилучший ориентир содержится в решении Суда по делу *Подколзиной против Латвии (Podkolzina v Latvia*, решение от 9 апреля 2002 г.).

21. Суд указал, что, несмотря на важность прав, содержащихся в ст. 3 Протокола 1, «они, тем не менее, не носят абсолютного характера». Поскольку ст. 3 признает эти права, однако не формулирует в ясно выраженных терминах, и уж тем более не дает определения им, она оставляет возможность для «подразумеваемых ограничений». При установлении внутреннего правопорядка Договаривающиеся Стороны подчиняют право избирать и быть избранным на выборах условиям, которым, в принципе, статья 3 не препятствует. Государства обладают в этой сфере широкой свободой усмотрения, однако последнее слово при определении того, были ли соблюдены требования Протокола 1, остается за Судом, который должен убедиться в том, что данные условия не ограничивают права в такой степени, что затрагивают самую их сущность и лишают их эффективности; что установленные ограничения преследуют законную цель, а использованные средства не являются несоразмерными (см. *Mathieu-Mohin and Clerfayt v Belgium*, решение от 2 марта 1987 г., Series A №. 113, p. 23, § 52; *Gitonas and Others v Greece*, решение от 1 июля 1997 г., Reports of Judgments and Decisions 1997-IV, p. 1233, § 39; *Ahmed and Others v the United Kingdom*, решение от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-VI, p. 2384, § 75; и *Labita v Italy* [GC], № 26772/95, § 201, ECHR 2000-IV).»

22. Суд далее указывает: «В частности, Государства пользуются широкой свободой при установлении конституционных норм, относящихся к статусу членов парламента, в том числе и оснований для их дисквалификации. Хотя все эти критерии происходят из необходимости обеспечить как независимость выборных представителей, так и свободу избирателей, они могут варьироваться в зависимости от исторических и политических факторов, характерных для каждого государства; огромное множество ситуаций, предусмотренных в конституциях и избирательном законодательстве многочисленных государств-участников Совета Европы показывает, насколько разнообразными могут быть возможные подходы в этой области. В целях приме-

нения ст. 3 любое избирательное законодательство должно оцениваться в свете политической эволюции указанной страны, так, что особенности, неприемлемые в рамках одной системы, могут быть оправданы в контексте другой. Однако свобода усмотрения государства в этом отношении ограничена обязательством соблюдать основополагающий принцип ст. 3, а именно «свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти» (см. вышеупомянутое решение по делу *Mathieu-Mohin and Clerfayt v Belgium*, § 54).»

23. Возможно, это поможет Суду в его задаче, если я перечислю «законные цели», установленные им в ранее рассмотренных делах.

24. Законной целью в деле *Матьё-Мозн и Клерфэ против Бельгии* (*Mathieu-Mohin and Clerfayt v Belgium*) было достижение равновесия между различными регионами и культурными общностями Бельгии с помощью сложной модели сдержек и противовесов. Цель состояла в сглаживании языковых конфликтов в стране посредством установления более стабильных и децентрализованных организационных структур (п. 57).

25. Законным основанием для дисквалификации некоторых должностных лиц в деле *Гитонас и другие против Греции* (*Gitonas and Others v Greece*) послужила «двойная цель, которая существенна для должного функционирования и сохранения демократических режимов, а именно обеспечение того, чтобы кандидаты, придерживающиеся различных политических убеждений, пользовались равными средствами влияния (поскольку должностные лица иногда имеют несправедливое преимущество перед другими кандидатами), а избиратели были защищены от давления со стороны таких должностных лиц, которые, в силу своего положения, призваны принимать множество — иногда важных — решений и пользоваться значительным престижем в глазах рядового гражданина, что может повлиять на его выбор кандидата» (п. 40).

26. Законной целью в деле *Ахмед и другие против Соединенного Королевства* (*Ahmed and Others v the United Kingdom*) была «необходимость в принятии мер по укреплению традиции политической нейтральности либо посредством законодательства, либо путем видоизменения условий контрактов о трудоустройстве должностных лиц» (п. 62).

27. Законными целями в деле *Лабита против Италии* (*Labita v Italy*) было «поддержание общественного порядка» и «предотвращение преступлений» в отношении члена мафии (п. 194).

28. Заявительница не пытается убедить Суд в том, что это исчер-

пывающий список возможных законных целей. Однако через них проходит одна общая нить. Каждая из них явным образом основывалась на ясно проработанных и рациональных политических мерах, которые возможно было понять и действовать в соответствии с ними, а их последствия возможно было предвидеть. Иными словами, это ограничение было «установлено законом» или основано на «законе», как это было определено Судом.

29. Таким образом, ограничение или вмешательство должно соответствовать требованиям, которые были давным-давно сформулированы Судом: «Во-первых, закон должен быть в достаточной мере доступным: граждане должны иметь соответствующую обстоятельствам возможность ориентироваться в том, какие правовые нормы применяются к данному случаю. Во-вторых, норма не может считаться «законом», если она не сформулирована с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину соотносить с ней свое поведение: он должен иметь возможность — пользуясь при необходимости советами — предвидеть, в разумной применительно к обстоятельствам степени, последствия, которые может повлечь за собой данное действие» (решение по делу *Candru Таймс (Sunday Times)*, с. 31, п. 49; решение по делу *Сильвер и другие (Silver and Others)*, с. 33, п. 87 и 88).

30. Рассматриваемое ограничение было установлено правительством в форме закона, рамки и применение которого не отличались ни предсказуемостью, ни точностью, что демонстрируется совершенно различными результатами обращений заявительницы в Избирательную комиссию. Таким образом, ограничение, примененное к заявительнице, не было основано на законе и не преследовало какого-либо законного намерения или цели.

Вопрос 3. Если да, то является ли применение данного ограничения по отношению к заявительнице соразмерным преследуемой одной или более законным целям?

31. Если ограничение, примененное правительством, преследовало законную цель, — что оспаривается заявительницей, — то она хотела бы еще раз сослаться на принципы, изложенные в деле *Подколзиной* (п. 35). Суд рассматривал принципы, которые должны применяться при определении, было ли решение об исключении имени Подколзиной из списка кандидатов соразмерным преследуемой цели.

32. «В этой связи Суд повторяет, что цель и назначение Конвенции, которая является инструментом защиты людей, требует истол-

кования и применения ее положений таким образом, чтобы установленные ими принципы носили не теоретический или иллюзорный характер, но были практическими и эффективными (см., например, *Artico v Italy*, решение от 13 мая 1980, Series A no. 37, pp. 15-16, § 33; *United Communist Party of Turkey and Others v Turkey*, решение от 30 января 1998, Reports 1998-I, p. 18, § 33; и *Chassagnou v France* [GC], nos. 25088/94, 28331/95 и 28443/95, § 100, ECHR 1999-III). Право выдвигать свою кандидатуру на выборах, гарантированное ст. 3 Протокола 1 и являющееся неотъемлемой частью концепции в подлинном смысле демократического правления, было бы лишь иллюзорным, если бы человек мог быть произвольно его лишен в любой момент. Следовательно, несмотря на то, что государства обладают широкой свободой усмотрения при установлении условий на право быть избранным в абстрактном отношении, принцип эффективности прав требует, чтобы вывод о том, что тот или иной кандидат не удовлетворяет данным условиям, соответствовал целому ряду критериев, сформулированных с целью предотвратить принятие произвольных решений. В частности, определять это должен орган, способный предоставить некоторый минимум гарантий своей беспристрастности. Подобным образом свобода усмотрения, которой пользуется данный орган, не должна быть непомерно широкой; она должна быть с достаточной точностью ограничена положениями национального законодательства. И, наконец, процедура дисквалификации кандидата должна гарантировать принятие справедливого и объективного решения и препятствовать любым злоупотреблениям полномочиями со стороны соответствующего органа».

33. Заявительница повторяет, что произвольный характер закона о муниципальных выборах от 13 января 1994 г. и закона о парламентских выборах 25 мая 1995 г., положения которых относящиеся к установленным ограничениям идентичны, демонстрируется тем фактом, что она была допущена к выборам в качестве кандидата в 1997 г. и была избрана, однако ей было отказано в этом в 1998 г. после подачи точно такого же заявления в Избирательную комиссию. Таким образом, свобода усмотрения была явно чрезмерно широкой и очевидно несоразмерной.

Вопрос 3а. Может ли статья 3 Протокола 1 быть истолкована как разрешающая государству требовать от кандидата на выборах в законодательные органы и, следовательно, депутата, определенной степени политичес-

кой лояльности по отношению к государству и демократии? Если да, то до какой степени государство может осуществлять это право?

34. Заявительница утверждает, что Суд ясно изложил данные принципы в двух решениях по делу *Рефах Партиси (Партия благоденствия) против Турции (Refah Partisi (Welfare Party) v Turkey)*, от 31 июля 2001 г. и 13 февраля 2003 г. В последнем из этих решений, в п. 47 Суд установил, что «...политическая партия вправе выступать за изменения в законодательстве или правовом и конституционном устройстве государства при соблюдении двух условий: 1) средства, используемые для этой цели должны быть во всех отношениях правовыми и демократическими; 2) предлагаемые изменения должны быть сами по себе совместимы с основополагающими демократическими принципами. Отсюда с необходимостью следует, что политическая партия, лидеры которой подстрекают к насилию или проводят политику, не согласующуюся с одной или более норм демократии или направленную на разрушение демократии и нарушение предоставляемых ею прав и свобод, не могут претендовать на защиту Конвенции от санкций, наложенных по этим причинам (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Socialist Party and Others v Turkey*, решение от 25 мая 1998 г., Reports 1998-III, pp. 1256-57, §§ 46 и 47, и решение по делу *Lawless v Ireland* от 1 июля 1961 г. (по существу), Series A no. 3, pp. 45-46, § 7).»

35. В этом деле вопрос, поставленный перед Судом (п. 66), был сформулирован следующим образом. «Предмет спора между сторонами перед Судом в основном касается вопроса, действительно ли партия «Рефах» стала «центром антисекулярнветской деятельности» и политической группой, стремящейся к установлению теократического режима».

36. Таким образом, государство вправе требовать от кандидатов на выборах, чтобы они не подстрекали к насилию; чтобы они не проводили политики, которая не согласуется с указанными демократическими нормами; и чтобы они не ставили своей целью разрушение демократии и нарушение прав и свобод. Ничто не показывает, что заявительница преследовала какие-либо цели или осуществляла действия в нарушение этих принципов или скрывала подобные цели или намерения.

б) Влияет ли то обстоятельство, что датой, указанной в ст. 5(6) Закона о парламентских выборах, является 13 января 1991 г., а не 10 сентября 1991 г. (дата официального роспуска коммунистической партии) на соразмерность оспариваемой меры?

37. Да, по причинам, изложенным выше. Совершенно ясно, что в 1994 и в 1995 гг. правительство искало совершенно нового основания для исключения /из избирательного процесса/ лиц, подобных заявительнице, и самой заявительницы. Несоразмерность была тем самым усугублена.

с) Продолжает ли оспариваемая мера быть соразмерной до настоящего времени, то есть спустя более 10 лет после событий 1991 г.?

38. Если, как утверждает заявительница, данная мера была несо-размерной в 1995 г., тем более она несоразмерна сейчас. Заявительница вновь опирается на доводы меньшинства в Конституционном суде Латвии — см. п. 33-35 Ответных замечаний заявительницы от февраля 2002 г. На данный момент Латвия является независимой уже более 10 лет, заявительница доказала свою приверженность вновь созданному государству, гражданкой которого она является, и продолжающийся запрет на участие в выборах не может быть оправдан.

Вопрос 4. Возможно ли в данном деле утверждать, что лишение заявительницы права быть избранной ограничило ее права, гарантированные ст. 3 Протокола 1 до такой степени, что ограничение затронуло самую их сущность и лишило их эффективности? Стороны также могут привести любую другую информацию или юридические пояснения, которые они считают в этой связи имеющими отношение к делу.

39. Заявительница с уважением к Суду утверждает, что ее смещение из состава Рижского городского совета после того, как она была туда избрана демократическим путем, и запрет выдвигать свою кандидатуру на выборах в местные и национальные органы власти неизбежно затрагивает самую сущность прав, гарантированных статьей 3.

40. Этот вывод следует из аргументации Суда по делу *Матьё-Мозн и Клерфэйт против Бельгии (Mathieu-Mohin and Clerfayt v Belgium)*. «Что же касается природы прав, закрепленных таким образом в статье 3, то подход Комиссии несколько изменился, и от понятия «институционное» право на проведение свободных выборов (см. решение от 18 сентября 1961 г. о приемлемости жалобы N 1028/61, дело *X против Бельгии D.R.*, т. 4, с. 338) Комиссия перешла к понятию «всеобщего избирательного права» (см., в частности, решение от 6 октября 1967 г. о приемлемости заявления N 2728/66, дело *X против Федеративной Республики Германии*, там же, т. 10, с. 338), а далее, постепенно, — к понятию субъективных прав участия: «права избирать» и «права быть

избранным на выборах в орган законодательной власти» (см., в частности, решение от 30 мая 1975 г. о приемлемости жалоб N 6745 и 6746/76, дело *W, X, Y и Z против Бельгии*, там же, т. 18, с. 244). Суд согласен с этой последней концепцией».

41. Таким образом, право выдвигать свою кандидатуру на выборах является основополагающим аспектом права, гарантированного в ст.3 Протокола 1.

Вопрос 5. Является ли лишение заявительницы права быть избранной вмешательством в ее права, гарантированные ст. 10 и 11 Конвенции?

42. В отношении ст. 10 заявительница с уважением к Суду выражает согласие со словами Суда в деле *Ахмед и другие против Соединенного Королевства (Ahmed and others v UK)*: «Суд, со своей стороны, также считает, что имело место вмешательство в права заявителей на выражение мнения, и он согласен в этом отношении с изложением Комиссией ситуации, в которой оказался каждый из заявителей, которые в силу природы своих обязанностей оказались в сфере действия законодательства-источника и, следовательно, имплементирующих Положений: г-н Ахмед не мог выдвинуть свою кандидатуру на выборную должность, г-да Перрин и Бентли были вынуждены подать в отставку со своих должностей и не могли более осуществлять агитацию за своих жен в ходе местных выборов; г-н Брау не мог больше действовать в качестве парламентского председателя своей политической партии. Все эти виды деятельности предполагали различные способы осуществления заявителями права на свободу выражения мнения, и, в частности, их права сообщать информацию и идеи третьим лицам в контексте политической деятельности».

43. Это очевидным образом относится и к заявительнице.

44. В отношении ст. 11 заявительница с уважением к Суду выражает согласие со следующими словами Суда в деле *Объединенной коммунистической партии Турции и других против Турции (United Communist Party of Turkey and Others v Turkey)* (решение от 30 января 1998 г., пп. 24 и 25): «Суд полагает, что формулировка статьи 11 дает начальное указание на то, могут ли политические партии ссылаться на это положение. Он отмечает, что, хотя ст. 11 относится к «свободе объединения с другими, включая право создавать... профессиональные союзы...», соединительный оборот «включая» явно показывает, что профессиональные союзы являются лишь одним из примеров формы, в которой может осуществляться право на свободу объединения. Поэтому

невозможно заключить, как это сделало правительство, что включая в текст упоминание о профсоюзах — по причинам, связанным преимущественно с проблемами, существовавшими на тот момент, — разработчики Конвенции намеревались исключить политические партии из сферы действия ст. 11».

45. «Однако еще более убедительным доводом, нежели формулировка ст. 11, по мнению Суда, является факт, что политические партии являются формой объединения, жизненно необходимой для должного функционирования демократии. Ввиду важности демократии в системе Конвенции (см. п. 45 ниже), не может быть сомнения в том, что политические партии подпадают под сферу действия ст. 11».

46. В настоящем деле заявительнице по сути было отказано в праве осуществлять одно из важнейших свойств членства в политической партии или объединении, а именно выступать в качестве кандидата на выборах.

Вопрос 6. Если да, то оправдано ли данное вмешательство по смыслу параграфа 2 этих двух статей?

47. Ст. 10.2 гласит: «Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе

- в интересах национальной безопасности,
- территориальной целостности,
- или общественного порядка,
- в целях предотвращения беспорядков или преступлений,
- для охраны здоровья или нравственности,
- защиты репутации или прав других лиц,
- предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально,
- или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

48. Ни одно из этих оснований не применимо к заявительнице.

49. Ст. 11.2 гласит: «Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе

- в интересах национальной безопасности,

- или общественного порядка,
- в целях предотвращения беспорядков или преступлений,
- для охраны здоровья или нравственности,
- или для защиты прав и свобод других лиц...

50. Ничто из этого также не может быть применено к заявительнице.

Заключение

51. В силу вышесказанного заявительница с уважением просит Суд удовлетворить ее жалобу и сделать такое распоряжение о назначении справедливой компенсации, какое Суд сочтет справедливым.

Билл Бауринг

Учебное пособие

ОБРАЩЕНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Общая редакция: *Филип Лич*
Переводчик: *Татьяна Томаева*
Корректор: *Наталья Грибкова*
Дизайн и верстка: *Константин Благов*

МОО ПЦ «Мемориал»
127051, г. Москва, М. Каретный пер., 12

Подписано в печать 20.01.06 г. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Объем 33 п.л. Тираж 5000 экз. Заказ № 2182.

Отпечатано при участии ООО «Альварес Пабблишинг».

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.